

*Николай
Удовиченко*

ИЗЛОМ
Книга первая

18+

Николай Удовиченко

**Излом. Книга первая.
Хорошие времена. Кавказцы**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Удовиченко Н. Я.

Излом. Книга первая. Хорошие времена. Кавказцы /
Н. Я. Удовиченко — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Роман "Излом" показывает события, происшедшие с СССР и Россией от
предперестроечных времен до середины нулевых лет. Все раскрывается через
восприятие мира и событий героев книги.

© Удовиченко Н. Я., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Моей Малой Родине Северной Осетии и ее прекрасным людям посвящается.

Приступая к этой книге, я имел только одну цель: моими глазами и глазами моих героев, прототипы которых взяты мной из моей жизни, увидеть, осмыслить и понять то, что произошло с нашей страной и людьми в период от предперестроечных времен и до наших дней. Такие испытания редко выпадают народам. И после таких испытаний народы или крепнут и идут вперед, сметая все преграды, или уходят с исторической сцены.

Предисловие

Между Черным и Каспийским морем раскинулся обширный край, который зовут Кавказом. Удивительный край с самобытной культурой, населенный многими народами. Языки этих народов отличаются друг от друга зачастую не меньше, чем русский и китайский. Но в культурах народов много похожего. Практически все народы Северного Кавказа почитают Адат – свод народных обычаев и правил поведения, Адат у народов отличается. Адат есть и у других восточных народов. Неизменным остается закон гостеприимства. Гость для кавказца это посланник от Бога. Менялись религии, менялись завоеватели, но Кавказ, приняв очередную религию, оставался самим собой. Кавказ это Цивилизация, плохо поддающаяся осмыслению для некавказцев. Самое удивительное, что поселившись на Кавказе, многие некавказцы становятся его ярыми патриотами, считают себя кавказцами, а их потомки уже во втором поколении гордятся своим кавказским происхождением.

Отчего происходят трения между разными народами? В основном из-за непонимания друг друга и чрезмерных амбиций. Поэтому я, как истинный кавказец, пронесший Кавказ, особенно Северную Осетию, в своем сердце через всю мою жизнь, постарался открыть для читателя кавказцев. Да, это другие люди, но они же Люди! С другими языками, другими обычаями, но они чувствуют и переживают не менее ярко, чем русские, немцы, англичане, таджики и другие нации. Русские, даже завоевав Кавказ, не понимали и не понимают кавказцев. Отсюда и взаимная неприязнь. Ярким примером взаимопонимания являются отношения кавказских народов и казаков, к сожалению испорченные в последнее время. Кавказцы говорят, что они изучили русских и во многом понимают их, но русские в своей основе не изучают кавказцев и не понимают их. А жаль! Во взаимопонимании рождается Мир и уходят войны. Я надеюсь, что я сумел донести до читателя и открыть ему Кавказ и кавказцев. Как и все люди в бывшем СССР они попали под страшнейший удар катастрофы рухнувшей империи, много кавказцев разбрелось по миру, но потом многие возвратились домой. Пожелаем им удачи.

Да, я многое изменил и даже приукрасил в этой книге. Я постарался сгладить отношения между осетинами и ингушами. Эти два соседних народа когда-то вместе входили в сильное государство аланов, ветви сарматов. Имели опыт совместного проживания в населенных пунктах, роднились, многие роды осетин и ингушей имеют общих предков. Неизвестно, кто и когда посеял вражду между ингушами и осетинами, но эта вражда дает себя знать и в наше время. Я во многом переиначил обычаи застолья осетин, чтобы сделать их более понятными для читателя. Я считаю это своим правом, я ведь писал художественное произведение, а не документальное.

Я старался всегда нести людям Добро, в мире ужасно много зла. Пусть же Добро придет ко всем нам.

* * *

Над селом вставало утро. Было рано, часа четыре, когда зарозовела вершина Казбека, потом заря разлила свои алые волны над Столовой горой, окрасила зеленые лесистые горы, подняла туманы из долин. Повеяло утренней прохладой, в ветвях деревьев загомонили птицы. Все в природе просыпалось, неся заботы дня. Предгорная Осетия готовилась к дневным заботам.

Денис спал на улице, под вишнями, ночи были уже теплые. Досыпались самые прекрасные предутренние сны, когда сладкая истома охватывает тело, готовя его к новому дню. Сквозь сон почувствовал, что кто-то подошел к его раскладушке. Его несильно ударили по ступне правой ноги. Денис открыл глаза.

– Хватит спать, еще наспишься. Вставай!

У раскладушки стоял Батрадз, сосед и лучший друг.

– Чего тебе? Рано то совсем.

– Пошли на рыбалку, вчера был у ям, там, где Светлая впадает в Сунжу, таких усачей видел!

Он развел руки, показывая размер рыбы. Денис сладко зевнул и потянулся всем телом. Посмотрел на друга сонными глазами.

– Пошли, заодно и форель половим, – продолжил Батрадз.

– Так сегодня же выпускной вечер. Да я и не готовился. Ни червей, ни другой наживки.

– До вечера далеко, успеем приготовиться к выпускному, а для рыбалки все я приготовил.

Бери удочки, сачок и пошли.

– Поесть взял что-нибудь?

– Взял. Сыр домашний, да хлеб. Вода из речки. Что нам еще надо?

– Сейчас.

Денис вскочил, подбежал к криничке с ведром, зачерпнул холодной воды и вылил на себя. Холодная вода током ударила по телу, смывая сон и все остатки покоя. Денис забежал в летнюю кухню, положил в пакет хлеба и из холодильника вчерашние котлеты. Схватил удочки, и они с Батрадзом, сев на старенький мотоцикл, поехали на рыбалку. Выехав на дорогу, повернули в сторону отрогов гор, где Сунжа вытекает из ущелья, немного успокаивается, появляются тихие плесы, чередующиеся с перекатами. Было уже совсем светло, когда они подъехали к слиянию Светлой и Сунжи. Батрадз, сидевший сзади, показал на Гусиную гору.

– Туда, там после последнего наводнения большой плес, глубокий. Купаться можно.

Денис обогнул Гусиную гору, подъехал к берегу, заглушил мотоцикл. Перед парнями открылся выше по течению перекат, а потом тихий, широкий и глубокий плес. Развернули удочки, нанизали червей. Закинули лески с грузилами в глубокую воду. Тишина разливалась над речкой, был слышен только шум переката. Вдруг из воды выскочила большая черная рыба и с шлепком погрузилась снова в воду. Разошлись круги. Затем вторая, еще большая рыба, снова повторила такой же маневр.

– Усач плотву гоняет. Кормится – сказал Денис.

– Ему нужно не плотву гонять, а обратить внимание на наши удочки, – сказал Батрадз, – такие черви! Как курдюк у барана! Сам бы ел!

Денис засмеялся шутке друга. Сидели долго, закидывая удочки в разные места плеса. Но были только поклевки. Это мелкая плотва и кусючки, не в силах проглотить крупных червей, общипывали их с боков. Первые лучи солнца вышли из-за дальних ингушских гор и рассыпали свет по горам и долинам, разгоняя утреннюю прохладу. Мир просыпался. Из соседнего хутора выгнали на пастбище коров, видно было, как пастух курил трубку, пуская дым. Воздух был чистый и прозрачный, расстояние скрадывалось, казалось, что коровы и пастух совсем близко.

Хотя до них было километра три. Солнце поднималось все выше, стало тепло. Рыбалка что-то не ладилась. Вытащили по несколько плотвичек, кошкам полакомиться, но ни усач, ни голавль не шли на крючок. Уже было засобирались домой, но вдруг удочка Батрадза согнулась, а леска натянулась струной.

– Подсекай! Подсекай скорей, – тихо вскрикнул Денис.

Батрадз дернул удочку в противоположную сторону от натяга лески и почувствовал, как сильная большая рыба бьется на крючке, пытаясь освободиться. Батрадз повел ее к берегу. В этот момент Денис тоже почувствовал сильный рывок лески. И на его удочке забилась крупная рыба. Вытаскивать сильную рыбу из воды нельзя, обязательно сорвется. Нужно подводить ее к берегу и захватывать сачком. Через несколько минут у обоих было по большому, килограмма на полтора, усачу. Закинули удочки снова. Снова клевок у Дениса. Он повел рыбу к берегу еще один усач оказался в его сумке, переложенной мокрой осокой. Клев был хороший, но какой-то поздний. В это время клев обычно заканчивается. Батрадз вытащил большого голавля, потом еще одного. Потом голавли стали попадаться и Денису. Один, крупный и сильный, оборвав леску, ушел. «Жалко, – подумал Денюка, – ведь все равно не выживет». Через полчаса клев как отрубил. Решили поесть. Съели котлеты, сыр. Зачерпнули кружкой чистой прозрачной воды из ручья, впадавшего в речку, запили завтрак.

– Что, съездим за форелью?

– Давай съездим, если хочешь, – сказал Денис.

– Поехали. Если не пойдет там рыбалка, нам обижаться не на что, вон каких красавцев наловили.

Собрали все, сели на мотоцикл и поехали в ближнее ущелье, где текла Светлая. Приехали, начали пробовать ловить на удочки, поменяв крючки на более мелкие. Попалось несколько плотвичек, эту мелюзгу отпускали. Потом начала попадаться форель, немного поймали.

– Сильно воды много после недавних дождей.

– Да форель нужно ловить или в паводок в мутной воде, или когда воды поменьше. А помнишь, как мы ее руками ловили, когда речка почти пересыхала?

– Помню. И много попадалось.

– Смотри, змея!

Черная гадюка выползла на гальку возле берега. Увидев людей, скользнула в воду, переплыла узкую речку и юркнула в кусты.

– Здесь еще медянки есть, красные гадюки.

– Сашку Клопа такая кусала. Нога посинела, опухла, но ничего, все прошло. Дед Бежан лечил какими-то травами.

– Дед Бежан все лечит, говорят, что он и рак может лечить.

– Да, может. Это же он вылечил Владимира Ивановича, когда врачи отказались уже от его лечения.

Клев форели совсем прекратился, собрались ехать домой. Улов был хороший, парни были очень довольны. Недаром съездили на рыбалку. Ехали домой веселые и счастливые. Подъехали к дому. Их дома разделял только забор. Давняя дружба связывала эти две семьи. Дружили деды, дружили отцы, дружили дети. Батрадз взял свою сумку и понес домой. С его двора раздались радостные крики его сестренки Хадизат. Мама Дениса процеживала молоко под навесом летней кухни. Увидев Дениса, заулыбалась.

– Тут отец тебя совсем потерял. Вечером не видел, утром встал, а тебя уже нет. Как рыбалка?

– Мама, хорошо. Вот посмотри, – и Денис раскрыв сумку, показал ее маме.

– Ого, ну молодцы ребята! И Батрадз поймал?

– Вот этого, самого крупного, отдал мне Батрадз. У него было два таких. А я ему форели дал, у меня больше было.

– Молодцы, – еще раз похвалила мама, – у тебя же сегодня выпускной вечер! Ты готов?

– А что мне готовиться? Брюки и рубашку поглажу, вот и все дела. Туфли готовы, вчера начистил.

– А во сколько вечер то начнется?

– В шесть, так сказала нам Марья Ивановна, наша классная.

– До шести еще много времени. Ты есть хочешь?

– Нет, я брал котлеты из холодильника, а Батрадз брал сыр. Мы поели. А ты что с молоком собираешься делать?

– На сливки перепущу.

– А сыр осетинский не хочешь сделать? Батрадз угощал, вкусный, прямо молоком пахнет.

– Давай сделаю. У нашей коровы молоко жирней, еще вкусней получится. Телочка подрастет, что в марте родилась, отдадим соседям. От нашей коровы все телушки хорошее молоко имеют.

У друживших семей все было по-своему. Деньги никогда не брали друг у друга, все просто отдавали. Знали, что все вернется сторицей.

Денис подошел к забору. Хадизат, девочка-подросток, сестра Батрадза, чистила рыбу.

– Да райсом дын хорз, чизг! Кудта да? – по-осетински приветствовал он Хадизат.

Девочка покраснела и засмеялась.

– Денька, ты говоришь по-осетински прямо без акцента. И сам похож на осетина. Спасибо, у меня все хорошо.

– Так живу же рядом с тобой, вот и похож на осетина. Расти скорей, сосватаю тебя.

Хадизат сверкнула глазами на Деньку.

– Нужен ты был мне. Найду лучше!

– Не согласишься – украду. Батрадз поможет. А чего тут воровать, перекинул через забор и все.

Оба залились смехом. Вышел Батрадз.

– Чего хохочете?

– Он меня украсть обещает, когда вырасту.

– Чего воровать? Так отдам. Будешь против, свяжу как барана и в мешок. Вот и все дела!

Парни расхохотались. Хадизат бросила нож, которым чистила рыбу и убежала.

– Пойду поработаю немного, кукурузу нужно дополоть, – сказал Батрадз.

Хадизат снова пришла.

– Во сколько выходим в школу?

– Часов в пять выйдем. Там много людей будет.

– Хадизат, пойдешь с нами?

– Батрадз не разрешит.

– Я приглашаю, брата твоего уговорим.

– Пусть дома сидит, маленькая еще, – подал голос Батрадз.

– Ох, большой! Чуть старше, так большим себя считает.

– Чизг, бира зурыс, – сказал по-осетински Батрадз.

Хадизат сразу замолчала. Таков обычай у кавказцев – не перечить старшим, да еще мужчине.

К обеду пришел отец Дениса, широкоплечий, сильный мужчина лет сорока пяти. Он всегда был немногословен, любил больше слушать, чем говорить.

– Ты куда пропал? – спросил отец, – Ни вечером тебя нет, ни утром.

– Вечером сидели на скамейке с друзьями возле Ремизовых, а утром Батрадз поднял чуть свет, и мы поехали на рыбалку.

– Поймали что-нибудь?

– Неплохо. Посмотри в холодильнике, Маринка уже почистила.

Маринка была младшей сестрой Дениса, она была ровесницей Хадизат. Отец поднялся, пошел в кухню, открыл холодильник, посмотрел улов.

– Молодцы. Хороший усач, да и голавли хорошие. На червя ловили?

– Да, на червя. Самого большого усача дал Батрадз, он двоих таких вытащил.

– Ты вот что, время до выпускного у тебя еще есть. Прорви огурцы в огороде, совсем трава забила их. А огурцы только цветут. Нужно помочь им.

– Хорошо, я это сделаю сейчас.

Денис пошел в огород, бывший на берегу небольшого ручья, и взялся за работу. Было жарко, еще не июльское пекло, но солнце грело довольно сильно. Ведь конец июня. Работал часа два, но огурцы освободил от травы. Грядки стояли чистые от травы, зеленела только огудина огурцов вся в желтых цветочках. Время было около трех часов пополудни. Денис помылся, взял книгу, решил почитать. Но читать у него не вышло, он задремал. Через десять минут сон прошел.

Вечером школа гудела, как растревоженный улей. Пришли учителя, пришли выпускники и их родители, пришли родственники и друзья. Все собрались в спортивном зале, он же был и залом собраний, и концертным залом, и столовой, народу было много, как говорят яблоку негде упасть. Окна зала были открыты, было тепло, но не душно. В воздухе висел гул голосов. Батраз и Денис одетые в черные костюмы с галстуками, стояли недалеко от сцены. Все парни-выпускники были тоже в костюмах и при галстуках, выглядели хотя и по-взрослому, но было видно, что это еще совсем юноши. А вот их одноклассницы-девочки выглядели настоящими взрослыми девушками. В белых и кремовых красивых платьях, сшитых специально к выпускному вечеру, они были сама юность и сама свежесть. От них веяло женственностью и нежностью. Они были сама Молодость!

На сцену вышел директор школы Георгий Захарович Тадеев. Он посмотрел в зал, на выпускников, провел по лицу рукой. Был он уже в годах, за шестьдесят и это был его последний выпуск. После этого он собирался уйти на пенсию. Он думал, как же быстро проходит жизнь. Кажется, недавно она началась и вот уже на финише. Он вспомнил себя, такого же молодого и с миллионами планов на жизнь. Не все удалось сделать, но главное он сделал: он научился учить детей знаниям и добру. Он считал, что это главное в жизни. Были бы заложены в человеке правильные знания, любовь к жизни и добро к людям, а остальное все приложится. Георгий Захарович поднял голову и посмотрел в зал. Затем заговорил.

– Дорогие дети, вы, пожалуйста, не обижайтесь на то, что я вас, уже взрослых, называю детьми, вы для меня и наших учителей всегда останетесь детьми! Дорогие родители, родственники, гости! Мы собрались здесь, чтобы проводить в большую жизнь наших выпускников. Одиннадцать лет мы вместе провели в стенах этой школы. Вместе учились, иногда ссорились, но всегда находили путь к примирению, всегда находили общее друг в друге. Наверное, вас удивит то, что я сказал, что мы вместе учились. Да, я не оговорился. Учителя не только учат детей, они и сами учатся у детей. Такова жизнь. И вы, наши дорогие выпускники, не думайте, что ваша учеба закончилась с окончанием школы. Вся жизнь это учеба. Вы можете спросить своих родителей, и они подтвердят мои слова.

Зал внимательно слушал. При последних словах родители и взрослые гости утвердительно закивали головами, слышались слова: «Да, хорошо сказано... Да, правильно... Век живи, век учись».

– Сегодня вы попрощаетесь со школой. Но помните, что вас всегда здесь ждут и вы сюда можете приходить как домой. Я и наши преподаватели будем всегда вас рады видеть. Ведь мы одна семья, нам нужно это чувствовать, как бы далеко вы ни были отсюда. Школа это гнездо, откуда вылетают выросшие птенцы. И помните, пожалуйста, о школе и о нас, ваших учителях.

Девчонки и женщины при этих словах начали утирать слезы.

– Что я хочу еще вам сказать? Хочу пожелать вам хорошей дороги в жизни. Помните, что в жизни легких дорог нет, но и помните то, что трудные дороги научат вас большему. Куда бы вы ни уехали, знайте, что наше село Предгорное это ваша Малая Родина, это место, где вы получили жизнь. Любите его всегда, оно ведь навсегда останется в вашем сердце. Берегите дружбу, помните, что настоящих друзей жизнь посылает нечасто. Друг иногда роднее брата. Иногда ради друга жертвуют и жизнью... дружба это своего рода родство, родство не по крови, а по духу. Затрону я и любовь. Вы уже взрослые люди и скоро узнаете, что такое серьезная любовь. Если она к вам придет, то берегите ее. Никогда не примешивайте в нее грязь, так поступают только подлые люди. Парни должны знать и помнить, что женщина это высшее существо на Земле, только она после Бога творит жизнь. Девушки должны помнить, что мужчина это лидер во всем, он обязан обеспечивать всем необходимым семью, и девушки должны никогда не подражать мужчинам. Женщина сильна своей слабостью. Так жили наши предки, так же желаю и вам прожить ваши жизни. Пусть Бог даст вам хорошую дорогу. И помните, что достижение цели это прекрасное намерение. Но помните и то, что кем бы вы ни стали, трактористом ли в нашем совхозе или министром, главное для вас чтобы вы были Человеком.

В зале женщины, уже не стесняясь, плакали. Насупились парни и мужчины, опустив голову и думая о словах директора. Выпускникам предстояло еще узнать трудности и загадки жизни, многие же взрослые немало и познали из нее. Директор ушел со сцены под бурные аплодисменты и выкрики: «Да будет так!», «Спасибо!». Люди расступились, прижавшись к стенам, чтобы образовать место для прощального танца выпускников. Этот танец всегда был белым танцем. Из динамиков слышались звуки вальса. Девочки в своих нарядных платьях подошли к парням и пригласили их. К Денису подошла Циала Кочиева, невысокая девушка с большими синими глазами из параллельного класса. У осетин синие глаза не редкость. Денис давно замечал ее ласковые, как лучи утреннего солнца, взгляды, он ей явно нравился. Она молча слегка поклонилась ему и положила свою руку Денису на плечо. Медленно и красиво, в такт вальсу, они закружились по залу. Танцевали все выпускники. Парни были разобраны все. Те из девочек, кому не достался парень, ждали своей очереди. Этот танец нельзя было танцевать с подругами. Но вот потанцевали и они. Вокруг аплодировали родители, друзья, родственники. Затем гости потихоньку начали расходиться. Девушки пошли помогать накрыть столы. И вот в зале, рассевшись за столами, остались только выпускники, классные руководители, завуч и директор. Началось застолье, все было так, как происходит на Кавказе. Застолье было с тостами, нешумное, все относились друг к другу с взаимным уважением. На столах было вино, но пили очень мало, многие девушки совсем не пили. Сидели долго, до полуночи. Шутили, танцевали. Батрадз с Циалой пошли танцевать непременно лезгинку. Были они красивой парой: высокий и широкоплечий Батрадз и маленькая, грациозная, как дикая коза, Циала. Их танец вызвал восторженные аплодисменты. Потом преподаватели и директор, попрощавшись, ушли. Выпускники повалили на улицу. И пошли бродить до утра, как это было принято во всех советских школах. Получилось как-то само собой, что Денис оказался рядом с Циалой. Она молча шла рядом, потупив глаза, но иногда Денис ловил на себе ее быстрый взгляд. Нужно было о чем-то говорить. Но о чем? Денис не знал. Потом разговор пришел сам собой.

– Ты куда после школы? – спросила Циала.

– Не знаю. Поработаю с годик, а там в армию.

– А в институт не думал поступать?

– Сколько я специальностей не перебрал, ничего мне не нравится. А заниматься тем, что не нравится, всю жизнь – это же мучение.

– Да..., – согласилась Циала – а я пойду в педагоги. Очень мне нравятся маленькие дети, люблю с ними возиться, я пойду учиться на учителя начальных классов. Я была прошлым летом в лагере с первоклассниками, так мне очень не хотелось уходить оттуда.

– А где это ты была?

– Здесь, у нас при школе был лагерь. Ребята утром приходили, я с ними и на речку ходила, и в горы недалеко, а потом вечером их родители забирали. Мальшам нравилось.

– Счастливая ты, если определилась. А я подожду чуточку, может быть прорежется и для меня что-то. Я не люблю начинать и бросать, я люблю взяться один раз и делать все до конца.

– Ты мужчина, ты так и должен поступать. А вот я... у меня ветерок в голове иногда гуляет, – засмеялась девушка.

Денис улыбнулся. Повеяло прохладой. Циала поежилась.

– Холодно?

– Да, немного.

Денис снял свой пиджак и набросил на плечи Циалы. Она посмотрела на него своими глазами, которые синели даже в темноте, и он почувствовал, как она прикоснулась плечом к его плечу. Денис не отодвинулся, не отодвинулась и Циала. Им было хорошо так идти вдвоем. Вышли на берег Сунжи, река здесь текла небыстро, о чем-то рассказывая берегам. На берегу было много выпускников, кое-кто купался в ночной воде. Стоял шум, визг, раздавались крики девушек, которых пытались столкнуть в воду парни. Девушки не хотели мочить своих праздничных платьев, а купальников ни у кого не было. Хотя и темно было, девушки стеснялись купаться в белье. Отойдя в сторонку, группа девушек все-таки разделась до белья и с криками залезла в воду. Попробовавшие было прорваться к ним парни были остановлены девичьим ограждением, стоявшим в платьях.

– Сюда нельзя!

– Нам можно!

– Никому нельзя. Будем кусаться.

– Вот дают, как кусаться? Вы что, собаки?

– Нет, мы мышки.

Посмеялись вместе и парни отошли. Кто-то запустил ракету. Все осветилось бело-розовым светом. Купавшиеся девушки присели в воду и завизжали так, что, наверное, слышно было за перевалом. Ракета погасла и купавшиеся вылезли на берег, подождали, пока обсохнут, и оделись. Денис с Циалой так и стояли, Циала прижималась плечом и боком к парню.

– А, вот где они! Затаились и обнимаются! Да еще она его и раздела, содрала с него пиджак и на себя напялила. Нечего прятаться, пошли к нам.

Залина Ганиева, ехида и шутница, вдруг выросла перед ними.

– Нечего парня охмурять, он из нашего класса, – захохотала она, хватая Дениса за руку, – Ну-ка пошли к своим.

– Залина, отстань. А то Васе скажу, – съехидничал тоже Денис.

У Васи и Залины любовь была с детского сада. Родители сперва смеялись. Пятилетнюю Залину мама любила спрашивать при всех родственниках: «Залина, у тебя такая дружба с Васей, ты прямо все время с ним проводишь. И что же дальше будет?» «Замуж за него пойду» – серьезно отвечала девчушка. Присутствующие хохотали. Потом, когда дети подросли, родители насторожились, а потом махнули рукой. «Придется породниться» – полушутя, полусерьезно говорила мама Залины Венера полной, темноглазой маме Василия. «А куда же нам деваться? Они же с детского сада друг за дружкой бегают, не могут жить порознь. Попробуй разбей такое, в жизнь не простят», – смеялась Клава, мама Василия. Залина запросто приходила к другу домой и даже иногда оставалась ночевать. Но в этом случае спала с мамой Василия в одной комнате. Вася помогал родителям Залины, папа у нее был инвалид, без ноги и без руки. Вася косил сено для семьи своей подружки, копал картошку, убирал кукурузу. Они так свыклись друг с другом, что и вправду дня не могли прожить порознь.

– Говори, подумаешь, доносчик. Вася мне все равно ничего не сделает.

– А ты вон какая хитрая, знаешь, что Вася ничего не сделает и пользуешься этим, – засмеялась Циала.

– А что я тебе сделала, что ты на меня как собака на кошку?

– А кто Дениса хотел забрать?

– Ах, вон оно что! Да нужны вы мне были! Побежала я. Пока. Плодитесь и размножайтесь.

Это была ее любимая присказка-поговорка, она ее часто всем говорила. Ребята засмеялись и пошли за ней.

– Шампанское будете? – предложили им парни.

– Я нет, – сказала Циала.

– А я выпью немного.

Денису подали бутылку.

– Что, прямо из горлышка?

– А что, тебе еще и хрустальный фужер дать?

Денис засмеялся и отхлебнул шампанского из бутылки. Вино вспенилось и полилось у него через нос. Денис закашлялся. Парни хохотали. Циала вытирала ему лицо своим платочком, била по спине, чтобы прокашлялся. Наконец все прошло.

– Денис, а может араки дать?

– Не-е-ет. Это не для меня. Сильно крепкая. А вы что, пили?

– Понемногу. Руслан принес бутылку.

– Нет, я не буду. Вот Циала хочет, – снова съехидничал Денис.

– Ты что, Денис? Как ты мог такое сказать? – взвилась девушка.

– Циала, ну зачем ты приняла мои слова всерьез? Это же шутка! Извини, пожалуйста.

– Хорошо, забыли.

И Циала села на бревно, лежащее на берегу. Одноклассники все пошли вверх по реке. Денис сел рядом. Взял ее ладонь в свою руку, обнял за плечи.

– Тебе что-нибудь хочется? – спросил он.

Циала молчала. Потом подняла лицо.

– Хочется, но не скажу чего.

– Я знаю.

– Откуда и что ты знаешь?

– Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал.

Циала закрыла лицо ладонями.

– Правильно?

Она молчала. Тогда Денис взял ее ладони в свои, и осторожно, неумело стал целовать ее лицо. Сперва ухо, потом щеки, а потом почувствовал на своих губах ее губы. Губы девушки пахли парным молоком. Сердца у обоих колотились так, что вот-вот выскочат из груди. Руки сжимали руки друг друга. Происходило то, что могло происходить только у молодых людей в их возрасте. Циала вдруг ойкнула и вся обмякла. Денис обнимал ее за талию.

– Все, хватит, нехорошо, – сказала Циала, и отдалилась от Дениса, – это очень нехорошо!

– А мне кажется, что очень хорошо.

– Тебе кажется. Прямо как коту сметана. Мне стыдно...

Денис хотел обнять ее, но она резко и решительно отстранила его. Встала, накинула пиджак Дениса на плечи и пошла к видневшимся в предзакатном свете домам. Денис шел рядом, оба молчали. Дойдя до дома Циалы, остановились. Обнять и поцеловать ее здесь Денис не решился, не приведи Господь кто-либо увидит! Позора обоим не обернуться. На Кавказе свои обычаи и понятия.

– Денис, спасибо за пиджак. Я пошла. До свидания.

– До свидания.

– Скажи честно, ты не обижаешься?

– Нет, я все понимаю.

– И не думаешь обо мне плохо?

– Что ты, Циала. Как такое тебе могло в голову прийти? Я, наоборот, считаю тебя самой лучшей девушкой на свете.

– Спасибо, – и она, приподнявшись на носках, чмокнула Дениса в щеку. А затем быстро побежала во двор. Щелкнула щеколда на калитке и Циала исчезла. Денис пошел по улице домой. Придя, разделся и лег, как всегда летом, на раскладушке под вишнями, в саду. Долго ворочался, вспоминая происшедшее. Что-то новое открылось ему с Циалой. Грудь распирало прекрасное чувство. Под тихий шум листвы Денис уснул.

Бывшая станица Предгорная, а сейчас село Предгорное, стояла в верхнем течении Сунжи. Выше по течению стоял только хутор Ермоловский, прямо у ущелья, из которого вытекает Сунжа. В этом месте Сунжа небольшая речка, такая же, как сотни горных речек. Берет она начало у горы Лонжа, в отрогах Большого Кавказского хребта, долго течет в заросших ольхой, вербой, буком, перевитых хмелем и диким виноградом берегах, принимая многочисленные притоки. Бурная, вспененная, она, как и все горные реки, катила камни, несла вывороченные с корнем деревья. В половодье превращалась в бешеный поток, увеличиваясь в несколько раз. Никто не рисковал в половодье пересечь ее, это было равно самоубийству. Затем у хутора Ермоловского выходит из ущелья, успокаивается. Течет дальше еще не совсем спокойная, но уже присмеревшая. Пройдя земли Пригородного района Осетии, входит в Ингушские земли, ниже старинной крепости сливается с Назранкой, холодной и быстрой речкой с прозрачной темной водой, и течет дальше до слияния с Ассой, другими реками, в земли Чечни. Благогатная земля, никогда не знавшая покоя, на которой пролито много крови! Верховья реки долго пустовали и там никто не жил. Но вот Россия начала проявлять к Кавказу все усиливающееся внимание. Разобщенные горские племена то оказывали ей сопротивление, то содействовали проникновению ее на Кавказ. Они то воевали с русскими, то входили в их войска. В свое время горская милиция составляла немалую часть русской армии на Кавказе. Русские все больше проникали на Кавказ. Ликвидировав Запорожскую Сечь, Екатерина Вторая казаков переселила на Кубань и Ставрополье. Ими же, и казаками донских и хоперских станиц, были заселены верховья Сунжи и Ассы, от крепости Грозной до крепости Владикавказ, создана Сунженская линия Терского казачьего войска, самого древнего объединения казаков. Самое интересное, что Запорожье заселялось примерно в четырнадцатом веке смешанным населением адыгов и кавказских казаков с Кубани. Впоследствии они перешли на украинский язык, но сохранили многие кавказские традиции. Еще и сейчас на Запорожье можно встретить людей с чисто кавказской внешностью. Казаки никогда не считали себя русскими. Ученые тоже подтверждают это. Так, Гумилев писал, что терские, и другие кавказские казаки, это такие же автохтонные жители Кавказа, как и другие горцы. Об этом же пишет и историк Асов. Прослеживается примерно такой след: в предгорьях Кавказа из скифо-сарматских племен образовался народ, который был предшественником славян и германцев. Этот народ имел мощное государство, воевавшее даже с Древним Египтом и Грецией. Потом под ударами врагов государство распалось. Часть народа отделилась и во главе с вождем Кисеком ушла на Запад, дав начало германским племенам. Другая часть народа осталась жить на Кавказе, в предгорьях и степях. Затем и эта часть народа разделилась. Большая часть ушла на Запад, расселившись до самой Шпрее, и дала начало славянским племенам. Берлин когда-то был глухой лесной славянской деревушкой, а остров Рюген это отраженный в сказках и легендах славян остров Буян. Он же остров Руян. Оставшаяся на северном Кавказе часть расколовшегося народа получила название бродников. Первый Киев стоял в Приэльбрусье, имя Кий было ритуальным именем вождей этого народа. Поднепровье было у этого народа местом, куда ссылались люди, нарушившие обычаи и законы бродников. И все киевские князья помнили о Тмутаракани, прародине на Кавказе, и рвались

туда. Бродники, от слова бродить, кочевать, и были предками казаков, как кавказских, так донских и запорожских. Язык был близок к русскому, но и сейчас многие фразы на казачьем диалекте «гуторе» русский не сможет понять. Обычай и традиции очень отличались от русских и были более близки к обычаям горцев. Недавнее исследование генов донских казаков показало, что они имеют почти такой же генный набор, как и адыги – кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абазины. Это говорит, что в древности бродники жили рядом и вместе с зикхами, предками адыгов, активно смешивались с ними. Были ли у казаков вливания беглых с Руси? Конечно, были. Процесс образования народов это непрерывный процесс и казаки не избежали этого. Казаки принимали беглых и никогда не выдавали их. Но всегда в казачьих областях различали, что вот эти казаки по рождению, а вот эти казаки поверстанные, т. е. принятые в казаки. То, что казаки это отдельный народ, признавали и цари России. Каждое казачье войско имело в Москве послов, а все дела с казаками велись через Посольский Приказ, то есть через министерство иностранных дел. Позднее Россия аннулировала казачьи посольства, а казаков сделала своими подданными, обязанными служить ей. Но долго казаки еще в своих песнях пели «... и Москве никогда не кланялись...». Самое самобытное и твердое в своих обычаях было Гребенское казачество, давшее образование Терскому казачьему войску. Гребенское казачество было образовано еще в 1450 году. Но и задолго до образования и объединения гребенских и терских казаков в Терское казачье войско гребенские станицы стояли на правом берегу Терека в горах, потом переселились на левый берег Терека. Это казачество прекрасно описано у Льва Толстого в повести «Казаки». На Кавказе невозможно жить без знания нескольких языков. Межнациональным языком раньше был кумыкский, один из тюркских языков, затем с приходом русских все постепенно перешли на русский язык.

Как только верховья реки Сунжи, пустовавшие до этого, начали заселяться казаками, на них начали предъявлять свои права ингуши, небольшой вайнахский народ, родственник чеченцам. Одновременно с казачьими станицами образовывались и ингушские аулы. С ингушами у казаков было сложно. Ингуши нападали на станицы, угоняли скот, убивали казаков, воровали детей и женщин. Казаки отвечали тем же. Не раз в кровавых стычках казаки и ингуши теряли своих людей, нанося друг другу иногда значительный урон. И тогда казаки приняли решение положить этому конец. Под руководством одного из атаманов, поддерживаемые русской армией, сунженские казаки нанесли сокрушительный удар по ингушам и изгнали их из пределов казачьих земель. В этих боях уже участвовали и осетины, западные соседи сунженских казаков. С осетинами у сунженских казаков сложились хорошие отношения почти сразу. Осетины были православными христианами с присутствием в их религии многих древних черт, неправильно называемых учеными язычеством. Святые роци, святы горы, ручьи и места у осетин удивительным образом сочетались с православными традициями. Они избрали в свои покровители Уастырджи, Святого Георгия, поклонялись и поклоняются ему, чтят его. В конце ноября у осетин есть великий праздник – Джеоргуба, День Святого Георгия. Это прекрасный праздник и осетины очень любят его. Осетины всегда жили в районе Владикавказа, Дарьялского, Куртатинского, Алагирского и других ущелий, за хребтом, рядом с Грузией, иногда смешанно с ингушами. Но были в непримиримой вражде с ними, не понимая ингушей, их обычаи и их склонности. Вражда осетин с ингушами очень древняя вражда. Поэтому в стычках казаков с ингушами осетины всегда принимали сторону казаков. Осетины это потомки аланов, тоже порожденных скифско-сарматскими племенами. Аланы имели мощное государство на Северном Кавказе, их следы в виде дольменов остались от Черноморского побережья Кавказа до Чечни. Государство было разгромлено Тамерланом. История могла пойти другим путем, если бы сохранилось это государство. Воинами Тимура аланы-осетины уничтожались с поражающей жестокостью. Вырезались дети, женщины, а мужчины были уничтожены почти поголовно. Аланы вынуждены были уйти из благодатных предгорий в глухие ущелья гор. Только так они могли защититься и сохранить хоть какую-то часть своего народа. В ущельях они смешались

с аборигенами, приобрели кавказский вид. Но до сих пор светлые волосы и голубые глаза не редкость у осетин. Еще и сейчас новобрачным на свадьбе иногда желают не только счастья, но и пятерых сыновей и двух голубоглазых девочек. Осетины удивительный народ. Это рыцари Кавказа. У царей России всегда служило десятка полтора генералов – осетин. Это были умные и храбрейшие воины. Осетины участвовали во всех войнах России. Сталин был по отцу осетином. Фамилии Джугашвили у грузин нет, а вот у южных осетин фамилия Джугаев или Дзугаев распространенная фамилия. Рассказывают в Осетии иногда старый анекдот. Действие происходит еще до революции в большом селе Эльхотово. Старый генерал-осетин ушел в отставку. Приехал жить в родное село. Делать было нечего, а жить без дела скучно, хотя генеральская пенсия хорошо обеспечивала его и его семью. Тогда он нанялся пасти коров. В это время в село приехали две молодые миссионерки-англичанки проповедовать свою религию. Сойдя с поезда, они подъехали к селу. Видят, идет пастух, решили его расспросить. Говорили по-английски. Спросили, где располагается сельское начальство? На хорошем английском генерал объяснил им. И спросил, зачем они приехали? Девушки ответили, что они миссионерки. «Ничего у вас не выйдет, – сказал генерал, – мы крепко привержены своей религии и ни один из нас не изменит ей». «Послушай, Мэри, поехали назад. То, что он говорит, похоже на правду. Если здесь даже пастухи прекрасно говорят по-английски, то что тогда говорить о педагогах и инженерах?». Они развернулись и уехали. Таков анекдот, похожий на правду. Еще до переворота 1917 года осетины имели театры, художественные школы, прекрасных писателей и музыкантов. Поэта Коста Хетагурова знают все в Осетии и многие в остальном мире.

Получив небольшую передышку в войне с ингушами, казаки начали искать пути примирения с ними, понимая, что нельзя жить с соседями постоянно в военном напряжении. Ингуши тоже это понимали и пошли навстречу казакам. Еще в 1770 году ингуши приняли подданство России, но это было чисто номинально. Правда, впоследствии они активно участвовали в войне против Шамиля на стороне русских. За что их по сей день не могут простить чеченцы. Хотя многие чеченские роды и сами воевали на стороне русских. Кавказ сложная страна, без понимания Кавказа им управлять невозможно. Казаки и ингуши договорились о мирном соседстве. Это облегчило жизнь и тем, и другим. Начали создаваться дружественные связи, появилось куначество. На принадлежавших сунженским казакам землях, согласно Указа Российских царей, появились ингушские аулы – Бардубас, Акиюрт, Алиюрт и другие. Ингуши до переворота 1917 года платили сунженским казакам за аренду этих земель двести тысяч рублей в год, по тем временам огромные деньги. Ингуши тоже служили в царских войсках, из их числа вышли известные офицеры. С казаками жили уже относительно мирно. Так было до переворота 1917 года, после которого большевики сумели стравить ингушей и казаков, используя старую вражду. В начале 1920 годов началась компания советской власти по расказачиванию. Делалось все, чтобы уничтожить «народ-помещик», как называл казаков Ленин. По ингушским аулам засновали большевистские делегаты, убеждая ингушей разорять казачьи станицы, убеждая их в том, что это ингушская земля. И ингуши поддались на эти убеждения. Старая вражда вспыхнула с новой силой. Запылали казачьи станицы, вновь полились кровь и слезы. Казаки были поголовно разоружены, ингушам же шло оружие и поддержка от большевиков. Первыми были разорены станицы Тарская и хутор Ермоловский, затем и описываемая станица Предгорная. Ингуши вырубали безоружных казаков, насиловали женщин, убивали стариков и детей. За эту «помощь» большевики отблагодарили их от души, выслав ингушей в 1943 году в Казахстан, где большая часть их погибла от непривычного климата, издевательств, холода и болезней. Такая же агитация проводилась и среди осетин, их убеждали захватывать казачьи земли и разорять станицы. Но осетины ответили твердым «нет» и не сожгли ни одного дома, не убили ни одного из казаков или членов их семей. Мало того, они прятали казаков, подбирали их детей-сирот, давали казакам и членам их семей осетинские имена и фамилии, чтобы спрятать их от властей. И это до сих пор помнят сунженские казаки. Сунженские казаки разбре-

лись по всему Северному Кавказу, основная часть их осела на Ставрополье. На этом мытарства казаков не кончились. Как только ингушей выслали в Казахстан, в их аулы и захваченные когда то казачьи станицы, в их дома начали заселять людей, в основном это были те же сунженские казаки, крестьяне Ставрополья, кубанские казаки, осетины. Притом заселялись люди зачастую силой. Ингушей из Казахстана отпустили в 1956 году. А жившим в их домах людям предложили убраться на все четыре стороны, выдав мизерное пособие на переселение. Снова сунженские казаки оказались в изгоях. И не только они, но все, кто жил в ингушских домах. И потянулись люди кто куда из Ингушетии. Это были, пожалуй, первые беженцы в СССР, никому не нужные, никем ни пригретые. Их родные станицы были давно и плотно заселены осетинами, в основном из-за перевала, с юга. Но осетины и в этот раз приняли казаков, русских, армян, греков: потеснились, помогли построить дома, не обижали, во всем помогали. Так же поступили осетины и в станице Предгорной. Так в бывших казачьих станицах, сделавшихся осетинскими селениями, появились снова казачьи семьи. Их было немного. Называться казаками было опасно, поэтому они называли себя русскими. Шло время. Постепенно умерли старики, прошедшие ад расказачивания, рассеивания, беженства. Дети их помнили эти события и времена, но все с годами притупилось. Казачьи семьи среди осетин окрепли, зацвели. Дети тех и других росли вместе. Многие переселенцы хорошо говорили по-осетински, а осетины всегда знали русский язык. Появились смешанные семьи. Сперва к этому относились настороженно, но по истечении лет двадцати смешанные браки воспринимались уже как само собой разумеющееся. Жизнь брала свое. И часто можно было увидеть осетина с славянской наружностью, но с чистейшим осетинским языком или казака с чисто горским лицом, тонкой талией и походкой горного барса, без акцента говорившего на русском языке.

Батрадз и Денис сидели возле речки и разговаривали. Обсуждали, что делать дальше. Школа позади, впереди обязательная армия. Год впереди. Батрадз сказал, что поедет поступать в горный институт в городе, хочет стать инженером.

- А я не знаю, сообразить не могу, чем заняться.
- Поехали со мной.
- Подумаю. Но горным инженером не хочу быть.
- Иди на управление производством.
- Это другое дело. Опять, просиживать штаны в конторе совсем не хочется.
- Тогда не знаю, что тебе и посоветовать.

Через неделю оба отвезли документы в горный институт, Батрадз на инженерный факультет, Денис на управление производством. Летом работали в совхозе, Денис работал в жатву помощником комбайнера, работа трудная, работали от темна до темна. Помогали дома: пололи кукурузу, окучивали картошку, косили сено, ждали, когда просохнет и потом копнили его. Работа такая была привычна, она неотъемлемая часть сельской жизни, а они выросли в селе. В августе поехали сдавать экзамены в институт. И... оба провалились, недобрали баллы. Пришлось возвращаться домой. Особенно не горевали, но было немного стыдно перед односельчанами. Поступать поехали многие. Кто в ближний город, кое-кто подальше – в Ростов-на-Дону, Москву. Денис встретил Циалу. Она поступила в педагогический институт в Ростове-на-Дону. Была очень довольна, долго и радостно рассказывала Денису об экзаменах, об институте. Они весь вечер пробродили над речкой, сидели на том же бревне, где первый раз в жизни поцеловались. Циала сидела настороженная и пугливая. Денис внимательно посмотрел на нее и она заулыбалась. Он привлек ее к себе и снова нашел ее губы. В этот раз она весь вечер не возражала против поцелуев Дениса. Прижималась к нему, гладила его шею и щеки, потом положила голову ему на грудь. Денис гладил ее волоса, плечи, спину. Чувствовал, что девушке очень хорошо, да и сам был на седьмом небе. Ближе к девяти вечера Циала заторопилась домой. Денис ее понимал. Хотя она теперь считалась взрослой девушкой, она должна была соблюдать приличия. Пошли домой. Денис довел ее к калитке дома и они нехотя расстались. Целоваться

не осмелились, по улице еще ходили люди. Денис пошел домой, когда за спиной услышал быстрые шаги.

– Эй, лаппу, фаллау! – по-осетински позвали его.

Денис остановился. К нему подошел папа Циалы.

– Денис, ты хороший парень, я уважаю вашу семью и твоих родителей. Но... меня беспокоит одно – что у тебя с Циалой?

Денису было неловко, он стеснялся отца Циалы и не знал, что отвечать. Стоял, потупив голову. Потом поднял глаза на отца девушки.

– Ничего плохого. Мы просто дружим с ней.

– Денис, но вчера я нашел твое фото на ее столе. Она при упоминании о тебе смущается и краснеет.

– Не бойтесь, дядя Константин, я не заставлю краснеть вас за вашу дочь. Она хороший человек. Скажу прямо, нам вместе хорошо.

– Хороший ответ. Слова мужчины. Что ж, Денис, я не буду тебе больше ничего говорить.

На этом они расстались. Денис пришел домой, поужинал и вышел за ворота. Там была скамейка, врытая в землю. На ней уже сидел Батрадз.

– Завтра за сеном нужно ехать. Поедешь со мной? Возьмем две телеги и сразу все перевезем. А потом за твоим съездим.

– Поеду. Во сколько выедем?

– Я думаю часа в четыре утра. Часа полтора ехать, пока погрузим. Чтобы грузить не по жаре.

– Хорошо. Я там же сплю, в саду. Толкни меня.

Посидели еще немного, поговорили и разошлись спать. Денис еще долго, лежа на своей раскладушке среди деревьев, смотрел на звезды, размышлял. «Каждая звезда это солнце и у каждой звезды могут быть планеты с такими же людьми, как мы. Сколько же населенных миров в космосе, сколько же таких же существ, как мы, должно быть там! Интересно, а у них тоже все так, как у нас? Им так же нравятся девушки, они так же поступают в институты, косят сено, ловят рыбу?» С этими мыслями Денис и заснул крепким мо сном.

Выехали рано, еще не светало. Кони, запряженные в брички попарно, легко шли по дороге. Сенокос был километрах в пятнадцати от Предгорной, за военным стрельбищем. Решили сократить путь и проехать через стрельбище. Для этого нужно было просить военных пропустить их через их территорию. Направились к стрельбищу. Когда выезжали из села, стало светать. Заалела заря с ингушской стороны, затем окрасилась вершина Казбека, вздымающая свою голову над окрестными горами. Когда подъехали к казарме, где размещалась охрана стрельбища, было уже светло. У шлагбаума остановили коней. Денис пошел к часовому, стоявшему за шлагбаумом.

– Доброе утро. Нельзя ли проехать через стрельбище? Мы за сеном едем. А чтобы объехать, нужно сделать лишние километров пять.

– Доброе утро. Я сейчас позвоню дежурному офицеру.

Часовой взял трубку телефона под навесом и куда-то позвонил. Послушал ответ и повернулся к Денису.

– Можете ехать. Сегодня стрельб не будет. Обрато с сеном тоже можете ехать через стрельбище. Офицер позвонит часовому с той стороны и предупредит его.

– Спасибо большое. Это облегчит наше дело.

– В армию скоро?

– На следующий год.

– Желаю к нам попасть. У нас трудновато, но хорошо.

– Сам откуда?

– Из Таганрога. Не очень издалека.

– Ясно, еще раз спасибо.

Часовой открыл шлагбаум и Батрадз с Денисом въехали на стрельбище. Это была огромная пустошь, заросшая прекрасной травой и огражденная оградой из колючей проволоки. «Вот бы выкосить эту траву! Сколько бы сена было» – подумал Денис. Проехали стрельбище. На его противоположной стороне тоже был шлагбаум. Предупрежденный часовой, увидев брички, открыл шлагбаум.

– Доброе утро! Как дела? Пусть ваш день будет хорошим! – приветствовал их часовой, по виду армянин.

– Доброе утро! Спасибо! Пусть и у тебя все будет прекрасно! – ответили парни.

Частный сенокос лежал на большом горном плато, окруженный кудрявыми горами, покрытыми орешником и буковым лесом, бук здесь называли чинарой. Когда приехали на сенокос, солнце уже поднялось, но было еще нежарко. Начали грузить сено. Копны были небольшие, на бричку же грузили много, создавая большой воз с сеном. Загрузились часа через два с половиной. К этому времени и солнце начало припекать. Распрягли коней, пустили их попастись. Сами сели завтракать. Разложили нехитрую еду: традиционный домашний сыр, сало, хлеб, пучки зелени. Разложили костерок, вскипятили воду и заварили чай из трав, которые набрали вокруг. Травы эти тоже традиционно применяют для заварки, их нужно знать. Плотно поели, легли на траву. Костерок потрескивал, догорая.

– Быстро мы управились, – сказал Батрадз, – устал?

– Нет, чего тут уставать? Трех часов, я думаю, не работали.

– Я сейчас думаю, как будем спускаться по склону. Брички нагружены сильно, кони могут не удержать.

– Можно вырубить из дерева тормоза для колес, но я думаю, что лучше объехать по серпантину. Дальше, но не будет опасности. Но даже по серпантину нужно изготовить тормоза.

Пошли в ближний лес, нашли карагач, крепчайшее, как сталь, дерево и из него вырубили тормоза для колес. Сели передохнуть.

– Смотри, смотри, – Батрадз толкнул Дениса.

Буквально в двадцати метрах от них на поляну вышла косуля и с нею два небольших козленка. За ними вышел козел с рогами. Подошел к козлятам, понюхал их. Косуля-мама боднула его и отогнала от козлят. Парни прилегли и стали наблюдать эту семейную идиллию. Козлята подлезли под маму и отталкивая друг друга, начали сосать молоко. Козел посмотрел немного и ушел. Ветер дул от животных, и они не слышали запаха человека.

– Свистнуть? – сказал Денис.

– Не нужно, козлята маленькие, пусть кушают.

Ребята замолчали, молча наблюдая за зверями. Косуля подождала, пока козлята покушают, и сама начала щипать зеленую траву. Звери отдалялись от парней в сторону ближайшей горы. Там, под этой горой, шумела речка. Иногда парни приезжали сюда за форелью.

На обратном пути выбрали спуск по серпантину. Он был длиннее, но не так крут. Когда подъезжали к крутым участкам спуска, вставляли тормоза в два задних колеса, колеса загоняли на специальные полозья, и тормоза крепко привязывали их к борту брички. Колеса задние после этого не крутились, а телега скользила как на санках. Это всегда облегчало спуск на крутых участках. Спускались медленно, ушло часа полтора, пока преодолели серпантин. Но зато все обошлось благополучно, кони были не уставшие. Сняли полозья и тормоза, поехали к стрельбищу. Солнце уже палило нещадно. Оба парня одели осетинские войлочные белые шляпы. Они отлично предохраняют от жары. Проехали стрельбище, до дома оставалось километров шесть. После обеда въехали в село. Людей на улицах было мало – жарко, кое-кто возился в огородах, поливая грядки. Приехав домой, загнали брички во дворы, к сеновалу соседей, распрягли и отпустили коней на луг пастись, стреножив их. Денис пошел домой. Отец был дома. Увидев Дениса, спросил.

- Наше сено когда собираетесь перевезти?
- Думаю, что сегодня вечером и выедем, переночуем на сенокосе. Поговорю с Батрадзом.
- Главное до дождей нужно успеть. А то и дороги развезет, и сено в копнах нельзя будет трогать.

Хлопнула калитка, это пришел Батрадз.

– Денька, давай вечером выедем за вашим сеном? Лошади отдохнут и поедем. Заночуем там, стрельбище не нужно будет объезжать. А утром рано загрузим и к обеду будем дома.

– С удовольствием. Я так и сказал бате, что сегодня поедем. Загрузим брочки и за форелью можно сходить. Едем, конечно.

– Обязательно возьмите ружья. Зверь может быть какой, да и от лихих людей пригодится, – сказал отец Дениса, подходя.

– Хорошо, возьмем. У нас патроны с картечью где?

– Там же, где и ружья, только в ящике под замком. Ключ у меня на полке.

– Ясно.

Пообедав, легли отдохнуть. Мама смыла в доме полы, занавесила окна. В доме стало прохладно. Денис и Батрадз расстелили шерстяное одеяло и легли. Задремали немного. Но долго дремать им не удалось. Сквозь дрему Денис услышал хихиканье Маринки и Хадизат. Потом их шепот. А потом их с Батрадзом окатили из ведра холодной водой. Батрадз вскочил, ничего не понимая, Денис тоже. А снаружи слышался хохот девчонок и топот их ног.

– Вот заразы! – понял Батрадз, – Надрать им уши надо.

– Догонишь их, они, наверное, уже на хребет добежали.

Посмеялись, вышли из дома. Солнце уже склонилось на другую сторону небосвода. Было около четырех часов пополудни. Пошли брать лошадей и готовиться к поездке.

– Деня, я там заготовила вам поужинать и позавтракать. Баранину долго не храните, съешьте сегодня. Молоко не стала наливать, скиснет, жарко очень. Араки налить?

– Можно, на сенокосе можно выпить. Вечером у костра посидим.

Пришла мама Батрадза, стройная и быстрая в движениях Зара, принесла тоже узелок. Обнялась с мамой Дениса, расцеловалась.

– Я им всего наложила, – сказала мама Дениса, – можно было и не нести ничего.

– Ребята они молодые. Есть будут хотеть, не помешает. Не съедят, так домой привезут. Я положила сырые яйца в банку, там сварят и съедят. Варенные могут пропасть. Ты им араки налила, я вижу. Не рано ли им прикладываться к этому зелью?

– Понемногу можно, я думаю. Да они и не пьют много.

Потом женщины затеяли свой женский разговор о доме, о хозяйстве, о детях.

– Телочку когда будете забирать? Она уже большенькая.

– Да можно хоть сегодня. Муж придет, я скажу ему.

– Маринка совсем от рук отбилась. Только хочу что-нибудь заставит сделать, а ее и след уже простыл.

– Хадизат такая же. Что за молодежь растет? С ними нет сладу. Тут она мне недавно рассказывает, что Денис пообещал ее украсть, когда она вырастит, а Батрадз обещал помочь ему. Я смеялась от души. Чего воровать? Сами приведем. Может вы ее сразу заберете? Обменяем на телушку.

– Да мы не против, пусть у нас растет.

Женщины рассмеялись.

Денис и Батрадз собрались, запрягли коней, взяли бурки и часов в пять выехали. Ехали той же дорогой, что и утром. Через стрельбище пропустили их без разговоров. Приехали на сенокос в половине седьмого. Что будет дождь, не было похоже. Они расстелили бурки на копне, положили на них ружья, патроны, распрягли и стреножили лошадей. Солнце клонилось

к закату. Пошли насобирали дров, нарубили их и когда начало смеркаться, разожгли костер. Вокруг краснели закатом вершины гор, было тихо и спокойно в природе. Разложили поесть.

– Что, выпьем понемногу? – спросил Батрадз.

– Можно, – ответил Денька.

Налили по небольшому граненому стакану араки, домашней самогонки из кукурузы.

– Долгой жизни нам, – сказал Батрадз, чокнулся с Денисом и выпил. Помотал головой, – ух, крепкая!

– Дай бог, – сказал Денька и тоже выпил.

Хмель закружила голову, стало приятно и хорошо. Тихо потрескивал костер, слышался хруст поедаемой лошадьми травы. Лошади далеко не отходили. Над головой раскинулось звездное небо, огромная луна тихо всходила над горами.

– Интересно, вон сколько звезд над нами, а живут ли возле этих звезд планеты, где есть люди? – спросил Батрадз.

– Я думаю, что живут. Не может быть, чтобы было столько солнц и все впустую. В природе все мудро и никогда ничего нет просто так.

– Встретиться бы с ними...

– И что бы ты делал?

– Как что? Разве не интересно расспросить их об их жизни? Может сейчас во-о-о-н возле той звезды, – Батрадз показал на одну из ярких звезд, – кружится такая же планета, как наша. А на ней два парня поехали за сеном. Разве не интересно?

– А может те парни с рогами или с копытами, а на спине костяные наросты.

– Не думаю. Если есть где-то разумные существа, то они похожи на нас, людей.

– Может быть и так... Да и зачем разумному существу рога? Он же не корова, чтобы от волков обороняться.

Засмеялись. Выпили еще по стакану араки. Воздух стоял чистый, было слышно, как далеко, в каком-то селении лаяли собаки. Это могло быть селение, где жили ребята или ингушский аул, который находился километрах в десяти от сенокоса, за перевалом невысокого Тарского хребта. Было довольно светло от взошедшей луны. В тишине послышались шаги и звуки голосов людей. Батрадз быстро поднялся на копну и принес ружья и патроны. Шаги и голоса приближались. Стали видны силуэты трех человек, которые шли к костру. Было не разобрать, кто это. Но вот люди подошли ближе. Это были три парня примерно такого же возраста, как и Денис с Батрадзом. Говорили на гортанном языке.

– Ингуши, – сказал Денька.

– Да, их язык, я немного понимаю его.

– Я тоже.

Парни подошли к костру.

– Добрый вечер. Пусть ваш отдых будет хорошим, – сказали по-русски подошедшие.

– Добрый вечер, – ответил Денис, – присаживайтесь к нашему костру, будьте гостями.

– Спасибо.

Парни, двое из которых были вооружены охотничьими ружьями, разместились у костра. Батрадз добавил еды на чистое полотенце.

– Поешьте, издалека, наверное, идете?

Гости начали есть сыр с хлебом.

– Мясо тоже можете есть, это не свинина, это баранина.

– Спасибо, – и ингуши начали есть и мясо.

– Араки выпьете?

Парни переглянулись. Ингуши были мусульманами, Коран запрещал спиртное. Но многие ингуши пили.

– Немного можно, – сказал плотный парень.

Батрадз налил им по стакану араки.

– О. Аллах, прости нас за грех. За наших хозяев! – сказал плотный парень и выпил. Выпили и двое других.

Снова принялись за еду. Когда поели, стали говорить о своих заботах.

– Скот у нас потерялся. Две коровы и молодая телушка, год ей. Вот нас и послали искать их. Мы по дороге через перевал прошли, кричали, звали, нет их и не знаем где они.

– Мы не встречали ваших коров. Жаль, конечно. Но я думаю, что найдутся. Нужно посмотреть в Вышинском распадке. Там трава по пояс и скот любит туда ходить. Зверь, думаю, не тронет ваш скот, сейчас лето, зверь сытый.

– А где этот распадок?

– Пойдете по этой речке вверх, там она разбивается на три ручья. Пойдете по правому ручью, после водопада выйдете в этот распадок. Вы из Тимурюрта?

– Да, мы из Тимурюрта.

– Там до вашего села близко, перевалите через гору и выйдете в верховья Камбилеевки. Там сами сообразите. Подождите до утра, заночуете у нас, а утром пойдете.

– Подождем до утра, конечно. Сейчас ночь и болтаться по лесу не очень хочется.

– В Вышинском распадке часто находят потерянный скот. Один раз нашли пять совхозных бычков, они там за лето раскормились, одичали, на людей бросались с рогами.

– Меня Идрис зовут, – сказал плотный парень, – а это мои друзья и соседи Башир и Аслам. Мы все Хамхоевы.

– Меня Батрадз зовут, я осетин, из Калоевых, а это мой друг и сосед Денис Исаев, наш казак, местный. Мы из Предгорной.

– Вот и познакомились, – сказал Аслам, – приятно в дороге встретить хороших людей.

– Спасибо на добром слове, – и Батрадз разлил остатки араки на всех. Все допили ее. Начали размещаться ночевать. Батрадз принес бурки с копыны и отдал гостям. Никто возражать не стал, это кавказский обычай – гостям все лучшее.

– Лучше на копыне ночевать, – сказал Денис, – а то здесь змей много.

– Да, мы сейчас и пойдём вон на ту большую копыну.

Гости взяли бурки и пошли на копыну. Батрадз и Денис влезли на свою. Сон пришел быстро. Когда с рассветом проснулись, гостей уже не было. Бурки, плотно скатанные, лежали у костра. Гости ушли, видимо торопились. Что ж, хорошей дороги им. Начали грузить сено. До жары все сено, принадлежавшее семье Дениса, было погружено на брички.

– Рыбачить пойдём?

– Пойдем, нужно форели наловить.

Взяли прихваченные удочки, пошли к речке. На перекатах, за камнями и в ямках форель клевала хорошо. Наловили прилично рыбы, обложили ее травой, чтобы не портилась и пошли к нагруженным бричкам. Взяли пасшихся лошадей, запрягли их и тронулись тем же путем, что и вчера – по серпантину. Так же наладили тормоза на колеса бричек и спустились благополучно к стрельбищу. Проехали стрельбище, перебросившись с часовыми приветствиями и словами.

– Спасибо, что пропустили нас. Этим вы нам помогли неплохо. Приезжайте к нам в село в гости.

– Можно и приехать. А кого спросить?

– Спросите Дениса Исаева и Батрадза Калоева. Мы друзья и соседи, нас все знают в селении.

– Счастливой дороги.

– Счастливо оставаться.

Приехали домой через час, загнали подводы на баз к Денису, подогнали к сеновалу и распрягли лошадей.

– Ты гони лошадей на луг пастись, а я начну разгружать сено и складывать его в скирду, – сказал Батрадз.

Денис верхом, без седла, погнал лошадей на луг, одел им путы и пустил пастись. Когда пришел домой, то увидел, что сено с обеих подвод разгружено и аккуратно сложено в скирду. «Быстро он» – подумал Денис про друга. Выйдя к крыльцу, понял причину быстрой работы: Батрадз сидел на скамейке у плетня с тремя парнями, их одноклассниками, Жорой Сигаевым, Виталиком Дзагоевым и Сосланом Бегаевым. Они и помогли ему в работе.

- Мы вчетвером в момент твое сено заскирдовали, – засмеялся Батрадз.
- Спасибо огромное, что помогли. А то бы мы вдвоем тут часа два возились.
- Не стоит нас благодарить. Слегка размялись, – засмеялись парни.

Парни поступали в институт тоже. Как они рассказали, ездили они в город. Поступали в Сельскохозяйственный институт Сослан и Жора, а Виталик поступал в Институт искусств в Ростове-на Дону. Все трое поступили. Виталик любил рисовать, рисовал хорошо, сочинял неплохие рассказы и стихи. Ему прочили большое будущее в искусстве школьные преподаватели. Денис от души поздравил парней.

- А вот мы с Батрадзом провалились, недобрали баллов.
- Ничего, на следующий год доберете. Или в армию пойдете?
- Мы еще не решили.
- В армию идти тоже неплохо, там из вас сделают настоящих мужчин.
- Поживем – увидим.

Ребята посидели еще, поговорили и Виталик, Жора и Сослан ушли. Маринка выскочила от соседей.

- Иди рыбу почисть, лежит в холодильнике.
- Вспомнил! Давно почистила. Тоже мне руководитель нашелся.
- Ты свой язычок прикуси, а то я его укорочу.
- Каким образом?
- А отрежу кончик.
- Не отрежешь. Хадизат, – вдруг закричала она подруге, появившейся у себя во дворе, – здесь меня уже резать хотят.
- Кто? Как резать?
- Кусочек языка отрезать Денис хочет у меня.
- У него наклонности абрека. То он меня украсть обещает, то уже тебе кусочек языка отрезать хочет. Что с ним делать будем? Нужно перевоспитать, а то ничего дельного из него не выйдет. Жалко ведь, сосед и живой человек.

Девчонки откровенно словесно издевались над парнями и хохотали вовсю.

- Брось их, – сказал Батрадз, – это же маленькие женщины. С ними нельзя связываться.
- Да они же в шутку, как и я.

Парни решили отдохнуть, а вечером идти в клуб. Там показывали новую комедию Гайдая.

Циала была сегодня в приподнятом настроении. Все у нее ладилось, в институт она поступила и скоро поедет в большой город учиться. Ростов ей нравился, только не хватало там гор и лесов, которые Циала очень любила. Она часто ездила с отцом в лес, на сенокос, любила поляны, покрытые ковром из цветов, аромат трав, листвы, цветущих деревьев. Она очень любила цветущие весной сады, когда цвели вишни и яблони. А аромат цветущей акации кружил ей голову не хуже араки. Циала очень любила свою малую Родину. Сегодня вечером в клубе будет новый фильм, она собралась пойти туда. Сердце ей подсказывало, что там будет и Денис. Денис... последний год, еще учась в школе, присмотрела она его и он ей нравился, как никто из парней. При виде его сердце ее билось быстро-быстро, иногда его удары отдавались в висках. Когда он говорил с ней, то у нее подгибались колени и дрожали руки. Что это? Неужели любовь? Такая яркая и сладкая! И сейчас, подумав о Денисе, она почувствовала,

как сладко зануло сердце. Вспомнила его неумелые, но пьянящие поцелуи на бревне. А ведь они дважды с ним там целовались. Отец заметил ее состояние и ее отношение к Денису, но она не знала, что ее отец даже говорил с Денисом. Фотографию Дениса, которую она нашла на общей фотографии трех парней и, вырезав ее, хранила у себя под подушкой, думая, что никто об этом не знает. Но об этом знал папа, знала мама. Все они по-своему восприняли это, немного посмеиваясь над наивностью Циалы. Но и беспокойство проявляли тоже, не наделала бы глупостей девушка.

Циала подошла к маме, возившейся во дворе.

– Мама, я пойду вечером в кино. Хорошо?

– Хорошо, иди. Но после кино сразу домой. Допоздна по улицам не шатайся.

– Мы может быть с подругами немного погуляем, но я буду дома вовремя.

– Погулять можно, но недолго.

К вечеру Циала оделась и пошла в клуб. К клубу тянулись люди со всего селения. Шла молодежь, шли и зрелые люди. У клуба стояли кучками люди и говорили о чем-то о своем. Циала встретила Залину с Васей.

– Привет, ты тоже в кино? – спросила Залина.

– Да.

– А чего одна?

– Вот вас встретила, буду уже не одна.

– А Денис где? – не стерпев, съехидничала Залина, – Он что, не понимает, что такую красавицу нельзя отпускать одну?

Циала покраснела и засмушалась.

– Не слушай ее, – сказал Вася, – она без подковырок своих жить не может. Пойдем с нами.

– А как у вас дела? – спросила Циала, – Вы поступали куда-нибудь? Я вас ведь со школы не видела.

– Поступали и не поступили мы оба, – сказала Залина, обнимая подругу, – ничего, в следующем году поступим.

– Я ездила в Ростов, поступила в педагогический. Буду работать с маленькими детьми, мне это очень нравится.

– Прекрасно, – сказал Вася и, глянув в сторону, кому-то призывно помахал рукой. Циала посмотрела в ту сторону и почувствовала, как земля у нее под ногами закачалась.

– Ты чего побледнела? – спросила Залина, – Ах, поняла, Денис нарисовался! Ну-ка потри руками щечки, чтобы они румяные были, а то бледная, как смерть. И помни, от этого не умирают.

Залина привлекла к себе Циалу и сама потерла ей щеки. К ним подошли Батрадз с Денисом и со своими младшими сестренками – Маринкой и Хадизат.

– Привет, большой привет всем. Как дела? Ты, Залина, цветешь, как самый лучший цветок в саду, завидую Васе.

– Можно подумать, – хихикнула Залина, прихорашиваясь и тут же съязвила – а Циала красивее меня, на нее даже взрослые мужчины заглядываются. Прямо королева красоты в селе-нии.

Эта похвала явно не понравилась Хадизат, она крепко сжала руку Маринки и глаза ее загорелись недобрым огоньком. Но этого никто не заметил. Все пошли к кассе покупать билеты. Хадизат шла сзади, понури-вав голову и крепко держа в своей руке руку Маринки. Марина выдернула руку.

– Ты что, Хадизат, раздавишь мне руку. Не думала, что ты такая сильная.

– Извини, не знаю сама, почему так получилось.

Купили у кассы билеты, потом прошли в зал и сели. Денис сидел рядом с Циалой, с другой стороны сидел Батрадз. Начался фильм. Люди с удовольствием смотрели комедию, смеялись, иногда даже вскрикивали.

– Все таки Гайдай талантливый режиссер, – тихо сказал Батрадз.

– Да, – шепнула Циала, – молодец.

После фильма вышли из клуба и побрели по улице. Циала уцепилась за Дениса, шла с ним под руку, часто взглядывая на него. Хадизат быстрым шагом, прихватив Маринку, пошагала домой. Лицо ее было обиженное, в душе тоже была горечь. Что-то недетское шевельнулось в душе. «Вот как бывает» – со слезами подумала она. В темноте ничего не было видно и Маринка просто шла рядом с ней, ничего не замечая.

Августовский вечер лил ароматы спелых яблок, винограда, нес из палисадников запахи цветов. В голову бил аромат турецкого табака, такой, что им нельзя было надыхаться. Тихо шумела листва уличных деревьев. Батрадз подал руку Васе и попрощался с Залиной.

– Я домой пошел. Денис, пока, завтра утром увидимся. Вася, всего хорошего вам с Залиной.

– Пока, Батрадз, всего хорошего.

Все разошлись, Денис и Циала остались одни.

– Куда пойдём? – спросил Денька.

– Мне долго нельзя, мама сказала, чтобы я после кино шла домой.

– Немного погуляем все же, как ты считаешь?

– Немного можно.

Пошли по улице в сторону дома Циалы. У дома Невзоровых в густых зарослях сирени стояла скамейка. Ее не было видно с улицы. Пройдя сквозь кусты сирени, сели на скамейку. Денис привлек Циалу к себе. Она сразу потянулась к нему, обняла его за шею, ей было сладко и хорошо в душе. Молодость всегда дает сладость души любому человеку. А если человек влюбляется, то это усиливается во много раз. Они нашли губы друг друга. Слились в долгом поцелуе, который принес им прекрасное удовольствие. Они целовали друг друга, Циала прижималась к Денису, и он своим телом чувствовал ее крепкие груди. Так просидели они какое-то время, лаская друг друга. Циала глянула на часы и ахнула.

– Ой, мне срочно домой. Мы с тобой сидим здесь почти два часа. Мне не хочется волновать родителей.

– Хорошо, пойдём. Я тебя понимаю.

Они встали и пошли к дому Циалы. Денис попрощался с ней у поворота улицы, так как Циала боялась, что кто-либо из родителей будет ждать ее у калитки. Так оно и было. На скамейке у их забора сидела мама.

– Ты куда пропала? После кино все уже давно дома и спят.

– Мы с девочками погуляли, ходили к речке, – неумело соврала Циала, ее мама почувствовала это.

– С Денисом была?

Циала молчала.

– Ну что ты молчишь? С Денисом была?

– Да... – тихо прошептала Циала.

– Что у тебя с ним?

– Не знаю, нам очень хорошо вдвоем.

– Я тебе вот что скажу. Я сама была молодая, мне тоже нравились парни, но никакой глупости я не сделала. Я очень надеюсь, что и ты не сделаешь ничего плохого. Денис хороший парень, он и мне, и отцу нравится. Но очень прошу тебя – будьте оба осторожны.

– Хорошо... – опустив голову, еле слышно прошептала Циала.

Циала прошла в дом, умылась, разделась и, счастливая, легла спать. Все обошлось, подумала она, засыпая, это хорошо, что и мама, и отец знают о Денисе. А главное, он им нравится.

Через несколько дней Циала уезжала в Ростов-на-Дону. Автобус шел из города до Ростова. Циала купила билет, собрала вещи. В предотъездные дни виделась с Денисом каждый день. Гуляли, вечером ходили на речку, целовались. Расставаться не хотелось. Накануне отъезда в семье собрали прощальный вечер. Сели за стол. Папа налил всем вина.

– Пришло время проводить нашу Циалу в дальнюю дорогу и в большую жизнь. Большой город, в котором ты будешь жить, таит в себе многие соблазны. Берегись их. Соблазн тем опасен, что он дается легко, но последствия у него всегда очень трудные. Помни, что ты осетинка. Осетины живут во многих городах России и редко среди них есть плохие люди, очень редко. Уважай других, храни честь своего народа и честь родителей, живи с достоинством, помни, что ты вышла из семьи, где подлость и обман никогда не жили. Помни, что все мы любим тебя и всегда будем ждать тебя домой.

Все выпили. Циала пригубила немного вина, пить все не стала. Поужинали, поговорили. Потом все встали из-за стола и Циала с Тamarой, младшей сестренкой, помогли маме убрать стол. После этого Циала попросилась у мамы погулять. Мама разрешила. Денис ждал ее на бревне, у реки, где они всегда встречались. И снова наступили счастливые минуты для обоих, когда объятия и поцелуи перемежались с обещаниями и клятвами. Речка плескалась под берегом, унося в мир их обещания друг другу. Далеко уносила, сперва в Терек, а там Терек нес все Каспию, принимавшему их слова и запоминавшему их. Запоминались их клятвы и горам. Горы это как родители, они всегда на страже своих детей. Расставались с грустью, но так было нужно, оба понимал это. На другой день, ближе к вечеру, папа Циалы проводил ее в город на автобус. Вот автобус тронулся, Циала помахала отцу из окна. Вот выехали из города. В предвечернем свете замелькали селения, хутора. Автобус шел по трассе. Ехать было восемьсот километров. Автобус будет идти всю ночь.

Утром проехали Батайск, затем мост через Дон, въехал в Ростов-на-Дону. Через полчаса приехали на автовокзал. Циакла забрала свои вещи и пошла на такси. Она не знала пока, как добраться до общежития института на городском транспорте и поэтому решила поехать на такси. Такси минут за двадцать доставило ее до общежития. Комендант общежития посмотрел документы, нашел в списке поселяемых Циалу и повел ее в комнату, где ей предстояло жить. Комната была на двоих и в ней уже поселилась девушка. Познакомились. Девушка была из Таганрога, приморского города, ее звали Таней.

– Никогда не видела моря, – сказала Циала.

– Как наступит возможность, так поедem ко мне в гости, искупаемcя в море. Еще долго будет жарко и до конца сентября еще можно купаться. Так что искупаешься в море и помотришь на него.

– Спасибо, Таня. Мне это очень интересно.

Начавшиеся занятия в институте неожиданно были прерваны. Всех отправляли на картошку в колхозы, на месяц. На сборы дали три дня.

– Вот возможность домой съездить, – сказала Таня, – собирайся, повезу тебя к морю.

Быстро собрались и уехали в Таганрог на поезде. Таганрог понравился Циале. Зеленый, в буйстве деревьев и цветников, с красивым парком. Таня жила в частном доме с родителями недалеко от Потемкинской лестницы, спускавшейся к порту и на набережную. Познакомила с мамой, папа Тани был на работе. Пообедали. Мама Тани долго расспрашивала Циалу, откуда она, кто родители, как попала в эти края. Циала подробно отвечала на вопросы, пригласила в гости родителей Тани, сказала, что гостей дома любят и умеют их встречать.

В тот же день, по приезду, пошли на пляж. У Циалы не было купальника, и Таня дала ей свой, они носили один размер. Пошли к Потемкинской лестнице, начинавшейся у памятника Петру Первому, основателю Таганрога. Отсюда, от памятника, открывался прекрасный вид на

море. Такого Циала никогда не видела. Это была не вода, это было что-то живое, переливавшееся всеми оттенками синего цвета, от нежно-голубого до фиолетового и эта красота раскинулась до самого горизонта. Впечатление было такое, что эта красота обняла тебя и качает тебя в своих руках. Такую красоту можно было сравнить только с красотой мамы, когда она маленькую Циалу качала на своих руках. Циала мгновенно и навсегда была поглощена этой красотой. Таня что-то ей говорила, размахивала руками, показывала, но Циала не слышала ее. Она пила душой море и чувствовала, что она и эта красота едины. Наконец она очнулась.

– Назад поедem на «Комете», по морю. Два часа и мы в Ростове.

– А что же ты раньше не сказала? Сюда тоже нужно было ехать по морю.

– Не подумала и не сообразила. Ничего, все наверстаем.

Таня засмеялась и начала спускаться по лестнице. Циала пошла за ней. Спустившись вниз, пошли на пляж. Таня начала раздеваться. Циала застеснялась, у них в селе не было принято девушкам показываться на людях в купальнике. Купальник и нижнее белье это почти одно и то же.

– Ты чего не раздеваешься? – спросила Таня, – Пойдем купаться, вода очень теплая.

«Разденусь, куда деваться?» – подумала Циала и начала раздеваться. Девушки вошли в воду. Вода действительно была теплая и совершенно прозрачная, как в Сунже, когда нет половодья. В воде видны были песок, все камушки, сновавшие мальки рыбы. Зашли в воду по пояс, и Таня поплыла, легко и непринужденно рассекая воду. Циала только смотрела, плавать она почти не умела. В мелкой Сунже плавать не научишься. Но окунулась в воду, немного проплыла по собачьи, разбрызгивая гроздь брызг. Таня заплыла далеко, ее голова была почти не видна. Затем поплыла назад, к берегу. Подплыла к Циале и встала на дно.

– А ты чего не поплыла со мной?

– Таня, я плавать толком не умею. У нас только горные реки, они бурные, сильные, но неглубокие. Я немного только умею.

– Ладно, ничего страшного. Я научу тебя плавать. Будешь как рыба.

– Спасибо.

Девушки полежали на разостланном покрывале, позагорали. Трое подвыпивших парней в купальных шортах подошли к ним.

– Не хотите и нас принять на ваше покрывало?

– Нет, не хотим, – ответила Таня, – идите дальше.

Парни посмеялись, наговорили комплиментов девушкам и ушли.

– Терпеть не могу выпивших, – сказала Таня, – у меня был парень, хороший человек, но часто пил, поэтому я с ним и рассталась. А у тебя есть парень?

Циала рассказала ей о Денисе.

– Русский? – удивилась Таня, – У вас это можно – девушка осетинка и русский парень?

– Можно. Осетины живут с казаками рядом давно, вот и свыклись друг с другом. Немало есть смешанных семей.

– Здорово! – сказала Таня, – Поеду к тебе в гости, найдешь мне осетина.

– Их в Ростове должно быть много, даже мои одноклассники есть.

Помечтали о парнях, пошутили, несколько раз еще зашли в воду, искупались. Солнце совсем склонилось к закату. Таня предложила идти домой.

– Танечка, подожди, хочу посмотреть закат над морем.

– Хорошо, давай посмотрим. Это очень красиво.

Солнце медленно погрузилось в воду. Закат разлился сперва розовым, потом краски загустели, небо стало зелено-красным, облака отражали оттенки цветов заката. Вид заката захватил Циалу. Но вот закат вспыхнул последний раз красной полосой и погас. Над землей медленно разлились сумерки. Циала и Таня собрались и пошли домой. Поднялись по Потемкинской лестнице и уже в сумерках пришли домой к Тане. Во дворе, под виноградной лозой, горела

электрическая лампа, стоял стол с ужином, мама Тани и, пришедший с работы папа, ждали их. Познакомили Циалу с папой Тани, его звали Виктор. Это был высокий, немного полноватый мужчина лет под пятьдесят. У Тани был и старший брат, он уже имел свою семью и жил отдельно. Но мамы у них были разные. Первая жена Виктора умерла.

– Вы чего так поздно? – спросила мать Тани.

– Циала попросила показать ей закат над морем. Вот я и показывала ей, – сказала Таня.

– Какое красивое имя Циала, – сказал Виктор, – похоже на русское Алла, но красивее.

Означает оно что-то?

– Честно скажу, что не знаю, – улыбнулась Циала.

– Я бывал в Осетии. Служил в Моздоке и когда служил, бывал в Орждоникидзе.

– Я живу недалеко от города, двенадцать километров всего.

– Нравилась мне природа в окрестностях Орждоникидзе, а вид на Казбек просто завораживающий. И люди хорошие, всегда выслушают, помогут. А солдата еще стараются накормит и напоить. Попал я как-то солдатом на осетинский... как это у вас называется?

– Кувд.

– Да, кувд. Было много мяса, кукурузного хлеба и араки. Но нам офицер и старшие на кувде разрешили выпить немного.

– У нас молодежь сама не пьет, а напившийся мужчина опозорит себя на всю жизнь. Хотя в последнее время это уходит.

– Напрасно уходит. Так и должно быть. Спиртное это нехорошая вещь. Держитесь подальше от людей, любящих спиртное. А если есть возможность, то помогите им избавиться от этого.

Девушки молча слушали и ели. Пирог с рыбой был просто объеденье и Циала съела целых два больших куска.

– Ешь, не стесняйся, – потчевала тетя Саша, Танина мама.

– Спасибо большое, больше уж некуда.

После ужина долго сидели, потом пошли в Танину комнату. Таня предложила постель на выбор: на диване или на ее кровати. Циала выбрала диван. Диван раскладывался и превращался в широкую кровать. Расстелили постель и легли. Циала сразу же провалилась в сон.

Через два дня возвращались в Ростов на «Комете». Белоснежное, с синей полосой по бортам и красными трубами, морское судно на подводных крыльях, урча двигателями, пришвартовалось к пассажирскому причалу. Циала и Таня подошли к трапу, вахтенный матрос проверил у них билеты, и они прошли в салон. Места у них были в носовом салоне. Судно постояло еще немного, забрало всех пассажиров, и потом мягко отошло от причала. Сперва прошло малым ходом до выхода из порта, слегка покачиваясь, потом набрало скорость и встало на подводные крылья. Впереди разливалось пространство моря, в салоне не было слышно звуков двигателей. Все напоминало полет в самолете.

– Здорово! А красота то какая! Смелые люди работают на таком судне, – восхитилась Циала.

– Это так хорошо сейчас, потому что нет ветра и нет волны. В шторм идти на таком судне мученье, тебя всю вывернет наизнанку. И скорость не такая. Я раза два попадала в шторм, это дикий ужас.

– Зато сейчас как у Бога в ладошках. Таня, я не знаю, как тебя благодарить за то, что ты мне все показала. Будет что рассказать дома, в Осетии. Вместе расскажем.

– Для меня море привычно, я ведь родилась и выросла на море. Это для тебя в диковинку. А я и с рыбаками в море ходила, ловили рыбу. Ненадолго, на неделю. У меня папа одно время работал на рыболовных небольших судах и брал с собой. Обычно эти суда от шторма прячутся в тихих бухтах, но как-то прихватило нас в море. Я думала, что умру.

– Ты храбрая девушка, что только ты не видела. А я... я видела только наше село, наши горы, леса.

– А что, этого мало? Жить в горах тоже нелегко, я думаю, что там не легче, чем в море. Недаром ведь горцев называют смелыми людьми.

– Спасибо, Таня. Большое спасибо тебе. За все.

Через два часа пришвартовались у набережной Ростова, судно плавно покачивалось на речном течении, крепко привязанное швартовыми к береговым кнехтам. Девушки поднялись по улице вверх, к центру, сели на троллейбус и поехали в общежитие. Усталые, но очень довольные, расположились на отдых в своей комнате.

На картошке работа была нелегкой. Но для Циалы это была привычная работа, она убирала картошку дома каждый год. Многие же, особенно выросшие в городе, не выдерживали. Двое парней сбежало, им показались условия невыносимыми. Начались дожди. Картошку выбирали из размокшей земли, было холодно. Жили в каком-то сарае, половину которого занимали девушки, а половину парни. На наложенном сене был разостлан брезент, на него положены матрасы с серыми простынями и наволочками, это и была постель. Одежда была старая, ватные, со сбившимися кусками ваты. Они почти не грели в осенние холодные ночи и девушки по ночам собирались вместе, грели друг друга своими телами. У многих появилась простуда, на губах болячки. Кормили плохо, мясо почти не давали. Студенты начали роптать. Наконец поле с картошкой убрали. Прошло сорок дней с начала работ. Приехал председатель колхоза, благодарил за работу и просил остаться еще. Но руководители института настояли на том, что студентов нужно возвращать в аудитории, им предстоит еще пройти положенную за год программу. Подогнали старенькие автобусы и повезли студентов в Ростов. Общежитие показалось раем. Белые простыни, душ, тепло. Снова дали три дня на отдых. Таня поехала к родителям в Таганрог, звала и Циалу, но она решила не ехать, чувствовалась усталость. Прочла все письма от родителей, спала, ела и снова спала. Никуда не ходила. Так закончилась ее эпопея с картошкой. На четвертый день, это была среда, студенты появились в аудиториях, но далеко не все. Многие после картошки заболели, многие не могли прийти в себя. Но занятия начались. Циала жадно впитывала в себя знания, ей нравились преподаватели, их отношение к студентам, их лекции. Общеобразовательные предметы она постигала быстро, на зачетах и экзаменах получала хорошие оценки. Шло время. Молодежь не умеет замыкаться в себе и у Циалы появились новые друзья, она ходила на студенческие вечера, где все веселились. Многие девушки завели себе парней, к Циале тоже не раз подъезжали парни, но она спокойно и без волнений отшивала их. Про нее начали говорить, что она недотрога. Таня поддерживала ее, и сама вела себя так же. «Мое в жизни – один раз и навсегда – говорила Таня, – а минутные увлечения и разовые встречи мне не нужны, из них ничего хорошего не может быть». Циалу не привлекали парни, Денис был ее идеалом. Остальные казались просто ненужными. Она могла поболтать с парнем, обсудить с ним какие-то вопросы, но если парень намеками или напрямую начинал добиваться более близких отношений, то резко обрывала с ним связь. Гриша, высокий и симпатичный парень из Воронежа, как-то сказал ей: «Циала, всю жизнь мечтал я о такой девушке, как ты. Но чувствую, что сердце твое занято и поэтому не хочу тебе мешать». «Занято, Гриша, занято. И ни для кого там места больше нет» – улыбалась Циала и с Гришей они были просто друзьями. Гриша зачастую защищал ее от приставаний, даже раза два дрался. Как-то Циала сказала ему: «Хороший ты человек, Гриша. Ты присмотришься к Тане, моей подруге, она такая же, как и я». Гриша вежливо улыбнулся, но к Тане не спешил присматриваться. С Денисом Циала регулярно переписывалась. Денис писал ей о сельских делах, о том, что скучает по ней и ждет, когда она придет. Он получил водительские права и работал в совхозе шофером. Писал, что если в майский призыв его не заберут в армию, то он будет снова поступать в институт. Циала отвечала ему яркими, простыми письмами и связывала в душе свою судьбу с судьбой Дениса. Родители писали, что все у них хорошо, работают, ждут домой. Писали, что как-то Денис при-

вез им машину дров, хотели ему заплатить, но он деньги не взял. Шло время. Наступила зима. В Ростове гололед покрывал улицы так, что даже трамваи не ходили. Ближе к Новому Году выпал снег. Стало бело вокруг. После Нового Года началась зимняя сессия. Сдав все зачеты и экзамены, Циала на две недели стала свободна и решила съездить домой. Звала с собой Таню, но Таня не поехала, сказала, что болеет мама и ей нужно помочь. Циала села на поезд до Орджоникидзе и утром следующего дня была в Осетии. В Осетии снега не было, но морозило. К обеду Циала добралась до дома. Родители радостно встретили ее. Начались расспросы, рассказы, радость лилась у всех наружу. Мама напекла пирогов, отец зарезал большого барана, чтобы угостить дочь по обычаям осетин. Пришли соседи, друзья. Вечером долго сидели за столом, говорили. Мужчины отдельно, женщины отдельно. Таков осетинский обычай. Циала рассказала всем о море, как купалась в нем, как любовалась закатом, как прокатилась по морю на судне от Таганрога до Ростова. Все с восхищением слушали. Часам к десяти все разошлись. «А что же Денис, неужели не увижу его сегодня?» – думала Циала. Прошла в свою комнату и села на кровать. «Не придет, поздно уже». Но вдруг в окно стукнул брошенный кем-то камушек. Циала погасила свет и открыла окно. За забором стоял Денис. Циала закрыла окно, оделась и выскользнула из дома. Мама ее заметила это и бросила вслед: «Недолго». Они отошли от дома Циалы, встали у толстого высокого дерева. Циала не выдержала, прильнула к Денису, обняла его за шею, покрыла его лицо поцелуями. Он крепко прижимал ее к себе. По лицу Циалы текли счастливые слезы, Денис целовал ее губы, щеки, шею. Расстегнул у нее пальто, расстегнул свое пальто, и они прижались друг к другу, стали ближе.

– Соскучилась. Больше не могу так.

– Я тоже. Ничего, это не на навек.

– У меня там все мысли и думы только о тебе.

– Я тоже часто о тебе думаю.

– Не поеду в институт. Останусь возле тебя.

– Не делай глупость, Циала. Меня и Батрадза быстрее всего в мае заберут в армию. Так сказал военком в районе.

– Что ж, буду ждать из армии.

– Спасибо. Я надеюсь, что дождешься.

Прогуляли они на улице почти до утра. Уже кричали первые петухи, когда Денис привел девушку к ее дому. Мама ее не спала. Увидев виноватый вид дочери, ничего не сказала, только покачала головой. Циала ушла в свою комнату, легла в постель, но не могла заснуть. Она и сейчас чувствовала объятия Дениса, его поцелуи. Как наяву. У нее сладостно ныло тело, хотелось еще этих объятий, хотелось еще услышать нежные слова Дениса. Заснула чуть ли не с поздним январским рассветом.

На другой день Циала обежала своих подруг. Многие приехали на каникулы, некоторые никуда не уезжали. Забежала к Залине.

– Явилась, не запылилась. Похорошела! Наверное, ростовские парни не забывают тебя, – без легкого ехидства Залина жить не могла.

– Они, может, и не забывают, да только я не обращаю на них внимания. Как ты?

– Все хорошо, вот только Васенька осенью ногу сломал. Но срослось все, сейчас даже не хромает. И родители не хотят отдавать меня за Васю, говорят, что нужно подождать год-второй. Ладно, я им преподнесу сюрприз, быстро согласятся.

– Какой сюрприз?

– Никому пока не говори, Циала. Рассказываю только тебе. Как близкой подруге, – она склонилась к уху Циалы, – знаешь... знаешь... не знаю даже, как это сказать... я... я беременна. У нас с Васей будет ребенок.

Циала ахнула.

– Как же вы это? До свадьбы? Грех то какой!

– Почему грех, Циала? Мы любим друг друга, мы настолько сжились друг с другом, что... Какая разница, когда это случится? До свадьбы или после свадьбы. У нас первый раз произошло все как-то само собой, мы сами ничего не поняли. Главное любить душой, а все эти свадьбы, загсы, это только условности. Над всем стоит Бог и только он вправе судить нас. Но раз он дал нам такую любовь, то судить он нас не будет.

– А Вася знает?

– Да, знает и очень сильно радуется. Сказал, что пошлет своих родителей, чтобы они поговорили с моими.

– Давайте делайте все быстрее. Ты же знаешь наших людей. Сколько сплетен будет за твоей и Васиной спиной. Кстати, вон и твой Вася. Вошел во двор.

Залина быстро побежала навстречу. Открылась дверь, Вася обнял Залину, поцеловал ее. Увидел Циалу.

– О, кого я вижу! – воскликнул он. Расцеловал и Циалу. – Давно приехала?

– Вчера.

– Дениса видела?

– Да, вчера.

– Ну, еще бы ты ждала до сегодня.

Он повернулся к Залине.

– Заличка, я сам решил поговорить с твоими родителями. Хочу рассказать всю правду. Я мужчина и должен отвечать за происшедшее.

– Ой! Стыдно мне будет! Очень стыдно! Я Циале уже сказала...

– Что ж, стыдно не стыдно, а прятаться и врать я не хочу. Выкручиваться тоже не буду.

Уже вечерело, когда пришли родители Залины. Вася подождал некоторое время и прошел в другую комнату к ним. О чем они говорили, Залина с Циалой не слышали. Вася вышел через минут двадцать с потным лицом, но довольный. За ним вышла мама Залины, вся в слезах.

– Мама, прости меня, не плачь, пожалуйста.

– Глупая ты, я от счастья плачу, – сказала Венера, – береги его. Это ж надо, с детского сада он при ней, а она при нем.

Хромая на протезе, вошел отец Залины, Сослан.

– Вася, я всегда знал, что ты хороший человек. Но так, как ты поступил сегодня, даже я не смог поступить бы, хотя всю жизнь ставил честность и порядочность на первое место. И хотя все произошло не по осетинским обычаям, я все принял и понял. По нашим обычаям сватовство должны были начать твои родственники. Скажи отцу и маме, пусть зайдут к нам. Хоть как-то обычай нужно соблюсти.

И к дочери.

– Береги его, это настоящий мужчина. Тебе повезло в твоем счастье.

– Берегу, давно берегу. С детского сада. Я ему там штанишки мокрые помогала менять, – тут же съязвила Залина.

– Господи, хоть бы в такую минуту помолчала, – Венера утерла передником слезы.

– Вася, скажи Клаве и Захару, родителям, пусть зайдут к нам, поговорить нужно, – повторил Сослан.

– Хорошо, я скажу.

– Ты, Циала, будешь свидетелем у них. Ты все знаешь?

– Да, знаю все.

– Молодые они, рановато им семью создавать, но опыт отношений у них, как ни у кого. Это ж надо, с детского сада привязались друг к другу. Вот как Бог им определил. А ты, ехида, смотри, чтобы Васю не задевала. Он тебе теперь и муж, и руководитель. Может и приструнить, если надо.

– У меня ее подколки кроме смеха ничего не вызывают, она же не по злобе. А шутку всегда можно понять, – сказал Василий.

– Ладно, будем считать, что помолвка состоялась. Пойдемте все за стол.

Прошли в зал, Залина с мамой быстро накрыли стол, отец принес араки. Налил всем в стаканы, встал.

– Очень рад вашему счастью. Вы его заслужили. Пусть оно с вами будет всегда. Берегите друг друга. И пусть вас хранит Устыр Хуцау, пусть ведет вас по жизни и помогает.

Все выпили, Залина только подняла стакан, но даже не пригубила. Все поняли ее правильно и никто не настаивал. Отец закусил и вышел. Минут через пять вошел, держа в руках кинжал в серебряных ножнах.

– Бог мне не дал сына раньше, но дал его мне сейчас. Этот кинжал служил моим предкам, пусть служит и тебе, Василий. На этом кинжале нет даже маленького пятнышка бесчестия. Храни его, но если нужно будет, то и вытащи из ножен.

Он подал кинжал Василию. Василий по старому кавказскому обычаю вытащил наполовину кинжал из ножен, поцеловал лезвие и снова вложил его в ножны.

– Можете не беспокоиться, я не уроню чести ваших предков. Если нужно будет, я умру за нашу общую честь.

Отец снов налил. Снова все выпили, кроме Залины. После третьего тоста разошлись.

Свадьбу Залины и Василия гуляли широко, по-кавказски. Жених был в темно-красной черкеске, в белом бешмете, с подаренным кинжалом на поясе, невеста в белом платье с фатой, прикрывала ею лицо. Из-под фаты сияли ее счастливые глаза. Гостей было много, и они все приходили. По осетинскому обычаю гости несли с собой еду и выпивку. Осетинских пирогов было много, а пирог у осетин это не только еда, но и ритуал. Было сказано много хороших слов. Свадьба не была чисто осетинской, это была смесь современности и традиций. Но мужчины сидели в отдельной большой комнате, женщины занимались готовкой блюд для многочисленных гостей, но и себя не забывали, накрыв стол в другой комнате. Приехали гости издалека, даже из Южной Осетии. Жених сидел рядом с невестой, невесту не прятали, как это делают по обычаям. Было много тостов и пожелания счастья. Молодежь веселилась, как могла, в отдельной комнате. Плясали под японский магнитофон лезгинку, плясали современные танцы. Всех покорила знаменитый «Симд», медленный и плавный осетинский танец, даже старики пришли в комнату молодежи посмотреть его. Гуляли два дня. На третий день был заколот молодой бычок и за столом сидели только близкие родственники. Свадьба удалась на славу. Василий забрал Залину жить к себе. Родители молодоженов обсуждали их настоящее, волновались об их будущем. Венера, мама Залины, ничего необычного в этом браке не видела.

– Им это Бог дал. Мы только закрепили желание Бога этой свадьбой. Устыр Хуцау связал их еще в детском саду. Ведь они с малых лет не могут жить друг без друга. Помните, как мы смеялись, когда маленькая Залина собиралась замуж за Василия? Но вот пришло время, и они навсегда вместе.

– Василий настоящий мужчина, я горжусь им, – сказал отец Залины отцу Василия, – когда у них случилось то, что рано или поздно должно было случиться, он не стал прятаться, а пришел ко мне и честно все рассказал. А теперь мы будем ждать внуков. Они скоро будут, Залина уже в положении.

– Я не знал про Залину, – сказал отец Василия, а Клава, его мама, даже ахнула в изумлении, – спасибо тебе, что ты все понял. Ведь из-за таких дел у многих семей рождается вражда.

– Нам нечего враждовать, мы с тобой теперь близкие родственники. И посмотри в мой двор: мои коровы и лошадь сытые, сена на три зимы хватит, в моем доме тепло, дров хватит на зиму с избытком. И все это сделал Василий. Доброте его души нет предела. Разве я смог бы сделать столько с моей одной рукой и одной ногой? Да конечно же нет.

Налили по полному рогу араки себе и в стаканы женщинам.

– Пусть счастье и достаток живут с ними всегда. Пусть они никогда не знают бед. Пусть их дети, а наши внуки, живут и радуются.

Все выпили. Разошлись уже к вечеру.

Циала пробыла дома десять дней. Погуляла на свадьбе подруги, с Денисом виделась каждый день. Но нужно было уезжать на учебу. И она поездом уехала в Ростов.

* * *

Батрадз решил сходить на охоту. Пригласил Дениса, но Денис не пошел, нужно было ехать на машине в Моздок по работе. Приближалась весна и нужно было привезти детали для совхозной техники. Батрадз пошел на охоту один. Он пошел по левому хребту узкого и длинного ущелья, в котором рождалась и текла речка Светлая. Хребет этот начинался сразу за селом. Батрадз на всякий случай взял с собой еды на три дня, взял патроны с картечью и пулями. Взял старенькую, но очень надежную, двустволку, повесил на пояс кинжал, который остался еще от деда. Снега в горах и на равнине не было. Стояли теплые бесснежные дни, белые стволы чинара густо покрывали склоны гор, Толстый слой сухих листьев покрывал землю. Было очень тихо. Батрадз шел долго, он хотел дойти до водораздельного хребта. Там всегда было много диких коз. Брачный период у них уже прошел, хотя обычно охотники козочек не трогали, стреляли всегда козлов. Их легко было отличить от козочек. Они крупнее и у них имеются небольшие рога, похожие на олени. Раза два далеко, за деревьями, мелькали косули, но для выстрела далеко. На водораздельном хребте, на одном из ручьев, был у Батрадза с Денисом лизун, это место, где они ложили большой кусок каменной соли. Они регулярно подновляли его, принося новые куски. Вот и сейчас Батрадз нес в рюкзаке соляной камень, килограмм на шесть. Там же, на ручье, стояла и маленькая сторожка, по-местному будка, срубленная из чинаровых бревен. В ней всегда были дрова, спички, соль, мука. До будки было еще километров десять. Батрадз немного устал, присел на лежащее бревно отдохнуть. Снял рюкзак, достал термос с чаем из трав, выпил чаю, расслабился. Посидел с полчаса, потом вскинул рюкзак и пошел дальше. Часа через два с половиной подошел к водораздельному хребту и стал подниматься к скале, за которой тек ручей. И вдруг сбоку щелкнул выстрел. Пуля пролетела рядом с головой Батрадза. и впилась в ствол чинара. Стреляли из карабина СКС, это не был выстрел из охотничьего ружья. Батрадз бросился за камень, на землю, снял ружье. Далек, между деревьев, увидел убегающую фигуру человека. Из охотничьего ружья его не достать, далеко. «Кто и зачем стрелял в меня? – недоумевал Батрадз, – Я ведь никому ничего плохого не сделал. Что это за странность?». Он прикинул, что у стрелявшего один путь – к тропе на водораздельном хребте и решил перехватить его. Быстро дошел до будки, оставил рюкзак, зарядил ружье пулями и быстрым шагом пошел к тропе. Стрелявший был на другой стороне ущелья и у него путь был длиннее. Батрадз минут за десять добрался до тропы и залег за большим камнем. Ждал он недолго. Минут через пятнадцать послышались быстрые шаги, и он увидел подростка, совсем мальчишку, лет четырнадцати, не больше, быстро шедшего по тропе. На плече у него действительно висел карабин СКС, на поясе небольшой кинжал. Подросток прошел в пяти шагах от Батрадза, не заметив его. Батрадз вскочил, направил стволы на подростка.

– Стоять. Руки подними вверх, – громко крикнул по-русски Батрадз.

Подросток остановился как вкопанный и медленно поднял руки.

– Теперь повернись. Делай все медленно. Одно резкое движение и я стреляю.

Подросток медленно повернулся к Батрадзу, лицо его было бледное, как мел. По виду это был ингуш. Батрадз медленно подошел к подростку, не отводя стволы от его груди, сдернул с него карабин и, расстегнув широкий солдатский пояс, снял кинжал.

– Гьалгьай уа? – спросил Батрадз по-ингушски.

– Гьалгьай мон, – ответил подросток.

– Зачем ты хотел убить меня?

Парень опустил голову и молчал.

– Ну, говори. Если ты стрелял в меня, значит ты имел причину.

Парень продолжал молчать.

– Ты из Темирюрта? – это было ближайшее к хребту ингушское селение.

– Да, – чуть слышно сказал подросток.

– Хамхоева Идриса знаешь?

Парень удивленно взглянул на Батрадза.

– Это мой двоюродный брат.

– А мой друг. Был у меня в гостях летом на сенокосе, они с Баширом и Асламом скот искали. Так зачем ты стрелял в меня?

Парень помолчал, потом заговорил.

– У нас многие мальчишки говорят, что для того, чтобы стать мужчиной, джигитом, нужно убить осетина.

– Ну и дурак же ты! Молокосос! И ты, чтобы стать джигитом, решил убить невинного человека? У тебя мозги есть? Ты хоть думать то умеешь?

Парень снова опустил голову и замолчал.

– Я пойду с тобой. В дом твоих родителей и все расскажу.

Батрадз обыскал парнишку, забрал две полных обоймы к карабину, больше у того оружия не было, закинул карабин и ружье на плечи.

– Иди вперед.

Парень послушно пошел по тропе впереди Батрадза.

До селения было километров пятнадцать. Батрадз прошел уже много, но силы были. Дошли до Темирюрта. Зашли в селение. Люди с удивлением смотрели на Батрадза и парня – подростка.

– Где твой дом?

– Вот этот. А вот здесь живет Идрис.

Батрадз подумал, что неплохо бы прихватить с собой Идриса. Он подошел к его дому и постучал в ворота. Вышел пожилой ингуш.

– Здравствуйте! Да будет мир вашему дому. Идрис дома?

– Да.

– Можно мне его видеть?

– Сейчас позову. Да ты бы зашел.

– Простите, некогда.

Вышел Идрис. Увидел Батрадза, приветствовал его.

– Заходи в гости. Рад тебя видеть.

– Сперва хочу разобраться с ним, – показал Батрадз на подростка.

– Что случилось, Руслан?

Парень снова понурился и молчал.

– Пойдем со мной к его отцу, и ты все узнаешь.

Идрис не стал даже одеваться и пошел в одной рубашке, да и идти было рядом, только лицу пересечь. Прошли к дому, Идрис зашел во двор и постучал в дверь. Вышел средних лет мужчина, жестом пригласил всех в дом. Батрадз снял ружье и карабин, оставил их в прихожей, там же положил на небольшой столик отобранный у подростка кинжал. Рассказал всю историю встречи в горах. Отец подростка, Хасан, схватился за голову.

– Да какой идиот вспомнил этот старый и дурной обычай? Слава Богу, мы как приехали из Казахстана, живем с осетинами в мире, многие осетины нам помогали. Кто тебя, Руслан, такому научил? Ты можешь себе представить, во что могло вылиться твое убийство невинного

человека? Хорошо, что оно не случилось, хвала Аллаху. Это же чистой воды дурость. Да как мне теперь людям в глаза смотреть? О, Аллах, Аллах, и зачем ты допустил такое?

– Да, ну и дела, – сказал Идрис, – не знал никогда такого, я обязательно разберусь с этим. Я примерно знаю, кто учит нашу молодежь этому. И поговорю с ними.

– Карабин в прихожей, там же ваш кинжал, а это вот ваши патроны, – и Батрадз выложил две обоймы патронов.

– Ты, Руслан, сделал очень нехороший поступок. А ты, Батрадз, настоящий мужчина. Ты не только не стрелял в него, но и привел его к родителям целым и невредимым. Спасибо тебе.

Мулутхан, мама Руслана, быстро накрыла стол. Хасан тяжело переживал случившееся и то и дело мотал головой, что-то тихонько произнося. Потом пригласил всех к столу. Ингуши помолились и, проведя по лицу руками, вознесли хвалу Аллаху за гостя, за хороший исход случившегося, за еду.

– Богу отдали должное. Отдадим, может быть, должное и людям? – сказал Хасан. Идрис понимающе улыбнулся. Батрадз не понял.

– Выпьем немного?

– Можно, спасибо, – сказал Батрадз.

Мулутхан принесла большую бутылку с аракой, заткнутую початком из кукурузы. Идрис, как младший, налил всем.

– Хвала Аллаху, за гостя и его благородный поступок. Помни, Батрадз, с этого дня ты наш друг и, если понадобится, мы за тебя и твоих близких отдадим даже наши жизни. Приезжайте к нам всегда, когда захотите, мы будем рады видеть тебя и твоих близких.

Все выпили.

– Ты, Руслан, с этого дня должен чтить Батрадза как своего старшего брата. Помни об этом.

Руслан поднялся и приложил руку к сердцу.

Плотно пообедали, посидели, поговорили еще обо всем. Батрадз тоже пригласил в гости Хамхоевых, они обещали навестить их семью. Батрадз собрался идти в будку. Хасан вышел. Принес небольшой красивый кинжал.

– Это тебе, Батрадз.

Кинжал закреплял вновь образовавшуюся дружбу. Батрадз взял его и приложил к груди.

– Спасибо, дядя Хасан.

Попрощался и пошел к выходу. В прихожей взял свое ружье и вышел. Руслан и Идрис проводили его далеко за околицу, на прощанье Идрис вручил ему сумку.

– Мама Руслана собрала тебе поесть. Возьми, не откажись, пожалуйста.

– Ох, эти мамы! Они все видят в нас маленьких. Но их пицца святая, передай ей мое спасибо.

Пожали друг другу руки и попрощались. Идти было далеко, через два невысоких хребта, через ручьи. В будку Батрадз пришел поздно, уставший. На небе светила полная луна, освещающая тропу. Разжег печь, натопил будку и, завернувшись в шерстяную кошму, лег спать.

Батрадз поспал немного, силой заставил себя проснуться задолго до рассвета. Вскипятил воду и заварил чай. Поел немного сыра с хлебом. Потом одел свою куртку с капюшоном, взял ружье, фонарик, принесенную соль, патроны и пошел к месту, где лежала соль. Здесь у них с Денисом был сделан скрад: выкопали в земле укрытие, накрыли его сушняком и листьями. Сделали это давно. Косули привыкли к этому холмику. Батрадз подошел к лежавшей соли, посветил фонариком – соль была сильно вылизана, значит косули приходят сюда. Выложил рядом принесенную соль и залез в скрад. В скраде было холодно, но теплая куртка грела Батрадза, а кошма, постеленная на толстый слой листьев, не давала холоду проникать от земли. Батрадз зарядил ружье картечью, положил ствол в бойницу. Луны не было, она то ли зашла, то ли ее закрыли облака. Батрадз стал ждать. Лежал долго, переворачиваясь с живота на бока. Перед

поздним зимним рассветом увидел мелькнувшую тень, потом еще две. Дикие козы пришли полизать соль. Батрадз прикрепил фонарик сбоку стволов ружья. Одел металлическое кольцо, от которого шел медный изолированный провод к фонарю, на указательный палец. Нужно было выбрать козла. Взвел курки и навел ружье на коз, коснулся кольцом скобки спуска. Луч света ударил в коз и очень удачно, прямо по лучу Батрадз увидел крупного козла с рожками на поднятой голове. Батрадз выстрелил. Козел коротко мекнул и перевернулся кверху ногами, две козочки одним прыжком исчезли из вида. Батрадз поставил ружье на предохранитель и подошел к козлу. Он был мертв. Батрадз повесил на плечо ружье, вскинул убитого козла на плечо и пошел к будке. Уже рассвело. Батрадз снял шкуру, разделал козла, набил мясом рюкзак. «Отдохну, – подумал он, – и пойду домой». Подкинул дров в печку, стало тепло. Незаметно задремал. Проснулся часа через два и ахнул. За окном крутила свои водовороты метель. На земле снега еще не было, метель началась недавно. «Нужно идти, если занесет снегом тропу, не выберешься» – подумал Батрадз. Залил водой огонь в печке, вскинул тяжелый рюкзак, ружье повесил на грудь. И вышел в метель. Ветер был не очень сильный, но метель кружила. «Нужно скорее уйти от водораздельного хребта, там будет тише» – решил Батрадз. Через часа полтора ходьбы ветер стал тише, но снег валил крупными хлопьями. Батрадз шел большими шагами. Было тяжело, но он не обращал на это внимание. По лицу начал струиться пот, тонкий свитер под курткой был мокрым от пота. Снег уже лежал на земле, закрывая тропу, но пока не мешал идти. Но вот впереди показалась гора. После которой начнется последний спуск к селу. Батрадз вышел на этот спуск и облегченно вздохнул: теперь он дойдет до дома в любом случае, осталось километра два-три. Впереди замаячили две фигуры, идущие навстречу. Когда люди подошли ближе, Батрадз узнал своего отца и отца Дениса. Оба были с ружьями. Встретились.

– Метель началась, мы решили идти к тебе. Это надолго, снегу навалит много. Давай рюкзак.

Батрадз снял рюкзак и отдал отцу Дениса.

– Все у тебя в порядке? – спросил отец.

– Все в порядке, но интересный случай был. Дома расскажу.

Пошли домой. Придя домой, порубили и разделили мясо.

– Хадизат, – крикнул Батрадз, – где ты?

– Здесь я, книгу читаю.

Хадизат вышла из комнаты.

– Отнеси нашим.

Наши это были соседи.

– Да пусть читает, я буду домой идти и заберу, – сказал отец Дениса.

– Ничего, пусть проветрится, а то станет толстой и ленивой, – пошутил Батрадз.

– Пусть и твои свежего мяса поедят, Вера сварит, – сказал Сослан.

– Сам ты таким будешь, – огрызнулась Хадизат, – и не жалко тебе бедных коз стрелять?

Живодер прямо!

– А мясо любишь? Любишь. Так Бог сделал, дал людям право есть животных.

Мама Батрадза уже варила мясо козла, принесла квашенной капусты, поставила вариться картошку. Накрыла стол клеенкой, поставила араку на стол, стаканы. Пошла к печке готовить.

– Есть хочешь? – спросил отец Батрадза.

– Хочу, я только завтракал, еще в будке.

– Садимся за стол.

Сели за стол, выпили араки. Закусили капустой, сыром и хлебом.

– Рассказывай, что там у тебя за случай произошел.

Батрадз подробно рассказал обо всем. У отца Дениса заходили желваки на скулах, отец Батрадза ломал в руках вилку.

– Сволочи, опять нас сравить с ингушами хотят. Ведь он же убить тебя мог!

- Мог. Пуля прошла на ладонь от головы.
- Хорошо, что ты его не убил. Ребенок ведь. Так ты и в Тимурюрте побывал?
- Побывал. Отец его Хасан мне кинжал подарил, звал в гости, обещал приехать сам.
- Дай Бог, пусть приезжает.

Отец Дениса не говорил ни слова. Сидел, опустив голову, потом поднял ее и заговорил.

– Сколько мы с ингушами воевали, сколько зла они нам причинили, но Бог наказал их высылкой и все улеглось. Нет у меня к ним никакой злобы, хотя и отец мой, и дед погибли от их рук. Но ведь есть же какая-то сволочь среди них, которой нейдет стравить нас. Хочется этой сволочи крови. Сам он в руки оружие не возьмет, потому что трус, а сколько людей погубит! А по нашим кавказским законам ты имел полное право убить этого щенка. Если щенок поднял руку на человека, это уже не щенок, а волк. Но и вправду хорошо, что ты не убил его. И хорошо, что приобрел друзей среди ингушей. Пусть приезжают к нам. Мы тоже к ним поедем как-нибудь.

Сварилось мясо. Мама Батрадза поставила дымящуюся козлятину на стол, положила испеченные лепешки, принесла приправленную чесноком и подсолнечным маслом картошку. Она слышала рассказ Батрадза и потихоньку от мужа вытирала слезы.

– Ничего, не плачь, все обошлось.

– А если бы убил? А если бы Батрадз его убил? Каково его матери было бы? Она же тоже мать.

– Все живы, все обошлось, да еще друзей новых приобрели.

– Ох, эти друзья... – махнула рукой женщина.

– Нельзя так о людях говорить, не зная их. Плохие люди так бы не поступили. А мальчишке ихнему какая-то сволочь забила мозги дрянью.

– Да я ничего о них не говорю. Все хорошо, когда кончается хорошо.

– Выпей с нами, – позвал ее муж.

– Налей, выпью, сердце колотится. Не могу.

Налили всем, все выпили. Налегли на мясо, картошку.

– Смотри, жирный козел был. И не старый. Мясо мягкое.

– Если налить еще грамм по сто, то и кости вам мягкие покажутся, – сказала вошедшая Хадизат, вся в снегу. Она отнесла мясо соседям и побегала под снегом на улице.

– Ох и грамотная ты стала – взвился ее отец, – много болтаешь! Давай садись к столу, поешь.

Хадизат сняла пальтишко и села к столу, стала есть мясо.

– Да, хороший козлик, вкусный. А все таки жалко.

– А ты не ешь, сиди и жалеешь.

Пришла Маринка, ее тоже усадили за стол.

– Может вам араки налить? – спросил шутя Батрадз.

– Сам ее пей, – огрызнулась Хадизат.

Все поели, взрослые еще поговорили и разошлись.

Слух о происшедшем в горах быстро облетел село. Отнеслись по-разному, но все хвалили Батрадза за смелость и благородство. К тому, что есть люди, желающие стравить осетин с ингушами, в селе отнеслись очень насторожено. У всех в памяти были еще прошлые стычки и настоящие войны, в которых мало какая семья не потеряла близких. Мужчины говорили об этом, зная, что в случае чего им придется защищать родные дома и семьи. Доставали и покупали оружие. Женщины все понимали. Но пока явных выпадов со стороны ингушей не было.

Денис вернулся из поездки через два дня. Узнав, что случилось с Батрадзом на охоте, он пошел сразу к другу.

– Как это было, Батрадз?

Батрадз рассказал.

– Я бы пристрелил этого щенка.

– Да жалко ведь его, совсем мальчишка. Да и раскаялся он от души. Стрелять нужно тех, кто учит такому молодежь. Хорошо у этого парня отец и мать люди понимающие, а ведь есть наверняка родители, которые приветствуют такое.

– Ну и дела! Чего им нужно? Живем неплохо, не голодаем, так нет, кровь кому-то нужна.

– Ничего, Денис. Все обойдется, все будет хорошо.

– Нужно с их парнями наладить отношения и связи. Тогда, помнишь, Идрис, Башир и Аслам были на сенокосе? Нормальные ребята.

– Я виделся с Идрисом, а это Руслан, стрелявший в меня, его двоюродный брат. С Идрисом я и ходил к отцу Руслана.

– Нужно нам находить с ними взаимное понимание, иначе эти нелюди, что так жаждут столкнуть нас, добьются своего.

– Согласен. Родители Руслана собираются приехать к нам. Идрис обещал приехать тоже.

– Отлично. Вот и поговорим. Я думаю, что Идрис приедет не один.

– Я тоже так думаю.

Близилась весна. Выпавший глубокий снег вскоре растаял. Горы, правда, стояли в снегу, белея вершинами, а в долинах потекли ручьи, кое-где показалась на пригорках зеленая трава. В один из выходных перед домом Батрадза остановилось двое «Жигулей», из одной вышли Хасан, Мулутхан, Руслан и две девушки – сестры Руслана. Из другой машины вылезли Идрис, двое незнакомых парней и Башир. Гостей хозяева встретили как полагается. Познакомились, парней звали Зелим и Масуд. Хозяева напекли осетинских пирогов, наготовили много всего. Сели за длинный стол в большой комнате. Хадизат и Маринка забрали девушек к себе, Мулутхан пошла на кухню помогать Заре, маме Батрадза. Пришли Денис и Дмитрий с Верой.

– Знакомься, Хасан, это наши соседи, они даже наши родственники. Это Дмитрий, наш местный казак, а это его жена Вера. А это Денис, их сын. Маринка, их дочь, ушла с Хадизат, нашей дочерью, и увела ваших дочерей. Как их зовут?

– Замира и Зархан.

– Прекрасные имена. Как музыка звучат.

Все расселись за столом. Тамадой был Дмитрий. Как самый старший. Налил всем араки. Начал говорить тост. Говорил по-русски, но тост был чисто осетинский.

– Когда человек идет по жизни, то его дорога не всегда бывает прямой легкой. Часто в жизни попадаются рытвины, кочки, ямы. И эти ямы иногда такие глубокие, что вылезти из них самому трудно. Но Бог всегда помогал людям и для того, чтобы облегчить дорогу людям, дал им друзей. Друзья настоящие всегда придут на помощь и помогут тебе вылезти из ямы, какая бы глубокая она не была. Друзья подадут тебе руку помощи, оботрут на твоём теле грязь, помогут твердо встать на ноги. Я предлагаю выпить этот рог за дружбу и за друзей, без них человеку в жизни нельзя. Пусть у каждого будет настоящий друг.

Выпили все. Немного поев, женщины отделились и ушли в другую комнату. Зара и Вера отнесли туда еду. Остались за столом одни мужчины. Хасан чувствовал себя неловко из-за поступка сына. После третьего тоста попросил слова. Дмитрий налил араки всем и сказал:

– Сейчас скажет свое слово наш очень уважаемый гость Хасан.

Хасан поднялся.

– Я очень рад, что приобрел новых друзей. И хотя к этим друзьям привел меня нехороший поступок моего сына, но видимо так хотел Аллах. Я прошу прощения у вас, мои друзья, за этот поступок моего еще не понимающего жизни сына. Мне страшно подумать, к чему бы привел этот поступок, если бы мой сын достиг цели. По нашим ингушским обычаям я был обязан привезти его с черным мешком на его голове, чтобы вы, если простили бы его, сняли с него этот мешок. Я знаю, что у осетин так не делается. Вот сын мой сидит перед вами. Перед ним нет еды. Если вы простите его, то только тогда дадите ему поесть.

При этих словах Руслан встал и понурил голову. Все замолчали и посмотрели на Батрадза и Ахсара. Они должны решать простить или не простить. Батрадз встал.

– Я считаю, что все уже в прошлом, я простил Руслана еще в горах, в лесу. Кинжал, подаренный мне Хасаном, дает мне право называть вашу семью друзьями, а Руслан мне сейчас как младший брат.

Решать должны старшие и Дмитрий посмотрел на Ахсара. Тот тоже встал.

– Если мой сын не держит зла в своем сердце, то я, как старший в семье, не имею права тоже держать зла. Пусть Руслан будет мне еще одним сыном, а Хасан другом и братом. Забудем все происшедшее и пусть между нами в будущем лежит только добро.

Хасан склонил голову в знак благодарности. Руслан молчал. Он только сейчас начал понимать, какому унижению подвергся его отец из-за его поступка. И когда Батрадз протянул ему руку, он с радостью ее схватил. Батрадз обнял его.

– Расти мужчиной, Руслан, и никогда не слушай недобрых людей. Живи своим умом.

Все выпили. Батрадз сам наложил лучшие куски мяса на тарелку, разломил лепешку и поставил еду перед Русланом. Руслан начал есть. Ритуал прощения на этом закончился. Застолье продолжалось. Дмитрий произносил тосты за добрососедство, за дружбу, за взаимопомощь. Батрадз и Денис начали говорить с Идрисом, Баширом, Зелимом и Масудом.

– Я знаю, кто мутит воду, – сказал Масуд, – и уже один раз говорил с этими людьми. Скажу откровенно, что есть глупые люди, идущие у них на поводу. Особенно меня беспокоит то, что они имеют влияние на молодежь. Я говорил об этом со стариками, в частности с уважаемым Юсупом. Юсуп недоволен этими людьми, мутящими воду.

– Что они хотят? – спросил Денис.

– У них главная цель отторгнуть от Осетии Пригородный район. Они заявляют, что это ингушская земля и она должна принадлежать ингушам.

– Земля эта наша, – сказал Денис, – будет у вас время, встретимся в городе и покопаемся вместе в архивах, изучим документы, мы грамотные люди. Земля эта раньше принадлежала казакам Второго Сунженского полка.

– Можно об этом поспорить, обсудить, но доводить до конфликта нельзя ни в коем случае, – сказал Масуд.

– Наши старики не раз предлагали встретиться вашим старикам. Но все как-то не получается. Лучше решать все за столом, чем убивать друг друга. – произнес Батрадз, – мы этот Пригородный район не придумали для себя. Когда казаков изгнали из их станиц, когда вас сослали, нас силой переселили в эти бывшие станицы и они стали осетинскими селами. Многие долго тосковали по родным местам и не хотели здесь жить. А сейчас здесь выросло уже третье поколение переселенцев, они считают эти земли своей Родиной. И мы ведь не гоним ингушей с этой земли. Не отнимаем у них дома, землю. Пусть живут с нами, пусть будут добрыми соседями. Живут же вместе ингуши и осетины во многих селах Пригородного района. А границы Осетии, Ингушетии это все условности. У Бога этих границ нет.

– В твоих словах есть правда, – ответил Идрис, – и эта правда многим не нравится. Многие живут понятиями давних времен, когда осетины и ингуши враждовали, а в мире нет ничего постоянного. Лучше пусть вражда уходит. Я считаю, что нам не нужно ссориться. Это ни к чему доброму не приведет.

– Правильно говорит Идрис, – поддержали его ингушские парни. Согласились с этим и Батрадз с Денисом.

– Мы будем говорить с людьми, которые хотят нас поссорить, и будем противостоять им, – заговорил и молчавший Башир, – зачем нам эти ссоры? Они нам не нужны, да и вам тоже. А вы приезжайте к нам. Соберитесь всей молодежью и приезжайте. У вас такие прекрасные девушки. Жены-осетинки всегда ценились у ингушей.

– У вас девушки не хуже. А насчет приезда мы подумаем. Поговорим с нашими. Почему бы и не приехать?

– Нам нужно налаживать и поддерживать хорошие отношения, – сказал Денис, – Ведь мы соседи.

– Ты прав, – ответил Идрис.

Люди не хотели конфликтов, ни молодежь, ни взрослые. Зачем простому человеку брать оружие в руки? Он привык пахать, сеять, работать на заводе. И ему незачем убивать такого же простого человека. Так рассуждали многие, но не все. В отаре всегда паршивая овца найдется. Эти то «паршивые овцы» и мутили воду, натравливая ингушей на осетин. И напряжение между двумя народами медленно, но росло. Впоследствии это напряжение вылилось в жесточайший осетино-ингушский конфликт 1992 года, настоящую войну.

Зима совсем ушла, снег остался только на горах. В конце марта уже припекало. И в конце марта Батрадз, Денис и Василий получили повестки из районного военкомата. Их направили на медицинское освидетельствование. Поехали в район. Медкомиссию они прошли успешно, были признаны годными к службе. Василий все время сокрушался.

– Я не боюсь армии и готов служить. Но что буде с родителями Залины? У нее же отец ничего не сможет сделать по хозяйству. И Залина скоро родит, как она им поможет с малышом на руках?

– Пойдем к военкому, поговорим об этом, – предложил Денис.

Пошли к военкому. Пожилой майор внимательно их выслушал.

– Василия понимаю во всем, а вы зачем пришли?

– Он наш друг.

– Тогда еще больше вас понимаю, молодцы. А Василию постараюсь помочь, думаю, что от службы мы его освободим. Куда же ему бросать жену с ребенком и тестя-инвалида?

Обнадеженные обещанием, парни поехали домой. Зашли к Василию, Залина и Василий жили с родителями. Тетя Клава увидела парней, вышла навстречу.

– Вот Бог и гостей послал, заходите, – она широко открыла дверь.

Накрыла стол, накормила их вкусным борщом с мясом, положила в чашки жаренной картошки.

– Ну как, рассказывайте. Прошли комиссию?

– Прошли, все годные к службе.

– И ты, Вася?

– И я, мама. Но мы ходили к военкому, объясняли ему мое семейное положение. Обещал помочь, освободить от службы.

– Меня особенно Ганиевы беспокоят. Сослан совсем не может по хозяйству ничего сделать. Да и мы с отцом сможем помочь им постольку поскольку. И свое хозяйство требует внимания и здоровье уже не то. Конечно, будем помогать, с голоду никто не умрет. Но будет трудновато без Василия.

– Оставят Васю, я чувствую, – сказала вошедшая Залина. Живот у нее уже немного округлился и выпирал вперед. Но она как была красивой, так и осталась.

Денис и Батрадз по очереди поцеловали ее в щеки.

– Вот сестра у нас какая. А скоро и племянник или племянница будет.

Залина засмуцалась. Села и принялась за вязание.

– Что вяжешь, Залина?

– Носки Васеньке, у него носки теплые порвались.

– И где нам таких заботливых жен взять, Денис? – засмеялся Батрадз.

– Где-нибудь отыщем!

Пообедав, ребята поблагодарили тетку Клаву и пошли домой.

Дома Дениса огорошил отец.

– Хетагуровым похоронка с Афганистана пришла. Погиб их сынок Каспол. А какой парень был! И кому эта дурацкая война нужна? Что мы забыли в этом Афганистане? Ох-хо-хо!

Денис кинулся к Батрадзу. Тот был уже в курсе дела. Каспол был года на два-три старше их, они дружили с ним. В армии забросила его судьба в Афганистан. Там и погиб. Парни и их родители пошли к дому Хетагуровых. Возле дома толпился народ, женщины плакали. Стоял с понурой седой головой знакомый ребятам военком.

– О-о-о сынок! Далек ты ушел, теперь не дойдешь домой, что нам с твоим отцом делать? Куда голову преклонить, кто нас согреет? Твой брат совсем еще мальчишка! – причитала мать Каспола Аминат, царапая себе лицо. Отец Каспола, Леон, понуро стоял возле военкома, по его бороде с проседью текли слезы.

– Прости меня, Леон, но не я выбирал ему для службы этот Афганистан. Прости меня, если можешь.

– Наши отцы гибли в отечественную, но они знали, за что гибнут. А за что отдал жизнь Каспол? Кто мне объяснит?

– Не могу тебе ничего объяснить... Мне сказали, что его привезут. Когда, я пока не знаю, но я тебе сообщу. Хоть похороним его дома, по человечески.

Парни тоже были опечалены, они хорошо знали Каспола. Росли вместе, яблоки у соседней воровали, все детские проказы были совместными. Потом Каспол как-то сразу повзрослел и ушел в армию. Недобрая была его дорога туда. Парни пошли домой и выпили араки за светлую память Каспола. Через два дня пришло еще одно такое же известие, в этот раз семье Кияшко. Также приехал военком и сообщил, что их сын Мирослав погиб в Афганистане. Снова собрался народ, сочувствовали, утешали. Мать Мирослава лежала без памяти, отец ходил кругами и не мог ничего сообразить. Военком и им сказал, что сына скоро доставят домой. Денис и Батрадз хорошо знали и Мирослава, хотя не так близко дружили с ним, как с Касполом. Вспомнили, как он в летнее половодье бросился в бурную реку и вытащил уже тонувшую Риту Дзгоеву. И вот его нет. Через несколько дней привезли в село два запаянных цинковых гроба. По селу стоял стон, женщины рвали на себе волос, царапали лица. Мать Мирослава встала, ходила бледная, какая-то не в себе. Друзья и соседи организовали обеим семьям похороны. Похоронили их на кладбище рядом. Это были первые жертвы непонятной войны старинной станицы Предгорной, ныне осетинского села Предгорного, первые военные смерти в тихое мирное время.

* * *

Циала получила письмо от мамы и от Дениса одновременно. Узнала о потерях села, крепко погоревала, она хорошо знала обоих погибших. Пришедшая вечером из города Таня застала ее опухшую от слез, какую-то постаревшую. Таня ахнула.

– Циала, что с тобой? Что случилось, милая?

Циала молчала, уставившись в стену невидящим взглядом.

– Циала, объясни, пожалуйста.

– Возьми письма, прочти сама.

Таня прочла и тоже заплакала. Посидела немного и достала бутылку с виноградным самогонном – дымкой. Налила по небольшому стакану, открыла банку с маринованными огурцами.

– За помин душ их, – сказала она, – у меня двоюродный брат Володя тоже там погиб.

Они с Циалой выпили. Потом сидели, тихо говорили, горевали, снова плакали. И легли спать.

Утром Циала пошла к декану и попросила освободить ее от занятий на этот день. Объяснила причину. Декан, пожилой мужчина, сразу понял ее.

– Идите, Циала, я вас понимаю. Понимаю, как никто. У меня самого сын лежит сейчас в госпитале в Москве, тоже был в Афганистане. Что мы там забыли? Ничего не понимаю...

И он отвернулся, чтобы скрыть повлажневшие глаза. Циала вышла из института и направилась к троллейбусной остановке. Села на троллейбус, доехала до Центрального рынка, где был большой православный собор. Накрыла голову черным шарфом, зашла в церковь, помолвилась со слезами и поставила две свечи за упокой душ Мирослава и Каспола. Долго стояла у этих свечей, вспоминая обоих ребят, как они учились вместе в школе, как играли в детские игры, как росли. «А ведь они совсем не жили, – подумала она, – детство, школа, армия и смерть. Кто дал право распоряжаться так жизнями людей нашим правителям? Жизнь человек вправе отдать лишь тогда, когда напали на его Родину и он защищает ее». Эти смерти произвели на нее сильнейшее впечатление, она стала видеть жизнь как бы под другим углом. Так же шумели зимние деревья, так же шел снег, спешили куда-то люди по своим делам, кто-то смеялся, кто-то печалился, а Мирослава и Каспола больше нет и никогда не будет среди людей. . .

Циала на другой день пошла на занятия. Слушала лекции, горе ее понемногу улеглось. Она стала улыбаться, но улыбка была у нее какая-то вымученная. Но постепенно прошло и это, она стала прежней Циалой. Но где-то в глубине ее души эти смерти ее односельчан все-таки оставили черную метку. И нет-нет, да и вылезет эта метка наружу и заставит Циалу посмотреть на жизнь по-другому.

Циала много думала о своих отношениях с Денисом. Что он думает о ней, как он в душе относится к ней? Она воспринимала чувства к Денису как самые серьезные и хотела бы сохранить их такими же навсегда, хотела также, чтобы и Денис относился к ней так же, как она к нему. Письма она писала Денису почти каждый день, а вот ответные письма от Дениса стали приходиться редко, не чаще одного раза в неделю. Она писала ему о своих переживаниях, о своих мечтах, об учебе. Он же больше писал о событиях в селе, но всегда намекал, что скучает без нее. Как-то намекал без четких слов об этом, между строк. Но Циала очень радовалась и этим намекам. В сердце ее горел теплый, добрый огонек к Денису. Денис написал, что случилось с Батрадзом в горах и о приезде родственников мальчишки, стрелявшего в Батрадза. «Слава Богу, что этот подросток не стал убийцей. Слава Богу, что и ингуши понимают и не хотят конфликта. Осетины никогда эти конфликты не начинали первыми. Но почему никто не преследует людей, сеющих зерна раздора между нами и ингушами? Разве мало было крови в прежние времена? Хватит, не нужно больше этого». Циала не питала никаких недобрых чувств к ингушам.

Учеба захватила Циалу. Ей были интересны изучаемые предметы. Но кроме учебы была еще и молодежная студенческая жизнь. Устраивали вечера отдыха и танцы в институте, ходили в многочисленные Дома культуры, где проводились всякие культурные мероприятия, заканчивавшиеся, как правило, танцами. Побывала Циала несколько раз и в театре имени Горького на Театральной площади. Ходила на спектакли ростовских артистических трупп и приезжих. Однажды пошла на балет. Это было «Лебединое озеро» Чайковского. Циала с восхищением погрузилась в представление, оно ее волновало, она бурно переживала за героев балетного спектакля. В театре познакомилась с молодым человеком лет под тридцать. Он сам подошел первым к ней в фойе.

– Простите, у вас такое оригинальное лицо, что я просто не смог пройти мимо вас. Вы откуда?

– Спасибо за комплимент. Я приехала из Осетии, студентка, учусь здесь, в Ростове.

– А я коренной ростовчанин, здесь жили мои предки с давних времен, родители и здесь родился я. Вам понравился балет?

– Да, очень. Это местная труппа?

– Да, это наши. Я всегда хожу на «Лебединое озеро», когда его показывают здесь.

Долго говорили о балете, затем Юрий, так звали нового знакомого Циалы, пригласил ее в буфет.

– Спиртное пьете? У меня бармен знакомый, я всегда беру у него коньяк.

– Я пью иногда спиртное, наши осетинские обычаи не запрещают его, но сейчас я пить не буду.

– А что так? Немного можно.

– Нет, я не хочу.

– Мороженное, кофе?

– Я сама возьму что-нибудь. Вы берите себе то, что считаете нужным.

Циала заказала себе чай, так как кофе не пила вообще. Взяла чай и села за столик. Юрий, видимо, выпил коньяку у стойки, лицо его слегка покраснело, он сел к Циале за стол с чашкой кофе. И сразу начал сыпать комплиментами. Чувствовалось, пользуется успехом у девушек, уверен в себе и не часто встречает отказы.

– Вы такая красавица, так мне нравится. Я бы хотел, чтобы наше случайное знакомство продолжилось. Очень хотел бы...

И он улыбнулся, показывая белые крепкие зубы.

– А для чего вам знакомство со мной?

– Ну... для чего девушки и парни знакомятся?

– Простите, но вы опоздали. Мое сердце давно занято. Так что наше знакомство не даст вам ничего.

– И кто же этот счастливчик?

– Это мой земляк и одноклассник.

– Вы ровесники?

– Да.

– Я не верю в серьезные отношения между ровесниками. Женщины взрослеют раньше намного и через пять – шесть лет вам будет с ним неинтересно, он будет казаться вам мальчишкой. Женщина минимум должна быть лет на пять моложе мужчины.

– Я не могу с вами согласиться. Я знаю в нашем селении семьи, где женщина даже немного старше мужчины.

– Не завидую я этим мужьям.

Юрий принял рассказы Циалы за игру, которую часто ведут девушки. И тут же начал предлагать проводить ее до общежития, не сомневаясь, что ему она не откажет.

– Если вам интересно, то вы можете меня проводить, но ничего дальше у нас не будет.

«Никто ее сердца не занимал, это все блеф – подумал Юрий – и куда она не денется».

Циала встала и за ней встал Юрий, они пошли к выходу. На улице шел мокрый снег с дождем. Шли, разговаривая ни о чем. Юрий предложил взять такси, но Циала сказала, что поедет на троллейбусе. Сели в троллейбус. Доехав до институтского общежития, сошли. Юрий сразу обнял Циалу за талию. Она резко отстранилась от него.

– Не нужно делать этого, мы с вами малознакомые и чужие люди.

– Я ничего не сделал плохого, я просто хотел вас поддержать.

– Не нужно меня поддерживать, я крепко стою на ногах.

– Хорошо. Не нужно, так не нужно.

Дошли до входа. И Юрий снова сделал попытку сблизиться с девушкой. Он снова обнял ее и притянул к себе, пытаясь поцеловать. Циала снова резко отстранилась. Если бы не воспитанное с детства уважение к старшему мужчине, он бы влепила ему пощечину. Но осетинка никогда не ударит мужчину.

– Вы просто нахал. И прощения за свои слова я просить у вас не буду. Уходите сейчас же. У нас в общежитии живут мои земляки-осетины. Если будете приставать, то позову их.

Встреча с горцами не входила в расчеты Юрия. Он остановился. «Дура или притворяется?» – подумал он. Циала не была душой и не притворялась. Просто столкнулись два мира, две культуры. Культура, где даже с малознакомой женщиной можно иметь все, без всяких чувств к ней, и культура, где отношения между мужчиной и женщиной хранятся в строгости,

а чувства развиваются медленно, но ярко и всю жизнь не угасают. Циала резко повернулась и пошла в общежитие. Юрий пошел на стоянку троллейбуса в недоумении. Дома Циала рассказала обо всем Тане. Таня с пониманием отнеслась к ее поступку.

– Правильно сделала, что отшила. Ты думаешь ты ему нужна? Как пятое колесо телеге. Таких любителей легкой поживы в больших городах хоть отбавляй. Проводить, поцеловаться, пообжиматься, а там глядишь и что-либо серьезней получится. А завтра он забудет даже как ты выглядишь, встретив, даже не поздоровается.

– И что, находятся такие девушки, которые идут на это?

– Да, находятся. А из-за них потом парни ко всем девушкам относятся с пренебрежением.

– Вот даже как... находятся... Но это же выходит вон из рамок нормального поведения. А как... как же они потом замуж выходят? Как мужьям в глаза смотрят?

– Мир у каждого из людей разный. Что для одного неприемлемо, для другого в порядке вещей. Люди не все одинаковы, девушки тоже. И многим парням все равно, сохранила ли девушка честь или нет. Но... много разводов потом из-за упреков и ревности мужей. Храни себя в чистоте. От этого тебя только уважать будут.

– Я по-другому и не могу. Меня с малых лет этому учили.

– Вот и прекрасно! Я тоже по-другому не могу. И меня мама тоже воспитывала в строгости.

Девушки скромно поужинали, попили чаю и улеглись в свои постели. Читали, перебрались словами. Заснули после одиннадцати вечера.

Утром Циала встала и села писать реферат. Она, собственно, его написала еще вчера, нужно было подправить и переписать начисто. Этим она и занялась. Проснувшаяся Таня с удивлением увидела ее за работой.

– Во сколько ты встала?

– В половине шестого.

– А что это ты так рано?

– Реферат нужно переписать начисто, вот и переписываю.

– Понятно. Ну, ты молодец. А я иногда люблю поспать.

После восьми утра девушки пошли в институт. Идти было совсем рядом, нужно только перебежать двор. Вышли на улицу. Легкий мороз заморозил вчерашние лужицы, в воздухе пахло чем-то хорошим – пахло весной. Зашли в аудиторию, сели на свои места. Вошел преподаватель, попросил сдать на проверку рефераты. Все сдали, Циала тоже. Преподаватель начал читать лекцию. Занятия начались.

* * *

В стране глухо назревало недовольство существующим положением. СССР была странная страна, неоднозначная. При довольно неплохой зарплате купить в магазинах было почти нечего. Приличную вещь доставали через знакомых или же покупали втридорога на барахолке. Продуктами в достатке были обеспечены только Москва и Ленинград, в остальных городах продуктов не хватало. Мясо, колбасу, сосиски появлялись не каждый день и нужно было иногда выстоять два-три часа в очереди, чтобы их приобрести. Или же покупать втридорога у частников на базаре. Фрукты и овощи в магазинах продавались только по сезону, если они появлялись в магазинах зимой, то тоже порождали длинные очереди. Наряду с этими недостатками была хорошая бесплатная медицина, бесплатные или частично оплачиваемые профсоюзные путевки в санатории и дома отдыха, бесплатное прекрасное образование, сильная наука, дававшая высокие технологии, опережавшие свое время, была космическая индустрия, была сильная армия, делавшие сильным государство. Народ в последнее время существования СССР жил сравнительно неплохо, пенсия обеспечивала нормальное существование старикам.

Престарелые лидеры страны делали одну ошибку за другой. Одной из таких глупейших ошибок была «интернациональная помощь Афганистану», фактически развязанная война. Войну в Афганистане развязали без изучения уровня развития людей в этой стране, их менталитета, социального устройства. Решили внедрить социализм в общество с племенным устройством и клановыми понятиями. Афганцы восприняли советское вторжение как агрессию. Многие племена создавали вооруженные группировки, активно, зачастую не без успеха, сопротивлявшиеся советским войскам и даже наносившие отдельные поражения им. Гибли, не понимая за что, советские солдаты. Приходило неизмеримое горе к родителям, люди были очень недовольны этой войной. Все чувствовали, что нужны перемены во всем. Но лидеры КПСС не спешили что-либо предпринимать, а если вернее, то они не знали что нужно сделать и не умели что либо сделать. Заикленные на коммунистических догмах, запущенных в жизнь еще в 19-м веке еврейским Бундом, а затем взятым на вооружение партией большевиков, не понимающих сути жизни и экономики, они просто двигались по течению – куда вынесет. Но задачи, порожденные жизнью страны, вынести никуда не могло. Нужно было решать все быстро и четко, иначе страна могла просто войти в коллапс. Умер Брежнев, под конец жизни находившийся в состоянии старческого маразма, ему на смену пришел лидер КГБ Андропов. Ничего не успев и не сумев сделать, кроме попытки установления контроля за рабочим днем граждан, тоже умер. Пришел Черненко. Больной, не могущий тянуть ношу руководителя страны, он тоже был у руля недолго, так как умер. Страна не понимала происходящего. К чему нужно было ставить у руля больных и старых, не способных ни к чему, членов политбюро компартии? Неужели не было активных молодых деятелей, которые бы вывели страну из тупика. В 1985 году генеральным секретарем компартии стал Михаил Горбачев, самый молодой член политбюро. Воспитанный на коммунистических принципах, он тем не менее сумел немного понять ситуацию в стране. Страна валилась на бок уже с большой скоростью. Износ и моральная старость оборудования, истощение и рост себестоимости сырья, до предела плохая организация труда, рост военных расходов, низкая рождаемость заставляли срочно предпринимать меры. Но по причине ограниченности и непонимания до конца ситуации, Горбачев не сделал ничего. Он только объявил перестройку, приравняв ее к революции, толком не объяснив, в чем эта перестройка заключалась. Война в Афганистане продолжалась. Все также шли огромные деньги на ведение этой войны, все также гибли солдаты.

* * *

В ингушском селении Тимурюрт на площади возле сельсовета собрались люди. Мужчины стояли кучками, что-то обсуждая, женщины стояли особняком. По всей видимости людей волновал непростой вопрос, потому что многие были возбуждены. Высокий ингуш, размахивая руками, что-то говорил двоим своим односельчанам, возбужденно и резко. У горцев проявлять свои чувства считалось неприличным, поэтому возбуждение людей показывало, что вопрос обсуждается непростой. Люди кого-то ждали. Наконец на крыльцо сельсовета, возвышающееся над толпой людей, вышли пятеро. Это были всеми уважаемые старики. Старик у горцев очень уважаемый человек, в спорах его слово всегда решающее. Люди, увидев стариков, притихли и замолчали. Старики о чем-то тихо поговорили между собой. Потом один из них, человек лет семидесяти пяти, выдвинулся вперед. Оглядел толпу.

– Салам Алейкум, односельчане. Что вас привело сюда? Почему вы так взволнованы?

Люди молчали. Потом вышел вперед тот самый длинный ингуш.

– Юсуп, – сказал он, – и вы, почтеннейшие старики, мы собрались сюда, чтобы обсудить наболевшее. Нас волнует положение наших земель. До каких пор земли, принадлежавшие нашим предкам, будут входить в Осетию? Почему никто не решает этот вопрос? Почему наши депутаты молчат об этом?

– Хызыр, о каких землях ты говоришь? – спросил Юсуп.

– О землях Пригородного района Осетии.

– Это очень сложный вопрос. И осетины не виноваты, что живут на этих землях. Их сюда заселили при Сталине силой, когда мы были в Казахстане. А сейчас у них на этих землях выросло три поколения и эти люди считают эти земли своей Родиной. На эти земли претендуют и сунженские казаки. Сейчас они, после расказачивания, рассеяны, но кто знает, что будет завтра? А казаки имеют право на эти земли, они на них прожили не одну сотню лет.

– Какое они имеют право? Они захватили эти земли, изгнав наших предков. Были разрушены наши аулы Аки Юрт, Архыз, Батакоюрт и многие другие. На местах этих аулов возникли казачьи станицы.

– Хызыр, а ты уверен в том, что ты говоришь?

– Уверен. Так рассказывал мне мой дед.

– Нужно говорить всегда, смотря правде в глаза. А правда это от Аллаха. Я сам изучал документы в архивах города. Из них видно, что наши предки пришли на эти земли позже казаков.

– Не правда! Не может такого быть! Ты говоришь неверно, – закричала толпа.

– Я говорю правду, а не то, что вам бы хотелось услышать, – сказал Юсуп, – и я чист перед Аллахом. Спросите своих дедов, они помнят, что наши предки, живя на этих землях, просто арендовали их и платили казакам за аренду большие деньги.

– Ну и что, что арендовали? Но они здесь жили долго и кости наших предков лежат в этой земле.

– В этой земле лежат кости и предков казаков, осетин, кабардинцев, которым в старые времена принадлежали эти земли. И что же нам делать? Идти войной на всех и этим доказывать, что земли наши? Никто никогда не пришел ни к одному ингушу и не сказал – уходи, ты живешь не на своей земле. Вспомните, как мы возвращались из Казахстана. Осетины и казаки помогали нам. Вспомните, как осетины, казаки, русские, армяне молча и без возражений освободили наши дома, в которые их заселили силой. Многие уехали без копейки денег в кармане, с детьми. Они повторили наш путь. Но нас выслали, а в чем перед Аллахом виноваты эти люди? Нас никто не гонит с этих земель, мы должны понимать, что не осетины и казаки виноваты в создавшемся положении, а виноваты те же люди, которые нас выбросили с нашей Родины в Казахстан, где немалая часть нашего маленького народа погибла.

– И все-таки эти земли нужно забрать у осетин. Пусть они живут на них, но земли должны принадлежать Ингушетии, – сказал молодой ингуш в папахе.

На крыльце сельсовета старики стояли, опустив головы. Потом вперед вышел другой старик, еще крепкий, коренастый, в черкеске, при кинжале.

– Как ты, Магомед, собираешься забирать эти земли? – произнес старик, – Ты хоть понимаешь, что ты говоришь? Это же война. Притом война, которую мы заранее уже проиграли. Или ты думаешь, что в Москве на это будут смотреть просто так? А если мы снова окажемся в Казахстане, а то еще хуже – на Колыме? И осетины с казаками не будут просто так смотреть на нас. Они тоже будут защищать свои дома и свои кладбища.

– Нигде мы не окажемся, мы встанем как один. Вместе мы большая сила!

– Я уважаю твою храбрость. Но что мы сделаем против полка, дивизии? Организованной военной силы? Ничего. И снова заплачут матери по своим погибшим сыновьям. Для чего это? У Аллаха нет границ, все это выдумали люди. В старые времена ингуши и осетины жили рядом и даже в одних селениях.

– А сколько мы с ними воевали?

– Воевали, но и имели кунаков среди них и казаков. И даже родственников. Даже осетинские князья, такие как Тугановы, роднились с ингушами.

– И все-таки мы предлагаем силой забрать наши земли.

Выдвинулся вновь вперед Юсуп.

– Мое последнее слово: никакой силы не применять, я не даю согласия на это. Пролить кровь это не так просто. Аллах не простит тому, кто это сделает. Лучше дружить по-соседски, чем стрелять друг в друга.

– Правильно, нам не нужно кровопролитие! Зачем это? – закричали из толпы.

Хызыр и Магомед вышли из толпы и пошли по улице. Они не согласились со стариками. На крыльцо поднялся мулла.

– Односельчане. Не слушайте этих людей. У них разум затмили слова, которые сеют приезжие. Почитайте Аллаха, почитайте соседей, живите в мире. Разве мало нам досталось на протяжении всего трех поколений? Высылка, гибель наших людей в Казахстане, возвращение. Это требовало огромных сил и упорства и мы, старшее поколение, делали все, чтобы наш народ не исчез с лица земли.

– Аллах Акбар, – тихо зашумела толпа народа, – слова уважаемого муллы это слова самого Пророка. Будем придерживаться того, что говорят старики и мулла. Так у нас ведется с древних времен.

Юсуп обратился к толпе:

– Есть слова у женщин и у молодых? Пусть скажут то, что они думают.

Невысокая, немного полная женщина, в платке и черном платье выступила вперед.

– Пусть те, кто хочет крови, понесут кару от Аллаха. У меня недавно погиб сын в Афганистане, еще двое сыновей и дочь подрастают. И что, мне и этих сыновей уложить в землю? Нет, я не хочу такого. Осетины не сделали нам ничего плохого, пусть приезжают к нам в гости, мы с мужем примем их как положено принимать гостей.

– Правильно сказала Маржан, да продлятся твои дни, – зашумела толпа, – нам не нужна кровь. А старикам нужно сказать приезжим, сеющим смуту между людей, чтобы они уезжали. Нам таких гостей не нужно.

Вышел вперед Хасан Хамхоев, уважаемый человек в селе, тот, кто с молодыми парнями был в гостях у осетин в Предгорном.

– Односельчане, я очень прошу вас – будьте бдительны, не допускайте розни, а тем более крови. Я попал в такое положение, из которого выбрался с трудом и с большим стыдом. Мой сын Руслан ходил на встречи с приезжими, о которых здесь говорили. И они научили его такому, о чем даже наши старики плохо помнят. Они говорили ему, что чтобы стать юноше мужчиной, нужно убить осетина. Руслан взял оружие, ушел за перевал и стрелял в молодого осетинского парня, слава Аллаху, он промахнулся. Осетинский парень подстерег Руслана на тропе, но не убил его, а привел его домой и отдал мне. Рассказал все. И я ездил в Предгорное с Русланом и молодыми нашими парнями, чтобы просить прощение за Руслана и за себя.

– О-о-ох! – прокатилось по толпе. – Где же это такое эти люди нашли? Этот дурной обычай ушел из жизни давным-давно. Чем все это кончилось?

– Осетины нас приняли как дорогих гостей. Батрадз, в которого стреляли, и его отец Ахсар не только простили нас, но и назвали нас друзьями и родственниками. А что было бы, если бы Руслан не промахнулся?

– Нет места среди нас людям, которые учат нашу молодежь такому, это не гости, это враги. Пусть уезжают из нашего села. Или мы сами покажем им их дорогу, – зашумели мужчины и женщины. Юсуп поднял руку.

– Я сразу же, после этого собрания, пойду к Хызыру, эти люди живут у него, и скажу ему о том, что решил народ.

– Правильно, Юсуп. Это не нарушение закона гостеприимства, этот поступок правильный и нужный.

Вышел вперед Идрис.

– Уважаемые старики, уважаемые односельчане. Мы были в гостях у осетин в Предгорном и они принимали нас так, как принимают дорогих гостей. Я с Масудом и Баширом пригласили в гости осетинскую семью, но еще мы пригласили осетинскую молодежь к нам, в Тимурют.

– Хорошо сделали, пусть приезжают, мы тоже умеем гостей встречать. А молодежь пусть вон в клубе соберется, там места много, хватит и посидеть за столом, и потанцевать. Осетинские танцы ведь так похожи на наши! – сказал один из стариков.

Толпа зашумела, у молодежи лица стали радостно возбужденными.

– Примем, конечно, гостей.

– Пусть приезжают.

– Пусть мы с друзьями порадуемся, а враги наши упадут в пыль лицом.

Юсуп еще раз поднял руку. Люди притихли.

– Давно мы, старики, собирались встретиться с осетинскими стариками. Нужно пригласить их к нам, пусть приезжают вместе с гостями. Ты, Идрис, поедешь и пригласишь их. С тобой поедет один из нас, поеду я. Пора нам встретиться и обсудить все, что наболело. И завести хорошую дружбу с Предгорным. Мы соседи, наши поля и пашни примыкают друг к другу, мы должны жить в мире, как и положено добрым соседям.

На этом и порешили. Народ начал расходиться. Все были в основном довольны решением стариков, но были и недовольные. Хотя их было совсем мало, но они были.

Осетины приехали перед началом посевной. Было уже тепло, но еще земля не просохла. Этим и решили воспользоваться обе стороны. Была суббота, около обеда приехали два совхозных автобуса с гостями из Предгорного, четыре легковых машины – «Москвич 412» и «Жигули». В автобусах была в основном молодежь, в машинах приехала семья Калоевых и старики. Возле клуба их уже ждали ингуши, ожидавших было много. Калоевых сразу забрали домой Хамхоевы, стариков забрал к себе домой Юсуп, остальные вошли в зал клуба. В зале стояли накрытые столы, на которых уже лежали всевозможные яства, мясо молодых бычков доваривалось в котлах. Блюда ингушей несколько отличаются от осетинских. Девушки приготовили много чапилгаш, это такие нежные лепешки с начинкой, кукурузных галушек с мясом, баарш – рубец с начинкой из печени, мяса баранины и риса, хингалаш – пирожки с тыквой. Спиртного не было, но осетины знали, что ингуши предложат спиртное потом. Открыто предлагать спиртное, а тем более ставить его на столы, ингушская молодежь опасалась, боясь стариков. Гостей рассадили. Батрадз, Денис, Василий сели рядом с уже знакомыми Идрисом, Баширом и Асламом. Василий, увидев Аслама, махнул ему рукой.

– Аслам, здравствуй!

– О, Вася, здравствуй. Рад видеть тебя нашим гостем.

– Вы откуда знаете друг друга?

– А вместе, рядом пахали осенью, – ответил Василий, – у меня трактор сломался. Аслам помог мне его отремонтировать.

– Так вы старые знакомые, – сказал Батрадз, – замечательно!

Василий приехал один, Залине были уже трудны дальние поездки. И она сама настояла, чтобы Вася съездил в гости в Темурют.

Во главе стола сидел один из ингушей, лет около тридцати. Он поднялся, все притихли.

– Дорогие соседи, мы очень и очень рады видеть вас. Возле каждого из вас под столом стоит арака. Налейте каждый себе, мы не можем вам это сделать, так как уважаем очень наших стариков.

Все засмеялись, достали бутылки с аракой и наполнили стаканы. В это время вошел один из стариков. Он посмотрел на столы, на наполненные стаканы.

– Не нужно прятаться. Мы принимаем гостей и должны соблюдать не только свои обычаи, но уважать и обычаи гостей. Если у наших гостей принято за столом немного выпить, то мы должны сделать это вместе с ними.

Он взял наполненный стакан.

– Пусть ваше пребывание у нас будет приятным и хорошим. Мы очень рады видеть вас здесь. Я предлагаю всем ингушам выпить за наших гостей, а гостям желаю самого приятного времени у нас.

Он выпил стакан до дна, и все выпили, хозяева и гости. Старик приложил руку к сердцу и пошел к выходу. Молодежь, гости и хозяева, встали, провожая старшего, это был общекавказский обычай. Осетинские девушки выпили немного, ингушские девушки совсем не пили, они не привыкли к этому.

Застолье проходило сперва в тихих беседах, затем стало громче. Люди знакомились, задавали друг другу вопросы, рассказывали о себе, слушали с вниманием других. Все было почти одинаково у ингушей и у осетин. Не было никакого накала в общении, все чувствовали себя спокойно и расковано. Соблюдались вежливость и уважение друг к другу, не было даже намека на какую-то враждебность. Парни бросали взгляды на девушек, девушки опускали взгляды вниз, некоторые краснели. Это было время, когда еще скромность женщин имела большую силу как у осетин, так и у ингушей.

– А как у вас сватают девушек? – спросила молодая ингушка Айшат осетинку Зарему.

– Наверное, как у всех. Сперва договариваются родители, потом уже и все остальное.

– Но сперва договариваются парень и девушка?

– Конечно. Сейчас никто силой замуж не выдает.

– А если родители невесты не согласны.

– Тогда поступают так же, как и у вас: девушку парень ворует. Через три дня родители дадут согласие, куда же им деваться?

– Ну да, у нас тоже так. Но если догонят, то и убить могут жениха.

– У нас это отошло в прошлое, убивать не станут. У меня есть подруга, Залина, так она вообще вышла замуж удивительным способом. Вон ее муж с вашим парнем о чем-то разговаривают, Василий, наш местный казак.

– А каким способом она вышла? Может пригодиться когда? – хихикнули ингушские девушки вокруг.

Зарема немного замялась, потом что-то зашептала Айшат на ухо. У той полезли глаза на лоб и она громко ахнула. Затем по-ингушки тихо рассказала другим девушкам. Одна из них негромко прыснула и долго хохотала потихоньку, одна что-то долго соображала, потом тоже захохотала, засмеялись и остальные девушки.

– Вот это да! Храбрая девушка! Не побоялась ничего, – смеялись все, – и почему вы ее не привезли сюда?

– Ей уже трудно ездить далеко, она уже на восьмом месяце. А вы приезжайте на крестины, как малыш родится.

– Я приеду обязательно, – сказала Айшат, – хочется посмотреть не только малыша, но и его храбрую маму.

– У них особенная – любовь, – сказала Зарема – у них любовь с детского сада.

– Как с детского сада? Ну-ка рассказывай! – засуетились девушки – Нам это очень интересно.

Зарема подробно рассказала об отношениях Залины и Василия, об их семьях, о помощи, которую Василий оказывал всегда семье Залины.

– Вот это да! – воскликнули ингушки, – Бывает же такое!

– Бывает. – сказала Зарема, – но редко и не у всех.

– Где бы мне такого Василия найти? – сказала ингушка Губани, – За такую любовь все можно отдать.

– А ты вон Василия укради, – посоветовала ей Дана, красивая большеглазая девушка. Девушки засмеялись.

– Залина не отдаст, а Василий сбежит, он без нее не может, как и она без него, – засмеялась шутке Зарема.

– Над чем вы тут так хохочете? – подошел парень-ингуш Азамат.

– Наше дело, девичьи секреты, – быстро отшили его девушки.

У парней разговоры были серьезней. Они говорили о машинах, тракторах, о работе. Но и о девушках тоже. И тоже затронули вопрос сватовства.

– Вы вон Василия спросите, как он свою жену высватал, – сказал Батрадз.

– Вася, так ты женат? – удивился Аслам, – А чего не сказал? Куда жену спрятал, почему не привез?

– Она беременная у меня, ей уже тяжело ездить. Как ребенок родится, обязательно на крестины приезжайте.

– А как ты ее сосватал?

– Уметь нужно. Родители ее не хотели отдавать, считали нас еще совсем молодыми. А мы с ней дружим с детского сада.

– Как с детского сада?

– Так получилось... Не знаю как, так Бог дал...

– А как ты ее сосватал, если родители были против?

Василий замялся, глянул на Дениса и Батрадза, немного покраснел.

– Пусть друзья расскажут, – сказал он.

Друзья рассказали. Парни хлопали Василия по плечам, хохотали, сыпали восклицаниями.

– Джигит, Вася, джигит ты! Учитесь, вот как нужно сватать, если родители против. Давайте выпьем за Василия!

Всем налили, Аслам поднялся со стаканом.

– Я всем предлагаю выпить за нашего гостя Василия. Это настоящий джигит! Он сосватал свою жену так, как мало кто умеет.

– А мы знаем как, – засмеялись девушки.

– Откуда вы знаете?

– Это наше дело. И поедem к Василию в гости. Пусть его жена и нас научит, как с детского сада мужа присмотреть и не потерять его.

Все весело смеялись, выпили за Василия. Время уже клонилось к вечеру, когда насытившись за богатыми столами, молодежь начала танцы. Сперва включили магнитофон с записью осетинского танца «Зилга кафт». Осетинские парни вошли в круг. Танец был быстрый, красивый. Танцевавшие показывали свою ловкость и удаль. В центре танцевал Батрадз. Все, и гости, и хозяйева, хлопали в ладоши в такт музыке. Это был чисто мужской танец. Затем послышались звуки «Симда». «Симд» это прекрасный медленный танец, танцуют его парни и девушки. Многие ингуши знают этот танец и любят его. И сейчас в круг вошли гости и хозяйева. Танец длился долго и молодежи было приятно танцевать его. Грация девушек, их плавные движения, просто покоряли. Это было прекрасное зрелище. Многие взрослые и даже старики пришли посмотреть на танцующих. Рядом с Юсупом стоял Андыр, старый, но крепкий осетин, в свое время ездивший на заработки даже в Америку. Они тоже оба хлопали в ладоши в такт музыке.

– Юсуп, посмотри на нашу молодежь, – молвил Андыр, – да ей цены нет. Посмотри, какие девушки, какие ребята. А ведь есть люди, которым неймется, и они хотят стравить нас. Каждый их этих парней дороже золота.

– Андыр, а ты что-то частенько про девушек поминаешь, – пошутил Юсуп, – они тебе все еще нравятся, я вижу!

– Эх, Юсуп, где наша молодость? А что, девушки и должны нравиться, если ты настоящий мужчина. Даже в сто пятьдесят лет.

– Да, ты прав, я тоже иногда ловлю себя на том, что рассматриваю красавицу. А ведь было время, когда и девушки были нами довольны, и мы ими!

Старики расхохотались.

– Пойдем к молодежи за стол, пропустим по стаканчику.

– Грех, Андыр, что будем говорить Аллаху, когда придем к нему?

– Пока мы не собираемся к нему, а на твой вопрос отвечу словами муллы из Газиюрта. Они с моим соседом, сунженским казаком Яковом, были вместе на фронте и как однополчане и друзья часто встречались. Меня тоже не забывали приглашать. Вот Яков как-то спрашивает муллу: «Ахмет, как же ты будешь пить араку, Магомет ведь в Коране написал, что нельзя ее пить правоверным мусульманам?». «Э-э-э, Яков, в Коране написано про вино, а про самогон там ничего не написано».

– Ох-хо-хо-хо, ох-ха-ха! Ну насмешил ты меня, Андыр. А знаешь, и Якова, и муллу Ахмета я ведь знаю. Хорошие люди. Ладно, пойдем за стол.

Юсуп, как хозяин, провел Андыра к столу. Налили араки в стаканы.

– За нашу молодежь, дай им Аллах широкую дорогу, – сказал Юсуп.

Они с Андыром выпили.

Между тем в кругу танцевали уже ингушский танец «Гаант», который танцуют только по большим праздникам. В знак уважения к гостям, и чтобы показать, что их приезд большой праздник, ингуши танцевали этот танец. Потом танцы пошли чередой. Был «Горский танец», который почти все народы Кавказа считают своим, его в Ингушетии считают ингушским танцем. Была лихая и быстрая «Кабардинка» и уж, конечно, не обошлось без «Лезгинки». Старшие ушли, молодежь осталась одна. Начали танцевать вальс, потом пошли темпераментные современные танцы. Веселились от души и долго. Снова садились за столы уставшие, но довольные. Гости ели, хвалили угощение хозяев, хозяйева от души потчевали гостей. Пили совсем немного. Обеими сторонами было приобретено много знакомств. Обещали писать друг другу, приезжать в гости. Уже в десятом часу вечера гости начали собираться домой. Они пылко и глубоко благодарили хозяев, и парни, пожав друг другу руки, пошли к автобусам. Девушки обнимались на прощание, звали в гости ингушек. Батрадз и Ленис прощались с Идрисом и Баширом. Аслама не было, он как прилип к осетинке Зареме с начала танцев, так и сейчас не отходил от нее. Правда, Зарема принимала его ухаживания прохладно.

– Батрадз, мы приедем к вам обязательно. Я тебе позвоню через сельсовет и скажу когда. Мы очень довольны этой встречей, – говорил Башир.

– Знаете, друзья мои, что я хочу. Давайте встретимся в горах, в будке. Мы придем туда с Денисом, Василий может пойдет тоже. И вы приходите. Убьем козла, зажарим шашлык, посидим хорошенько. Там такая вода! Я когда ее пью, не могу напиться, она сладкая.

– Тоже хорошее предложение. И это нужно сделать, – сказал Идрис, – только нужно спешить, скоро сеять.

– Тогда давайте в следующую субботу вечером там и встретимся.

– Так и сделаем. Может и девушек пригласить?

– Пригласить можно, только будь уверен, они не пойдут.

– Не нужно девушек, – сказал Василий, – а то мне Залина голову открутит.

– Ага, боишься! Не нужно было так рано жениться!

– Я не жалею. Без Залины я не могу. Она всю мою жизнь со мной, сколько помню себя.

Попрощались, пожали руки и сели в машины. Долго еще хозяйева махали вслед уехавшим гостям.

Так было, и так должно быть. Никто из них не знал, что не пройдет и десяти лет, и осетины сойдутся с ингушами в смертельной схватке. Многие из них потеряют жизни. Люди, которым нужна была кровь ингушей и осетин, добились своего после развала великой страны. А пока были хорошие времена...

* * *

Осетия небольшая республика, а осетины небольшой народ. Народ этот делится на три основные группы: иронцев, язык которых считается литературным осетинским, южных осетин – кударцев или туалъцев, и дигорцев, язык которых самый древний, восходящий к языкам аланскому и даже скифскому. Осетины небольшой народ, но из среды этого народа вышли многие знаменитые люди, начиная с царских времен и до нашего времени. Коста Хетагуров, прекрасный поэт, царские генералы, капитан атомного ледокола Кучиев, всемирно известный дирижер Гергиев и многие другие. Осетины жили во многих местах Советского Союза, от Дальнего Востока до Бреста, и живут сейчас во многих местах России. Везде, как правило, они пользуются уважением, как честные и порядочные люди. И никогда не забывают своих корней.

Тридцатилетний Георгий Хугаев жил в дальневосточном городе Надежда уже много лет. Приехал он из села Предгорного подзаработать денег, работал матросом на рыболовных траулерах, потом закончил Дальневосточное Высшее Мореходное Училище (ДВИМУ) заочно и стал судоводителем, то есть штурманом. Георгий на своем траулере «Юпитер» находился в рейсе, работал старпомом. Траулер работал у Алеутских островов в Тихом океане. Штормило. В шторм рыбу не ловят, в шторм обычно штормуют, то есть кладут судно навстречу волне и, работая малым ходом, так ждут, пока шторм уйдет. Штормило прилично, было баллов восемь. Утренняя вахта старшего помощника капитана с четырех до восьми утра. Начало светать, Георгий стоял в ходовой рубке и наблюдал наступление нового дня. Впереди, слева по борту, справа по борту – везде кипящая вода. Траулер идет тихим ходом с волны на волну: вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Когда нос траулера врезается в очередную волну, вода прокатывается по баку, ударяется в надстройку и по шпигатам скатывается снова в море. Мириады брызг разлетаются от столкновения судна и моря, разбрасываются в воздухе и затем уносятся штормовым ветром. Георгий смотрел, как набегают волны, как они уходят назад, а все новые и новые набегают из-за горизонта. Нудная вахта без дела, нудное время. В рубке тихо звучала музыка, потом послышалась песня, исполняемая тоскливым голосом. Это радисты из радиорубки стараются.

Синие очи далеких подруг,
Ах вы ночи, матросские ночи,
Только небо да море вокруг.

Да, точно. Только небо да море вокруг. Только очей нет синих, и небо с морем серые, гневные, они как будто сражаются друг с другом.

– Мостик – ЦПУ, – послышался из динамика связи голос вахтенного механика Леонидыча.

– Говори, Леонидыч, – сказал в микрофон Георгий.

– Христофорович, долго мы так танцевать будем?

– Смотрел карту погоды у радистов, зарядило суток на двое.

– А исправить нельзя?

– Только с четвертью самой крепкой, – поддержал Георгий шутку, – на меньшее небесная канцелярия не согласна.

– Четверть, так четверть, можно постараться и раздобыть.

– Это похоже на анекдот.

- Может жертву принесем?
 - Какую?
 - Например дракона в море выбросим. Сразу все утихнет.
- Григорий и рулевой расхохотались.

– Нашего дракона даже море не примет. Будет блевать и еще сильнее распалится. Может и судно утопить.

Драконом на флоте называют боцмана. Боцман на «Юпитере» был шедевром. Работал на судне с самой его постройки, говорил в основном матом, нормальные слова в его лексиконе практически отсутствовали, а главное, и самое интересное, постоянно, с утра до ночи был каждый день выпивши. На судне через месяц после отхода днем с огнем не найдешь спиртного. А он все время подпитой. Где брал и что, никто не знал. Первое время капитан был страшно недоволен им, потом поговорил с другими капитанами, двое из них долго работали с этим боцманом. «Не трогай его, он отличный специалист. Да, всегда подпитой, но никогда я его пьяным не видел. А дело свое знает отлично и судно содержит в идеальном порядке» – сказал один из капитанов капитану «Юпитера». Второй подтвердил это и добавил: «Если будешь его с судна списывать, я его к себе заберу. У меня боцман так себе. Могу поменяться, мой не пьет совсем». И капитан «Юпитера» махнул рукой на поведение боцмана, а потом проникся к нему уважением. Дело свое тот знал действительно отлично. Ни одного ржавого пятна, ни одного скрученного конца на судне не было. Все почищено, все подкрашено, концы разобраны и намотаны на вьюшки или сложены в бухты.

- Тогда давай прачку выбросим, – предложил Леонидыч.
- Чем она тебе насолила?
- А ничем. Но жертва должна же быть. А то будем двое суток болтаться с волны на волну.
- А стирать кто будет? Может ты возьмешься?
- Мне только осталось стиркой заняться.

Так они долго чесали языки от безделья. Наконец механик выключил микрофон. Совсем рассвело и наступил день. Хмурый, угрюмый. Черт бы побрал эту погоду. Но были и довольные такой погодой. Это мастера-технологи и матросы-обработчики рыбы, работавшие на фабрике, перерабатывающей рыбу. Штормит, траулер рыбу не ловит, значит можно выспаться и отдохнуть. Им приходилось в море нелегко. Работали по двенадцать часов в сутки – шесть часов работали, шесть часов отдыхали и так весь длинный рейс – пять-шесть месяцев. Отдыхали и матросы добычи, работавшие на палубе при любой погоде, в жару и холод. Сейчас, в шторм, на палубу выходить было запрещено в целях безопасности. Григорий проверил местонахождение судна и решил, что пора траулер разворачивать в обратную сторону. Подошел к микрофону.

– Всем быть осторожными. На палубу не выходить. Все движущиеся предметы закрепить. Судно делает разворот.

Развернуть судно задача нелегкая и немного рискованная. Нужно выбрать волну поменьше, чтобы удар по судну, когда оно ляжет лагом к волне, был не такой сильный и крен снизить до минимального. Конечно, современное судно перевернуть трудно, но... если сделать несколько ошибок и постараться, то можно.

– Лево двадцать, – приказал рулевому Георгий, когда судно встало на гребень волны и двинул рычаг ВРШ вперед. Судно увеличило ход и начало ложиться к волне лагом. Когда повернули на девяносто градусов, судно находилось как раз в ложбине между волнами.

– Еще лево тридцать, – кинул рулевому старпом.

Судно начало поворачиваться кормой к волне. Но огромная гора воды уже накрыла траулер. Он дал большой, градусов на двадцать, крен, застонал металлом, как живой и, подставляя корму волнам, выпрямился. Внизу, в районе камбуза, раздался металлический звон чего-то упавшего. Георгий открыл дверь рубки и снизу услышал голос боцмана.

– Туды ж твою на кочерге, малайскую обезьяну. Это ж надо, эта макака даже кастрюлю с кашей не закрепила. Был бы я капитаном, я б приказал на баке высечь твою слоновью задницу.

В ответ послышался оправдывающийся голос поварахи.

– Представление началось! – сказал Володя, рулевой, молодой парень, – Такое представление только в Мариинском театре показывать. Люди бы месячную зарплату за билет отдавали.

– Ну ты уж скажешь, – засмеялся Георгий.

– Так писатели изошряются, пишут пьесы, а тут писать ничего не нужно. Показал все как есть и готово. После вахты Гайдаю радиограмму дам, приглашу на судно. Пусть месячишко побудет у нас. Он потом таких комедий наснимает, и все правда, ничего выдумывать не нужно. Так, лишь слегка подправить.

Посмеялись, потом замолчали. До конца вахты оставалось пятьдесят минут. Судно все также взбиралось на вершушки волн, разбивая пенящиеся гребни, вода окатывала палубу, смывая все, что можно было смыть, но теперь с кормы. Море глухо ворчалось, ветер завывал в снастях.

Пришли третий помощник и рулевой его вахты, вахта старпома закончилась. Введя обстановку третьего помощника, старпом сдал вахту. Расписались в вахтенном журнале о сдаче-приемке вахты и Георгий пошел к себе в каюту. Умылся, переделся в спортивный костюм и лег на кровать. Взял книгу, начал читать, но быстро задремал. Потушил лампочку над головой и заснул. Проснулся часов в одиннадцать. Размялся, занялся бумагами. Их хватало, с ними нужно было работать. Шторм все также продолжался. Размеренно качалось судно, грохотали волны за бортом, свистел ветер.

Как и предсказала карта погоды, шторм закончился через двое суток. Захватил он лишь крылом район пребывания судна и ушел на северо-восток к берегам Аляски. Волнение снизилось до трех баллов, можно было начинать ловить рыбу. На вахте Георгия часов в шесть утра прописали электронным эхолотом морские глубины. Эхолот выдал большое скопление рыбы. Решили ставить трал. Георгий взял микрофон и по громкой связи на кормовую палубу приказал:

– Приготовиться к постановке трала.

Сменга ловцов начали готовить трал. На это ушло минут двадцать. Потом мастер добычи сказал на мостик, что трал готов к постановке. Судно развернулось, сбавило ход и с мостика дали команду: «Пошел трал». Трал пошел по слипу в море. Зазвенели кухтыли, стучаясь друг о друга. Георгий внимательно следил по приборам, как развернулся трал, все было нормально. Добавил ход судна до необходимого. Начали тралить. По приборам было видно, как трал охватывает косяк рыбы. Подбирая и отпуская тросы трала, Георгий регулировал захват. Прошли так с полчаса. Григорий сказал мастеру добычи, чтобы начинал выбирать трал. Сперва выбрали крылья трала, затем подошел и всплыл мешок. Григорий определил, что в мешке было не менее двадцати пяти тонн рыбы. Неплохо, будет работа обработчикам! Выбрали трал полностью. Добытки начали высыпать рыбу в карманы, откуда она поступала на транспортеры фабрики.

– Неплохо сегодня, Христофорыч, – сказал рулевой.

– Нормально, сейчас еще раз поставим.

Поставили трал еще раз. И к самому концу вахты Георгий понял, что еще раз трал успешно захватил косяк рыбы. Было у Георгия правило: если поставил трал, то до выборки с мостика он не уходил, даже если вахта кончилась. Вот и сейчас он прикинул, что придется минут на тридцать задержаться. Через минут сорок после постановки начали выборку трала. На этот раз подняли тонн тридцать. Из карманов рыба уже ушла на фабрику, поэтому пойманную рыбу распределили по карманам. Удовлетворенный своей работой, Георгий покинул мостик и пошел отдыхать. Лег и заснул почти сразу. Проснувшись, он почувствовал, что нет привычного гула главного двигателя. Умылся и вышел на ботдек. Судно лежало, слегка покачиваясь, в

дрейфе. На кормовой палубе лежал трал, полный рыбы и карманы тоже были полные. «Заловились, замечательно» – подумал Георгий, – Есть рыба, значит будут и деньги». А деньги нужны, они всем нужны. Родителям нужно немного помочь, да и давнюю мечту, покупку кооперативной квартиры, Георгий очень хотел осуществить. Одному жить надоело, нужна семья. Но вот девушку он пока не присмотрел. В городе, котором он жил сейчас, серьезных отношений не было ни с одной. Иногда случались какие-то связи, но все быстро проходило. «Домой поеду, там постараюсь найти. Осетинки и казачки самые прекрасные девушки на свете. А как готовят, а как к мужу относятся!» – размышлял Григорий, посмеиваясь над собой. Но никогда Георгий не думал о женщинах грязно и пошло. С детства его приучили уважать женщину. На Кавказе у всех народов женщина почитаема и уважаема. Угнетение женщины и превращение ее в безропотное существо в некоторых семьях это большое искажение традиций. Адыги – кабардинцы, бесленеевцы, абазины, адыгейцы, говорят: «Мы на наших мужских собраниях хозяева. Но дома мы молчим и чтим наших жен».

Скоро рейс кончается. Скоро домой. В хорошее время придет судно в родной порт. Это будет май месяц, все уже будет зеленым, будет тепло. А впереди отпуск, отгулы. Месяца на три хватит отдыхать. Георгий решил съездить домой, повидаться с родителями, друзьями детства.

Через двадцать дней судно, закончив рейс, после захода в иностранный порт, взяло курс к родным берегам. Подвели итоги. Рейс был хорошим, все планы были перевыполнены. Значит люди недаром потратили время в море, вдали от семей и берега. Заработали неплохо. Кто-то купит машину, кто-то съездит в отпуск, кто-то обставит квартиру. Ведь человек и работает для того, чтобы добиться своего благосостояния.

Переход судна с района промысла до порта Надежда длился двенадцать суток. Наконец на рассвете, на вахте Георгия, прошли траверз мыса Разворотного и вошли в залив. Встали на внешнем рейде. Через час приехали власти, таможня. Формальности прошли быстро. И судно, подняв якорь, пошло в узкую и тихую бухту к причалу Базы Океанического Рыболовства. Из диспетчерской Базы сказали, чтобы становились к девятому причалу, там уже ждут встречающие. Девятый причал представлял собой пирс, у которого можно было встать двум судам. Подошли портовые буксиры, чтобы помочь траулеру ошвартоваться. Через пятнадцать минут траулер встал у пирса, был остановлен главный двигатель, спущен трап. На пирсе оркестр грянул «Прощание славянки», этим старинным маршем всегда встречали суда из рейса и провожали в рейс. Вдоль левого борта, которым был ошвартован траулер, выстроились военные моряки с оркестром, приглашенные начальством Базы, встречающие махали с причалов цветами, руками. Наступала самое хорошее время в жизни моряков и их семей – встреча. Нет прекрасней и лучше этого времени! По трапу начали подниматься жены моряков с детьми, друзья. Поднявшись на борт, обнимали и целовали своих мужей жены, отцы удивлялись, как подросли за эти месяцы их дети. Восклицания, приветствия, объятия, поцелуи. По традиции все расходились по каютам, моряки оделяли родственников заморскими подарками, купленными в иностранных портах. Потом взяв вещи, начали расходиться по домам. Дома их ждал домашний уют и накрытые столы.

Основной экипаж начал сдавать судно подменному экипажу. За часа полтора управились, подписали все бумаги. Основной экипаж был свободен.

Георгия пришли встречать два его друга, Семен и Максим. Поздравили с приходом, выставили на стол в каюте бутылку дорогого коньяка. Георгий достал их холодильник балык угольной рыбы собственного изготовления, сбегал на камбуз за хлебом. Максим и Семен сели на диван, Георгий сел на стул.

– Ну, с приходом.

Чокнулись и выпили. Закусили хлебом и балыком.

– Вот это рыба! Почти сало, – сказал Семен, он был с Украины.

– Даже лучше сала, – сказал Максим.

– Лучше сала ничего не может быть, – парировал Семен.

– Ну уж ты скажешь.

Георгий засмеялся. Максим был природный дальневосточник, он любил рыбу, особенно корюшку, кальмаров, гребешки, мидии. Мясо и сало тоже любил.

– Как рейс? – спросил Максим.

– Хорошо сходили. Денег немного заработали. Недаром проболтались в море.

– Что ж, это уже радует. А то у меня был рейс не приведи господь. Никогда больше не пойду с этим капитаном, вплоть до увольнения.

– Что, глупец?

– По-русски дурак. У него на уме только исполнения субординаций и формы одежды, а о промысле рыбы совсем не думает.

– Не приведи Бог с таким, – сказал Георгий, – был у меня такой. Нахлебался я с ним. Не рейс был, а ад. А как фамилия твоего капитана?

Максим назвал.

– Так это же он и есть, это же я с ним и был. Про него хорошее никто мне не мог сказать, а я и сам ничего не могу хорошего сказать тоже.

– Такие рейсы унижают человека. В капитаны пролазят все, у кого есть образование и плавательский ценз. А я бы еще рассматривал бы моральные и деловые качества человека. Ведь капитан это царь и бог на судне, он должен видеть в каждом члене экипажа человека, не унижать его, не оскорблять своим поведением, – сказал Максим.

– Полностью с тобой согласен, – согласился Георгий.

Посидели еще немного в каюте. Затем сошли на берег.

– Поехали ко мне, – сказал Максим, – я сказал своей, чтобы она приготовила стол.

Семен и Георгий согласились. Взяли такси у проходной и поехали к Максиму.

Георгию не удалось пойти в отпуск. Сдав все отчеты, он настроился лететь домой. Время было подходящим. Но его вызвали в отдел кадров. Зайдя в кабинет руководителя по кадрам группы судов, он увидел в нем представителя судовой службы. Это был один из капитанов, работавший сейчас в судовой службе капитаном-наставником. Георгий работал с ним в море, это был хороший специалист и неплохой человек.

– Садитесь, Хугаев, – сказала инспектор, – мы хотим с вами поговорить.

– Георгий, – сказал капитан-наставник, – выручай. Людей нет, лето, у всех семьи, все рвутся в отпуск. На четырех судах нет капитанов, а суда стоять не будут, ты знаешь. Мы с Ниной Васильевной очень просим тебя сходить в море, хотя бы на один рейс. В этот раз капитаном. Я тебя знаю, в личном деле характеристики на тебя прекрасные, за время работы старпомом почти все характеристики с рекомендациями на капитана. Сдавай аттестацию и через сорок дней, после профремонта, принимай свое же судно. Очень прошу тебя.

– Анатолий Гаврилович, я два года не был в отпуске, не скажу, что сильно устал, но есть. Хотел домой съездить, родители уже обижаются. Отгулов столько накопилось, что не знаю, куда их девать.

– Твой капитан не сможет пойти в рейс, Георгий. У него жена болеет серьезно и трое детишек на руках. Он сам меня просил, чтобы судно принял ты. А родителям твоим оплатим за счет Базы дорогу, пусть прилетают. Если есть на родине девушка, ей тоже оплатим дорогу. Мы не сможем найти замену твоему капитану и тебя заставить не можем, потому что ты два года не был в отпуске. Если ты не согласишься, твой капитан будет вынужден бросить одних большую жену и детей и пойти в море.

Георгий задумался. Впереди сорок дней, дней десять уйдет на аттестацию. Месяц можно отдохнуть, поваляться на пляже, пожить береговой жизнью. Родители не поедут летом сюда, у них все лето напряженная работа: прополка кукурузы, окучивание картошки, сенокос, заготовки на зиму овощей, дров. Девушки нет. Капитана тоже жалко, человек в беде.

– Ну, что думаешь? Может тебе дать на раздумья день-второй? Судно планируется на работу в Новую Зеландию.

– Значит, рейс длиною год?

– Да, но ты же знаешь, что в Новой Зеландии работать легко, заходы в порты каждый месяц, а то и дважды в месяц.

Георгий тряхнул головой.

– Хорошо, я согласен.

Нина Васильевна немного смущенно попросила.

– Георгий Христофорович, у меня к вам просьба. Компенсируйте хотя бы часть отгулов. И вам деньги не лишние и мне спокойней. Не дай бог какая комиссия из Дальрыбы, мне голову снимут за то, что я направила в море человека, имеющего столько отгулов.

– Хорошо, я за один год компенсирую отгулы. Давайте я прямо сейчас напишу заявление, а вы подпишите.

Георгий написал заявление, Нина Васильевна подписала его.

– Несите в бухгалтерию, пусть посчитают деньги.

– Хорошо.

– Георгий, вот тебе аттестационный лист. Я уже проставил тебе зачеты, которые имею право проставить. Твою квалификацию и твой опыт как специалиста знаю, поэтому поставил зачеты не сомневаясь. Тебе останется военный отдел, пожарники, английский и другая мелочь.

Георгий взял аттестационный лист, посмотрел его.

– О-о-о! Спасибо. Остальное я дня за три-четыре сдам.

– Сдашь и придешь в службу. Я выдам тебе аттестационное свидетельство капитана.

– Хорошо.

Георгий попрощался и пошел в город. Жил он в межрейсовом доме отдыха (МДО), там же помещался и кабинет английского языка. Зашел, «англичанка», как ее звали на флоте, была на месте. Через полчаса Георгий вышел от нее с зачетом. Встретил рулевого, Володю, тот тоже жил в МДО.

– Привет, Володя! Как дела?

– Хорошо. Вот домой собрался, на Украину.

– А в море со мной не хочешь пойти? Меня сосватали, капитаном.

– Поздравляю, Георгий Христофорович. С вами готов хоть куда. Какое судно? Куда идет?

– Судно наше, пойдем в Новую Зеландию.

– Когда отход?

– Через сорок дней.

– Христофорович, я слетаю домой на месяц и прилечу. Не берите никого, я с удовольствием пойду с вами. Что с Украины привезти?

– Что хочешь.

– Ладно, самогона и сала привезу, – пошутил Володя.

Посмеялись.

– Я зайду в кадры и скажу, чтобы тебя планировали на наше судно. Ты опытный рулевой, я тебя определю на пионерскую вахту, к третьему помощнику. Ты в Новой Зеландии бывал?

– Да, бывал. Там хорошо, частые заходы, можно год работать без замены.

– Вот и прекрасно. Ты когда летишь?

– Сегодня вечером, через часик поеду на автовокзал, а оттуда на такси в аэропорт.

– Счастливой дороги. Родителям привет.

– Спасибо.

После этого разошлись. Георгий решил завтра с утра идти на сдачу военного дела.

Утром он пришел в отдел военного дела. Капитан второго ранга сидел за столом, из сдающих пока никого не было.

– Садись, Хугаев. Я в курсе дела. Звонил Анатолий Гаврилович, просил сильно тебя не держать. Понимаю тебя и сочувствую. Два года без отпуска и снова в море. И когда у нас людей будет достаточно? На, вот тебе вопросы, готовься, сколько нужно, и отвечай.

Георгий взял вопросы, сел за стол, начал готовиться к ответам. Через полчаса сказал, что готов. Быстро отбарабанил ответы.

– Давай аттестационный лист. С удовольствием ставлю тебе зачет. Молодец. Да, просьба к тебе. Вы наверняка будете в Южных морях, зайдете, думаю, в Суву, на Фиджи. Привези, пожалуйста, большую раковину. Меня дочь замучила. У подружки ее отец привез такую раковину, так она уже скоро год с меня не слазит.

– Хорошо, это не проблема. Этого добра в Южном океане хватает. Привезу.

Попрощался и вышел. Остался пожарник. Пошел в пожарное отделение. Начальником пожарного отделения был однокашник Георгия по училищу. В шторм его придавило сорвавшейся стрелой грузовой мачты, ему отняли ногу выше колена. В море, естественно, медики не выпускали. Увидев Георгия, Александр, так звали начальника, протянул ему руки.

– Кого я вижу! Заходи Георгий. Как дела? Как дома родители? Ты чего ко мне, навещать?

– Все хорошо, Саша, только в моря вот гонят. Как у тебя дела?

– В моря? Да ты же два года отбарабанил.

– Вот и я им это же говорил. Упросили. Пойду в Новую Зеландию.

– Старпомом?

– Нет, в этот раз капитаном. Направили на аттестацию, вот и тебе должен сдать экзамен.

– Капитаном? Пожалуй, ты будешь самый молодой капитан. В тридцать лет и уже капитаном. Поздравляю, Георгий. И от души за тебя рад.

– Спасибо.

– А я все мечтаю медиков обмануть и пойти в море. Кто бы мне такой протез сделал, чтобы я не хромал?

– Трудное дело. Ты не обманывай их, а упроси. Случаи такие на флоте были. А то пошел бы со мной, сейчас люди нужны, лето.

– Сколько раз я пробовал. У них ответ один: в тюрьму из-за тебя не хотим.

И Александр горестно махнул рукой.

– Вот тебе, билеты, выбирай.

Георгий взял билет, вопросы были нетрудные. Ответил на вопросы и вышел с зачетом по пожарному делу. Аттестация, собственно, была закончена. Пошел в судовую службу, отдал аттестационный лист Анатолию Гавриловичу. Тот вытащил из стола заранее заготовленное аттестационное свидетельство капитана.

– Быстро ты управился. Ну, поздравляю тебя. Теперь ты командир судна. Желаю безаварийной работы, желаю всего самого хорошего. И, главное, желаю на следующий год жениться. Отпуск я тебе на следующий год постараюсь дать. Я понимаю ведь, трудно.

Подожли другие капитаны-наставники, подошел начальник службы. Все поздравили Георгия.

– Обмой, но много не пей, сынок, – сказал начальник службы, уже собиравшийся на пенсию.

– Спасибо всем. Огромное спасибо.

Георгий вышел с отдела судовой службы и пошел на автобусную остановку. Перед рейсом у него было время, но нужно было многое приготовить. Вроде бы и в отгулах, но от обязанностей не уйдешь. «Слетать домой дней на десять? – подумал он – Это только родителей расстрою, да и не до приема гостей им сейчас, лето. Хотя видеть они меня будут очень рады. Но на следующий год приеду лучше месяца на три-четыре». Пошел на почту, заказал родителям переговоры. На другой день переговорил с родителями по телефону, объяснил им сложившиеся

еся положение. Отец поздравил его с капитанством, отнесся ко всему с пониманием. Мама расплакалась.

– Что же ты сынок, обещал, а не едешь?

– Мама, так получается. Прости. На следующий год приеду на все лето.

– Приезжай. Мы тебе уже и невесту присмотрели.

Георгий рассмеялся.

– Мама, ну что я буду за мужчина, если не найду себе невесту сам. Я еще и украсть ее могу, – пошутил он.

Говорили долго, родители рассказали новости родного села, рассказали о погибших в Афганистане парнях, о горе их родителей.

– А Василия с Залиной помнишь? Они при тебе еще только в школу ходили. Все село посмеивалось над ними, с детского сада вместе.

– Конечно помню, Василий хороший парень.

– Поженились они. И ждут скоро ребенка. Недобрые языки говорят, что Залина вышла за Василия уже беременная.

– Пусть они на болтовню не обращают внимания. А им от меня поздравления и огромный привет. Обязательно сообщите мне, кто родится. Я с Новой Зеландии подарок новому односельчанину или односельчанке привезу.

– Передадим и сообщим. Ты как-то привозил отцу сапоги-валенки. Порвались они, очень хорошая обувь. Нельзя ли еще найти и послать? А то зима хоть и далеко, но не заметишь, как придет.

– Сегодня же поищу и если найду, то сразу pošлю.

– Целуем тебя, сынок, обнимаем. Помни о нас, о твоей сестре и твоём брате.

– А где они, почему их с вами нет?

– Оба уехали после школы в Москву и Ленинград, это директор совхоза организовал такую поездку для старшеклассников.

– Привет им. Очень хотел бы их хотя бы слышать.

Попрощались. Георгий сразу же поехал в универмаг. Споги-валенки были. Немецкие, крепкие, этикие валенки, аккуратно обшитые кожей. Купил отцу две пары, купил маме отрез на платье, добавил, придя в дом отдыха, шотландский мохеровый плед маме, купленный в американском Анкоридже, отцу теплый свитер, близнецам сестре Аляне и брату Косте по джинсовому костюму и по паре кроссовок. Отнес все на почту и отправил. Вечером взял бутылку хорошего коньяка и пошел к Максиму в гости. Посидели с ним и с женой, выпили немного, обмыли капитанство Георгия, поговорили. Георгий с удовольствием повозился с их детьми, мальчиком и девочкой. Те, чувствуя хорошего человека, тянулись к нему, залазили на плечи, на шею, сыпали вопросами. Разошлись поздно вечером.

На другой день, прогуливаясь вечером по набережной, Георгий встретил боцмана. Крепкий, как отлитый из чугуна, в спортивном костюме, он напоминал борца или штангиста. Рядом с ним была маленького роста женщина, симпатичная, в очках. С виду интеллигентка до мозга костей. Они как бы дополняли друг друга – грубый, крепкий сбитый боцман и хрупкая, нежная женщина.

– Добрый вечер, Христофорович!

– Добрый вечер, Владимир Акимович!

– Гуляете? Я думал вы уже улетели. Вы же домой собирались.

– Нет, Акимыч, не улетел. Не дали холостяку отпуска. Налетели, уболтали, продвинули выше, в капитаны. Пойду на нашем же судне в Новую Зеландию.

– Вы, на нашем судне? Так тогда и я пойду!

– С удовольствием буду работать с тобой. Это можно спать спокойно.

– Все, договорились, зарезервируйте в кадрах меня. Я ушел в отгулы, в отпуск аж до 20 сентября, но с вами в Новую Зеландию с удовольствием пойду. Потом догуляю. Да, знакомьтесь, это моя жена Лина, детей не взяли, пусть дома сидят.

Георгий был поражен изменением в боцмане. Трезвый, не матерится, нормальный лексикон. Лина заметила это.

– Я его, капитан, вот где держу, – и она показала маленький кулачек, – а то я знаю хорошо, каков он на судне.

– Что, и выпить не даете?

– Раз в неделю сто пятьдесят граммов.

Георгий от души расхохотался. У Лины кулачок был чуть больше кончика носа боцмана.

– Может зайдём сюда, в кафе? Вина выпьем. Я приглашаю, – сказал Георгий.

Боцман открыл было рот, но Лина так взглянула на него, что он сразу осекся.

– Хорошо, пойдёмте. Только понемногу и только вина, – сказала она.

Они зашли в кафе, сели за свободный столик. Георгий сделал заказ. Лина отошла на пять минут от мужчин. Боцман тут же вытащил из заднего кармана плоскую бутылку.

– Коньяк. Будете, Христофорович?

– Давай, только быстро.

Боцман налил по полному фужеру, граммов по двести.

– Это мне много, – сказал Георгий.

– Пейте, добавить не удастся, адские вилы ей в бок. В море домой хочется, а придешь – там ад, даже выпить по-человечески нельзя. Но это я так, к словцу. Хорошая она у меня, учительницей работает. И честная, и детей растит, они прямо как игрушки у нас. Спасибо ей.

Пришлось выпить весь фужер. Когда Лина пришла, мужчины сидели, ждали заказ. Она ничего не заподозрила. Официант принес бутылку вина и ужин для троих. Вино было болгарское, крепленное. Разлили по фужерам, выпили.

– Ты может не пойдешь в море? – сказала Лина – Дети растут, отца не видят, мне тоже трудно. Отдохни все положенное время. А там видно будет.

– Нет, схожу. В Новую Зеландию схожу.

– Ты меня совсем не ценишь. Чуть что и в море. А мне какво одной? Да еще трое ребятшек!

– У вас трое? – удивился Георгий, – А вы так замечательно выглядите. Никогда бы не подумал.

– Да, у нас трое. Приходите в гости, познакомитесь. Они вас наизнанку вывернут своими вопросами. Иногда такие вопросы задают, что диву даешься, откуда что и берут.

– Спасибо, – поблагодарил Георгий.

Посидели, поужинали. Допили бутылку вина. Георгий расплатился и все вышли снова на набережную. В небе висела большая луна, освещая причудливым светом узкую бухту и окружающие ее горы. Волны медленно набегали на песок за парпетом набережной. Подростки бегали по песку и что-то ловили в воде руками, громко крича. Было часов девять вечера. Георгий перебросился двумя-тремя фразами с боцманом и его женой и, попрощавшись, пошел в межрейсовый дом отдыха. «Вот и боцман есть, дельный боцман» – подумал он, – с таким боцманом за судно можно быть спокойным».

Потихоньку подбирался экипаж. Встретил в МДО старшего механика Андреича. Он был выпивши и матерился, как сапожник. Оказывается, его завернули назад уже в аэропорту. Догнали его начальник механико-судовой службы и механик-наставник его группы судов. Налегая на те же причины – лето, людей нет, ты холостяк и т. д. – уговорили и его сходить в Новую Зеландию. Стармех или по судовому дед, был хорошим специалистом и организатором. Его машинная команда всегда была на высоте. Георгий, смеясь, хлопнул по плечу Андреича.

– Не унывай. Я точно в таком же положении. Пойду капитаном на нашем судне.

- Ты, капитаном?! И чего тогда я горюю? Пойдем вместе! Выпить хочешь?
- Нет, спасибо Андреич. Не хочу. Может к вечеру.

И они расстались. «Так, и стармех дельный есть, а это немало» – подумал Георгий. Люди, зная его, сами тянулись к Георгию. В нем чувствовали они то, что не очень часто встречается: настоящее мужество настоящего мужчины, человеколюбие, отсутствие чванства, присущее некоторым капитанам и старшим механикам, отношение как к равному к любому члену экипажа, независимо от должности. За это уважало его и начальство. «Что ж, отдохну еще, впереди больше месяца. Подберу потихоньку людей, кого смогу» – подумал он. Впереди были свободные дни, а потом напряженная работа.

* * *

Батрадз и Денис сидели на скамейке у дома Дениса. Было лето, часа три пополудни. В армию их в мае не взяли, и они оба работали в совхозе. До осеннего призыва оставалось еще несколько месяцев. Денис так и работал водителем. Мотался за деталями по ближним и дальним городам, возил удобрения на поля, возил сено с дальних сенокосов. Сейчас наступала жатва, хлеб уже созрел. Работа будет трудной, хлеб нужно убрать быстро, пока стоит погода. Придется работать от темна до темна, на время смотреть никто не будет. Батрадз работал на тракторе, недавно закончил курсы комбайнеров и ждал начала уборочной. Они сидели и обсуждали деревенские новости. Подошел Василий с Ардо, их одноклассником-армянином.

– Вася, когда ты станешь отцом? Мы с Денисом уже месяц не пили араки даже капли, все ждем.

– Со дня на день. Ждем. Я не Бог, рожать приказать не могу, – засмеялся Василий.

– Хорошо, придется ждать.

– Ждите, араки хватит. Вот только уборочная скоро, не до араки будет.

– Да, ты прав. Как Залина себя чувствует?

– Все у Залины хорошо. Шьет все что-то. Распашонки, пеленки. А я купил южнокорейский титан, установил, вода горячая есть, теперь и стирать, и ребенка купать нет трудностей.

– Молодец ты.

– А вы Георгия Хугаева помните? – спросил Ардо.

– Конечно, помним, он где-то на Дальнем Востоке морячит.

– Да, мы же с Хугаевыми рядом живем. Вчера они говорили по телефону с Георгием. Хотел приехать в отпуск, не пустили. Стал капитаном! Куда-то аж в Новую Зеландию пойдет работать.

– Ну, осетины! – воскликнул Батрадз, – Где их только нет и чем только они не занимаются! Надо же, наш односельчанин и стал капитаном. Молодец какой!

– Тебе, Вася, и твоей Залине, от Георгия особый привет. Сказал родителям, чтобы сообщили, кто у вас родится. Говорит, подарок привезет из этой Новой Зеландии.

– Спасибо. Хугаевы все хорошие люди. Сколько я их знаю, кроме добра ничего не видел от них.

– А где эта Новая Зеландия? – спросил Денис, – Помнится, из географии где то в Южном Полушарии.

– Да, она южнее Австралии. Если не ошибаюсь, состоит из двух больших островов, Северного и Южного, – сказал Батрадз.

– Далеко!

– Да, от нас пешком не дойти, – пошутил Василий.

– На самолете можно быстро долететь, часов за двенадцать, – сказал Ардо. Он мечтал стать летчиком гражданской авиации. В прошлом году поступал в авиационный институт, но не получилось. Собирался поступать в этом году снова.

По улице на мотоцикле с коляской быстро ехал Созрыко, пожилой мужчина. Подъехав к парням, остановил мотоцикл.

– Вася, быстро садись. Залину в больницу увезли.

Вася побледнел.

– Что с ней?

– Это тебя нужно спросить, что с ней. Отцом будешь!

Василий стрелой метнулся к мотоциклу и сел сзади.

– Вася, мы сейчас с Батрадзом подъедем, – крикнул Денис.

Мотоцикл рванул с места и скрылся за углом. Денис и Батрадз сели на велосипеды и покатали к больнице. Подъехав к больнице, нашли родильное отделение, оставили велосипеды и зашли в приемную. Вася сидел на стуле.

– Ну, что?

– Пока ничего не знаю.

Вышла женщина в белом халате.

– Вы зачем пришли? К кому?

– Недавно к вам привезли Залину Рукавенко. Мы о ней беспокоимся.

– А, это та молодая мама! У нее уже схватки идут. Ждите.

– А сколько ждать то?

– Я за нее рожать не могу, – засмеялась женщина, – поэтому сколько ждать, сказать тоже не могу. Может час, может два, а может и шесть. А кто из вас будущий папа?

– Я! – сказал Василий и встал, как школьник перед учительницей.

– У такого папы и дети будут прекрасные. Ну, ждите, мне некогда. Как только свершится, я или кто-либо из наших сообщим.

И она пошла по лестнице на второй этаж.

– Спасибо, – сказал вслед ей Василий.

Парни сидели и ждали, молча. Никто из них не курил, поэтому на улицу не выходили. Прошло часа три. Вышла та же женщина.

– Ну, папа, кого бы вы хотели? Мальчика или девочку?

Вася снова вскочил, облизнул пересохшие губы.

– Мне все равно, кто!

– Ну, милый, поздравляю вас с сыном! Здоровенький, крупный, четыре килограмма. И очень похож на вас.

– Ура!!! – вскочили и закричали Батрадз и Денис.

Вася молчал, только опять побледнел.

– Тише, пожалуйста не кричите. Здесь нельзя громко.

– А... как... Залина?

– Мама чувствует себя хорошо, роды прошли без всяких осложнений.

Вася облегченно вздохнул. Вот и свершилось. Теперь он отец. А сын это же так хорошо, какой мужчина не хочет сына? Все трое вышли на улицу. Навстречу им шла быстро тетя Венера, мама Залины, за ней, хромяя на протезе, шел дядя Сослан. Увидев ребят, тетя Венера вопросительно посмотрела на них.

– Поздравляю, тетя Венера, – сказал Денис, – с внуком вас! Говорят, что крупный, четыре килограмма. Джигит родился! И вас поздравляю, дядя Сослан.

Тетя Венера сперва потихоньку, а потом в голос заплакала. Обняла Василия, расцеловала его. Дядя Сослан тоже обнял Василия.

– Чего ты плачешь? – обрушился он на жену, – Радость такая, а она ревет!

– Я же женщина, а не мужчина. Поэтому и плачу. Ведь счастье то какое!

– Да, счастье!

И Сослан отвернулся, вытирая глаза кулаком. Парни сделали вид, что не заметили его слез.

– Дьявол меня наказал, лишив руки и ноги, но Бог все исправил, наградив таким зятем, как Василий и такой дочерью, как Залина. А сейчас еще и увеличил награду, подарив мне внука.

Подъехал на мотоцикле с коляской отец Дениса, Дмитрий. Подошел к стоявшим.

– Вы что, не могли сказать мне? Я бы всех вас привез сюда и отвез домой. Хорошо, что жена слышала, как Созрыко с Васей разговаривал. Что там, кто-то уже родился?

– Внук у нас, мальчик! – сказала Венера.

Дмитрий обнял и поцеловал Венеру, Сослана похлопал по спине.

– Поздравляю вас, от души рад за вас. Вот и еще один односельчанин появился на свет.

Поехали ко мне.

– Нет, поедem к нам, – сказал Василий, – нужно родителям сообщить.

Венера и Сослан сели в мотоцикл, поехали к дому Рукавенко. Услышав звук мотоцикла, вышли из дома Клавдия и Алексей. Сослан с Венерой двинулись им навстречу.

– Ну, Венера, не томи! Что там?

– С внуком тебя, Клава, с внуком. Большой, сказали четыре кило весит. Залина чувствует себя хорошо.

Сваты начали обниматься, слышались восклицания, смех, у женщин, как всегда, не обошлось без счастливых слез. Про Василия забыли. Потом вспомнили.

– Смотри, Венера! А ведь они добились своего. Помнишь, я тебе говорила, что придется породниться? Вот и породнились, да еще как! С детского сада началось, а внуком кончилось. Хвала Всевышнему. Пошли все за стол.

Подъехали Денис и Батрадз на велосипедах. Все прошли во двор, парни вынесли большой стол. Все было наготовлено Клавдией, стол ломился от яств. Налили араки. По обычаю первым должен был сказать тост отец Василия, он был старше всех. Он поднялся, держа в руках стакан с аракой. Но долго молчал. Потом поднял голову с блестящими от радости глазами.

– Человеку даются родственники по рождению, по крови. Но жизнь дает родственников по родству душ. И она нам сделала такой подарок. У нас появилась дочь Залина, а ее родители стали нам с Клавой братом и сестрой. Но Всевышний в своей щедрости неизмерим. И сегодня он подарил нам еще и внука. Внука Сослана. Да, да, я выбираю это имя. Так звали героя нартовских сказаний и так зовут моего брата, отца Залины. В честь него мы и называем мальчика, нашего внука и сына наших детей. Выпьем за то, чтобы он вырос настоящим человеком, остальное все приложится. Выпьем за Залину, родившую нам такого внука, за Василия. Пусть Всевышний даст им долгих лет жизни, достатка и еще детей.

Здесь Сослан не сдержался. Две больших слезы скатились у него по щекам, две слезы великого счастья. Все выпили. Начали есть. Осетинские пироги у Клавдии были замечательными. Их, согласно обычаю, разломил Алексей, так как он был самым старшим за столом. Налили и выпили еще. Много не говорили. Сидели, вспоминали прошлое, обсуждали будущее. Желали молодежи хорошей дороги в жизни. А что такое хорошая дорога в жизни? Это найти себя. Неважно, кем ты будешь, рабочим, крестьянином или директором завода. Важно, чтобы дело, которое ты делаешь, нравилось тебе, и ты делал его с любовью. Тогда и все двери жизни открываются тебе. Человек, нашедший себя в жизни, всегда счастлив.

Через несколько дней Залина, похорошевшая и помолодевшая после родов, похожая на девочку-подростка, выписалась с маленьким Сосланом из роддома. В доме его деда Сослана гуляло чуть ли не половина села. Все радовались появлению новой жизни в селе. Это в обычае у всех народов.

* * *

У Циалы заканчивался первый год учебы. Последний семестр выдался трудным. Кое-что она зимой запустила, приходилось наверстывать упущенное. Но она радовалась: скоро закончится семестр, и она поедет домой. Увидит родителей, увидит друзей, встретится с Денисом. Весна и молодость брали свое. Циала часто просыпалось ночью в каком-то томлении, ее тело пребывало в истоме, требовало ласки. Ей часто снились сны, где она пребывала в объятиях мужчины. Это и пугало ее, и радовало. Она не знала, как от этого избавиться, боялась этого состояния. И самое удивительное, что в своих снах и своих видениях она не видела Дениса. Она чувствовала, как Денис постепенно отдаляется от нее. Не могла понять почему так происходило, но и не пугалась этого. Она была женщиной, а женщины взрослеют раньше мужчин. Не всегда, но в большинстве случаев. Если раньше она связывала все свое будущее с Денисом, то сейчас эти мечты закрывались завесой. Детская первая любовь уходила от Циалы. Уходила тихо, без беспокойств и волнений. Всего этого Циала пока не осмысливала, но душой она все это воспринимала. Она понимала, что детство и юность уходят и она становится взрослее. Она вступает в возраст молодости, в котором уходят детские иллюзии, но приходят осуществимые мечты. Учеба давалась Циале легко. Но занимала все ее время, свободного времени было мало. Многие студенты посмеивались над ней, говорили, что она лишает себя многого, но Циала не могла делать ничего спустя рукава. Поэтому она жертвовала студенческими компаниями и вечеринками в пользу учебы. Ее подруга и соседка по комнате, Таня, была примерно такой же. Строгая к себе и людям, она тоже старалась учиться хорошо, у нее получалось это. С Циалой они во многом были похожи и это объединяло их. Но иногда Циала вырывалась и на танцы, на студенческие вечеринки сама или с Таней. Такие походы расширяли ее кругозор, сталкивали ее с людьми, имеющими совсем другие взгляды на жизнь и даже другую культуру. Циала, будучи по натуре осторожной, анализировала все, то, что ей не нравилось или не подходило, она отсеивала и не принимала. Но опыт она набирала. Она поняла, что люди далеко не все одинаковы, что среда, в которой она выросла, многим непонятна и неприемлема. Раскованность русских и украинских девушек ее шокировала. Многие из них имели парней, а зачастую и не одного, многие познали мужчин и жили с ними, не придавая этому никакого значения. Иногда у них складывались даже семьи, и парни не придавали значения, были ли мужчины раньше у их жен или нет. Целомудрие уходило из русской культуры. Не совсем, но почти ушло. Для Циалы это было неприемлемо, хотя до нее еще в родном селе доходили слухи, что некоторые осетинки в городе поступают так же. Ее этот вопрос занимал и довольно сильно. Ей казалось, что поступи она так, она не найдет в себе силы потом чувствовать себя с мужем полноценной женщиной, ее бы съел стыд. А замуж она выйти собиралась обязательно, иметь детей тоже. Как же не иметь семью и детей? Ее Бог создал женщиной, хранительницей дома и семьи, а семья без детей это, в ее понятии, не семья. Взрослая жизнь маячила там, впереди, но она хотела войти в нее полноценно и целостно. И она, думала Циала, будет достойна своего мужа. Она не принесет ему причин для стыда и раздумий. С Таней они по этому поводу находили общий язык. После экзаменов подруги собирались поехать в Осетию, в гости к Циале. Она уже написала родителям, что приедет не одна и те ждали дочь с ее подругой.

– Познакомлю тебя с нашими парнями, они замечательные, никогда не обидят. Есть, конечно, плохие, но это редко.

– А на русских девушках ваши парни женятся?

– Есть смешанные семьи. И парни женятся, и осетинки выходят замуж за русских. Раньше настороженно относились к этому, сейчас нормально смотрят на это.

– И ты знаешь такие семьи?

– Знаю. У нас в классе учились Залина и Вася, а любовь у них с детского сада. Они поженились, свадьба при мне была. Так Залина вышла за Васю уже беременной, при мне же зимой, когда я ездила домой, было и объяснение Васи с родителями Залины. По моим расчетам она летом должна родить.

– Вот дает эта Залина. И что родители?

– А они давно свыклись с мыслью, что Вася и Залина одно целое. Вася пришел и честно все рассказал родителям Залины. Отец немного побурчал, мать поплакала, но все обошлось хорошо. А Васиным поступком отец Залины был очень доволен. И вправду, он поступил по-мужски, не стал скрывать.

– Сильный парень этот Вася.

– Да, пожалуй.

Собрались сходить на набережную Дона, река уже вскрылась и несла лед в море. Весна брала свое. Солнце светило все ярче, снег стаял, дни стали длиннее. Девушки оделись и пошли на троллейбусную остановку. Сели на нужный троллейбус, доехали до Буденовского проспекта и вдоль него пошли к набережной. Уже на спуске почувствовали, что с реки пахнуло свежестью. День был погожий, но с Дона дул довольно свежий ветер. Этот бессовестный ветер трепал на девушках плащи, распахивал полы, залазил под юбки. Приходилось идти, все время придерживая и поправляя одежду. Спустившись на набережную, девушки встали у парапета. Дон разлился широко, воды было много и по воде плыли крыги льдин, иногда сталкиваясь и издавая шуршание. Над водой металась чайки, крича о чем-то своими резкими голосами. Среди льдин сновали буксиры и небольшие речные суда. Один из буксиров тянул длинную баржу с песком. Возле причальных стенок стоял красивые пассажирские суда, ожидая, когда очистится река и начнется навигация. Ждали этого и крупнотоннажные грузовые суда. Река жила в ожидании полноценной жизни, а она наступала только с чистой водой.

– Смотри, какой большой пароход, – сказала Циала, – а он в море ходит?

– Нет, это чисто речной пассажирский теплоход, в море он перевернется от волн, он сделан только для речного плавания.

– А у вас в Таганроге есть большие морские суда?

– Нет, Таганрог стоит над заливом, а он мелкий. Большие морские суда это в Жданове, в Одессе, в Новороссийске. Но здесь, в Ростове, есть суда типа река-море. Это тоже небольшие суда, но они могут работать и в море, и в реке. Когда строили ВАЗ на Волге, эти суда брали оборудование в Италии и без перегрузки везли его в Тольяти.

– Интересно как. У моряков непростая жизнь. У нас есть односельчанин, Георгий, он моряк, работает на Дальнем Востоке. Иногда приезжает и отдыхает у родителей по три-четыре месяца, а иногда его годами не бывает.

– Молодой?

– А где-то лет тридцать ему.

– Женат?

– Нет, говорит, что после наших односельчанок ему никто не нравится.

– Эх, взял бы и сосватал меня, – полушутя, полусерьезно вздохнула Таня.

Девушки рассмеялись.

– А ты его сама сосватай. Он летом должен быть в селе. Писал родителям, что приедет в гости.

– Вот поедет к вам и я его обворожу, он и заберет меня на Дальний Восток. Буду ему готовить, стирать, ждать с рейса, детишек буду растить. По-моему, в этом женское счастье. Что хорошего, если женщина начнет делать мужскую работу? Женщина ведь слабое существо, дом и дети это для нее. Хотя и не скажешь, что дома мало работы. Моя мама говорит, что женская работа дома она незаметна, но требует немало сил.

– Моя мама тоже примерно так говорит. Постирай, приготовь, дом убери, а у нас еще у всех сельчан хозяйство, огороды, сады. С огородом и садом мужья еще помогают, а вот с детьми и домом им возиться некогда, нужно работать.

– У нас хозяйства нет, а огород и сад есть, без него нельзя, – сказала Таня.

– Ничего, наши бабушки и мамы так жили, так и мы проживем.

Не знали девушки, что впереди им жизнь готовила совсем другое. И оно, это другое, было бы хорошим, но только скоро вся страна будет поставлена на излом. И этот излом коснется каждого. Закружат, завертят всех непонятные никому события, кого-то поднимут наверх, кому-то дадут несправедные большие деньги, а большинство будет втоптанно в грязь, оплевано и ограблено.

Погуляв на набережной часа два, девушки собрались домой, в общежитие. Парни иногда обращали на них внимание, пытались заигрывать, но у девушек не было настроения говорить с ними. Так же, поднявшись по Буденовскому спуску до улицы Энгельса, сели на троллейбус и покатали к общежитию. Приехав, приготовили свой нехитрый обед и, поев, занялись учебой. Учеба отнимала все свободное время. После лекций приходилось много работать в библиотеке, дома. Читали учебники, труды по педагогике. Писали всевозможные отчеты, рефераты. Но учились без особого напряжения, хотя и было иногда трудно. Много мечтали, особенно с наступлением весны. В них, уже довольно взрослых, просыпалось все женское, нежное и прекрасное, без грязи и дурных наклонностей. В теплые весенние вечера девушки чувствовали, что их тянет куда-то, хотелось мечтать, думать о будущей жизни, хотелось любить. Они уже вошли в пору, повзрослели. Это для девушек время любви. Но пока им не встретились парни, которые сильно бы увлекли их. Вокруг было много хороших парней, молодых мужчин, но ни один из них не увлек ни Таню, ни Циалу. Денис у Циалы ушел совсем куда-то на задний план. Писал он всегда не часто, сейчас писал еще реже и ответы Циалы становились тоже реже и реже. В ответах почти исчезла тема их отношений. Писали друг другу о знакомых, о делах, а свои чувства друг к другу оба обходили стороной. Как будто договорились. Детство уходило от них, унося все детское, детскую любовь тоже. Особенно у Циалы. Письма Дениса начали казаться ей какими-то несерьезными, не очень интересными. Она воспринимала это с какой-то небольшой боязнью. Скоро занятия закончатся и можно будет ехать домой. А как встречаться с Денисом и о чем говорить с ним, она смутно представляла. Поэтому, когда студентам было предложено в летние каникулы поработать в детских садах и лагерях с детьми, она с удовольствием согласилась. Это была своеобразная практика и проверка того, правильно ли была выбрана специальность. Лагеря и детские сады были предложены по всему Северному Кавказу, от Ростова-на-Дону до Махачкалы. Циала нашла в списке три места в Осетии, одно из них в Орджонекидзе, это всего пятнадцать километров от Предгорного. Она взяла туда направление от института. Это был детский лагерь в пригороде Орджонекидзе, недалеко от селения Балта, там, где Терек выходит из ущелья и где начинается Дарьяльское ущелье. Циала знала те места, ей приходилось когда-то с отцом ездить по Военно-Грузинской дороге. Там были горы, леса, луга, быстрые речки. И она твердо решила ехать туда. И от дома недалеко, можно и с родителями повидаться, друзей навестить. В конце июня начались первые экзамены последнего семестра первого курса. Экзамены длились больше двадцати дней, Циала все их сдала на хорошо и отлично. Все, почти два месяца свободного от учебы времени. И она начала собираться в дорогу. Купила на автобус билет до Орджонекидзе, перед отъездом сдала комнату коменданту общежития. В августе перед началом занятий им давалось две недели отдыха после работы в лагере. Таня не поехала с Циалой, у нее по-прежнему прибаливала мама. Днем немного посидели в комнате общежития, выпили бутылку сухого вина, а вечером Таня проводила Циалу на автовокзал и попрощалась с ней. Автобус тронулся, Циала помахала подруге из окна. Таня махала рукой с платочком тоже. Лето началось.

Циала приехала в Орджонекидзе на другое утро. Взяла свои вещи, с небольшим чемоданчиком села в трамвай и поехала на автовокзал с местными маршрутами. Решила сперва найти начальство лагеря, а потом съездить в Предгорную. Села на автобус до Балты и примерно через минут сорок приехала в село. Расспросила местных, где лагерь и пришла туда. Нашла директора лагеря, лет сорока женщину. Звали ее Мадина Муратовна.

– О, так вы наша! – воскликнула Мадина Муратовна, – Осетинка, как это здорово! Добро пожаловать к нам. Будем лето работать вместе. А где ваши родители живут?

– В селе Предгорном, здесь недалеко.

– Прекрасно знаю ваше село, бывала не раз. Вы уже были у родителей?

– Нет, я прямо с ростовского автобуса и сюда.

– Ну, вы прямо совсем своих родителей не уважаете. Вам пять дней хватит на встречу с ними и друзьями?

– Да, хватит.

– Тогда езжайте сейчас домой, а через пять дней я жду вас. Жить будете вот в этом здании, – она показала на двухэтажное бревенчатое здание, – я там вам приготовлю комнату. Идет?

– Спасибо, идет.

– Сейчас наша машина поедет в город за продуктами и захватит вас.

– Спасибо.

Старенький грузовой газик минут за двадцать довез Циалу до города, до автовокзала с местными маршрутами. Циала села на автобус, идущий в Предгорное, и через полчаса была на месте. А еще через десять минут уже была дома, родители встретили ее с большой радостью. Мама пустила, как всегда, слезу, Циала тоже. Отец обнял ее, посмотрел на нее внимательно.

– Ты сильно изменилась со времени твоего зимнего приезда. Повзрослела, похорошела. Прямо раскрасавица.

Циала покраснела.

– Ты прямо скажешь, папа! Обычная я, твоя дочка. Какая была раньше.

– Это тебе кажется так, а мне со стороны виднее.

Посмеялись все.

– Ты на все лето? – спросила мама?

– Нет, всего на пять дней. Потом буду проходить практику в Балта. Взяла туда направление из института.

– Совсем близко. Через город мы на машине своей до тебя за час доберемся.

– Вот и прекрасно. Будете приезжать почаще. Какие новости в селе?

– Новости? А все по-прежнему. У Залины мальчик родился недавно, праздновали всем селом. Такой мальчик, прямо прелесть. Алексей, отец Василия, был старшим за столом и сам назвал мальчика Сосланом. Так взрослый Сослан даже заплакал за столом. Все сделали вид, что не заметили. А Венера и Клава на седьмом небе от внука.

– Это, пожалуй, самое прекрасное событие в селе. Сегодня пойду к Залине.

– Сходи, дочка, сходи обязательно. Она как встретит меня, так про тебя спрашивает. А Василия освободили от службы в армию. На кого же ему оставить всех своих? Военком помог. Про убитых в Афганистане ты знаешь, мы писали тебе.

– Да, знаю, жалко ребят. За что отдали жизни?

– А сын Хугаевых, Георгий, не придет в гости. Он стал капитаном и скоро должен уйти куда-то далеко... забыла как страна называется. Отцу своему прислал две пары сапог-валенки немецких, нашему бы такие! Матери подарки, своим сестре и брату подарки. Хорошим человеком вырос Георгий, родных и друзей не забывает. Сказал, что маленькому Сослану тоже из этой страны привезет подарок.

– Дайте мне адрес Георгия, я дам ему телеграмму с просьбой послать сапоги-валенки нашему папе. Он же еще в Надежде, не ушел в море?

– Нет, но скоро должен уйти. А адрес возьми у Хугаевых. И спроси, сколько эта обувь стоит с пересылкой. Мы дадим эти деньги, ты их пошлешь и телеграмму пошлешь.

– А какой размер носит папа?

– С теплым вязанным носком сорок четвертый.

– Хорошо, сегодня-завтра сделаю. Правда, сперва нужно спросить у Хугаевых, а то неудобно.

– Спроси, доченька, спроси. Ты отдыхать будешь?

– Нет, я ночью в автобусе выпалась.

– Тогда я приготовлю стол.

– Мама, не беспокойся. Я хочу сейчас сходить к Хугаевым, пока не поздно, потом к Залине схожу. Нужно же посмотреть маленького Сослана. Я ему и подарочек привезла.

– Хорошо, придешь во сколько?

– Часам к восьми-девяти приду.

– Будем ждать тебя.

Циала вышла из дому. Было еще жарко, но солнце склонилось уже к западу. Село стояло все в зелени, пахло ароматом цветов. Циала направилась к дому Хугаевых. Подошла к калитке, красиво вписанной в штaketник забора, и постучала. Вышла мама Георгия из летней кухни во дворе.

– Что-то знакомое, но не пойму кто. Заходи, дочка, не бойся, собака у нас днем на заднем дворе. Ты чья? Такая красавица!

– Ой, прямо расхвалили, спасибо, – Циала покраснела, – Кочиевых я, Циала меня зовут.

– Господи, да как же я не узнала тебя! Время то как летит! Помню тебя еще босоногим подростком. А теперь вон какая красавица выросла. Нужно Георгию написать и тебя за него сосватать. Заходи Циала, садись вот здесь, на кухне, за стол.

Циала села. Мама Георгия принесла молока.

– Попей, утрешнее это, еще свежее.

– Спасибо большое.

Молоко было очень вкусным и сильно отличалось от магазинного. Циала сидела и маленькими глотками пила его, наслаждаясь.

– Я к вам по делу зашла. Мама говорит, что Георгий прислал вашему мужу сапоги-валенки. И мой папа хочет такие же. Нельзя ли посмотреть эту обувь?

– Сейчас принесу.

Женщина ушла и быстро принесла сапоги. Это была изумительная обувь для мест, где зима довольно холодная, но с частыми оттепелями. Циала посмотрела их и потом спросила.

– А можно дать мне адрес Георгия? Я ему pošлю деньги и телеграмму с просьбой послать такие же моему папе. Можно ли это сделать?

– Вас, молодых, сейчас трудно понять. Он сейчас готовит судно к выходу в море, капитаном стал. Но я думаю, что можно это сделать. Он отзывчивый, я думаю, что сделает. Неплохо бы еще твою фотографию послать, он бы уж точно сделал для тебя все.

– Ой, ну вы скажете.! – засмушалась Циала.

Мама Георгия принесла его адрес.

– Он часто звонит, как только будут переговоры с ним, я попрошу его тоже помочь твоему отцу. А еще расскажу про тебя. Я бы лучшей жены для него и не желала бы. Ему уже за тридцать переваило, пора ему семью заводить.

Циала покраснела от похвал и засмушалась. Потом пришла в себя, допила молоко и стала прощаться.

– Спасибо вам большое за все. Я сегодня еще должна у Залины Ганиевой побывать, вот подарок сыну ее несу.

– Она давно уже не Ганиева, Рукавенко она. Хорошие они люди. Сходи, конечно же сходи. Привет им от нашей семьи передай.

– Хорошо, передам.

Мама Георгия засуегилась и подала небольшой сверток Циале.

– Передай им наш осетинский сыр, я вчера делала. Хороший сыр получился.

– Спасибо, передам.

Циала вышла со двора и пошла по направлению к дому Рукавенко. Идти было далеко-далеко и дойдя до автобусной остановки, с которой уходил автобус в город, она решила немного проехать. Спросила водителя, можно ли остановиться возле магазина, водитель утвердительно кивнул головой. Циала доехала до магазина и сошла с автобуса. Рядом была и почта. Циала зашла на почту, перевела деньги на имя Хугаева Георгия и дала ему телеграмму с просьбой послать такие же сапоги-валенки сорок четвертый размер. Минут через пятнадцать она уже была у дома Рукавенко. Еще с улицы она увидела во дворе дома Залину, она сидела с ребенком на руках. Немного пополневшая, похорошевшая после родов, она напоминала богиню, каких изображали древние греки и римляне. Циала открыла калитку и вошла во двор. Залина вскинула голову и ее лицо расцвело в красивой улыбке.

– Господи, какого гостя Всевышний нам послал. Сосланчик, смотри кто к нам пришел!

Подруги обнялись.

– Покажи сыночка!

– А ты не глазливая?

– Такого за собой не замечала. Хорошие люди не могут быть глазливыми, – пошутила Циала.

Залина откинула легкую пеленку с лица сына. Циала смотрела на него и какое-то неведомое нежное чувство охватило ее всю. Она не могла оторвать взгляда от ребенка. «Вот бы мне такого сыночка!» – подумала она и тут же устыдилась своих мыслей.

– Вылитый Вася, – сказала Циала, – от тебя одни глаза. Сколько ему?

– Еще месяца нет. А за то, что он похож на Васю, я его еще больше люблю.

После этих слов она закрыла лицо малыша.

– Поздравляю тебя. Думаю, что не последний, – сказала Циала.

– Спасибо, будем надеяться, – покраснела Залина.

Подруги повели неспешный разговор. Залина расспрашивала Циалу об учебе, рассказывала об общих друзьях и знакомых. Циала расслабилась совсем и, наконец, почувствовала, что она дома. Через некоторое время появился Василий.

– О! Какая неожиданность, какой гость. А чего сидите во дворе? Разве ж так гостей принимают?

– Да она только что пришла, – оправдывалась Залина.

Пошли в дом, Залина накрыла стол. Была арака, но Циала и Залина пить не стали. Немного, один маленький стаканчик, выпил за гостью Василий.

– Нароботался сегодня?

– Нароботался. Убрали последний угол у Змеинки, все, уборка закончилась. Теперь начнется вспашка полей через некоторое время. Директор обещал на озере у святой роши накрыть столы с угощением. Урожай очень хороший и убрали мы его без потерь. Будет зерно, будет хлеб, будет арака и будет чем кормить домашнюю живность.

– Дай Бог, – сказала Залина, – директор у нас грамотный человек. И хороший. Мы к нему с уважением относимся. Он помогает папе, Василий тоже. А ты, Вася, когда станешь директором?

– Скоро. Как только место освободится, – пошутил Василий, – но учиться буду. Подал снова документы, взял справку в совхозе, что работал год, все-таки хочу стать специалистом.

– Когда у тебя экзамены вступительные?

– В августе, с десятого.

– А куда подал документы?

– В сельскохозяйственный институт, здесь, в городе. Ты надолго домой? – спросил он Циалу.

– На пять дней. Потом в детский лагерь на практику.

– Где это лагерь?

– Здесь, недалеко. В Балта.

– Понятно, значит, будем видеться.

Посидели, поужинали и Циала стала собираться.

– Сиди еще, куда тебе торопиться?

– Пойду, ребята, устала я немного. Ночь в автобусе с Ростова до города, потом побывала в Балта, потом домой и по селу шастаю уже давно.

– Ну, ты молодец!

– А ты, Вася, – сказала Залина, – сильно устал?

– Нет, а что?

– Посиди с маленьким, я пеленки в стиральной машине перестираю.

– Хорошо, Залиночка, посижу.

Залина пошла стирать, Василий взял сына на руки, тот спал. Василий осторожно положил его в кроватку.

Циала пошла домой. Шла, думая о встрече с Денисом. А она должна случиться. Пусть не сегодня, но должна. «Ничего от него скрывать и прятать не буду. Скажу все, как есть» – решила она. С этим решением и подошла к дому. Дома ждали ее, мама приготовила ужин, отец что-то мастерил во дворе, потом и он подошел, сел к столу.

– Я дала Георгию Хугаеву телеграмму, чтобы он послал тебе сапоги-валенки. Но сперва я спросила разрешения у его мамы, тети Заретты. Она разрешила и сказала, что когда будет говорить с Георгием по телефону, то тоже скажет ему об этом.

– Спасибо, дочка. Ты даже не знаешь, что ты для меня сделала. Если Георгий пришлет мне эту обувь, то я ему до конца жизни буду благодарен.

– И что еще говорила Заретта? – спросила мама.

– Ой, мама, она меня прямо насмешила. Она начала говорить, что я такая красавица. И... начала меня сватать за Георгия.

– Георгий хороший парень, честный и справедливый, такой никогда не предаст ни в большом, ни в малом, – сказал Константин, – хотя его давно уже нет в селении, я помню его и многие люди помнят тоже.

Про Дениса все деликатно умолчали.

– Ты совсем ничего не ешь. Что, не вкусно?

– Мама, я же просила тебя не беспокоиться. Угостила меня тетя Заретта, накормили у Залины. Куда же мне еще есть?

– Хорошо, но ты хоть пирог с сыром попробуй немного.

Циала взяла кусок пирога. Пирог был очень вкусный и она съела этот кусок с удовольствием. Попила молока.

– Пойду в кровать. Ночь в автобусе, целый день на ногах, немного устала.

Она помылась под душем, который был сделан отцом во дворе, и пошла в кровать. Почитала немного, потом ее охватило умиротворение от чувства, что она дома и она с этим умиротворением заснула.

Встреча с Денисом произошла как-то неожиданно. Циала сидела на берегу речки, на тех самых бревнах. Наступал тихий летний вечер, какие бывают в июле. Она слушала шум реки под берегом и ей казалось, что этот шум наполняет воздух и природу чем-то хорошим, но потеряннм. «Наверное, это наша с Денисом первая любовь уходит, навсегда» – подумала она и ей стало немного грустно. Денис вырос перед ней как из-под земли. Посмотрел на нее своими мягкими глазами и улыбнулся.

– Здравствуй, слышал, что ты приехала. Как дела?

– Спасибо, все хорошо. Как у тебя дела?

– И у меня все хорошо. Ты вчера приехала? Надолго?

– Да, вчера. Всего на пять дней. Один день уже прошел.

Денис сел тоже на бревно, но не рядом, а напротив. Посмотрел на Циаклу долгим взглядом, потом опустил голову и задумался.

– О чем думаешь так серьезно, Денис?

– О нас с тобой. Хочу тебе кое-что сказать.

– Говори, я буду слушать тебя с вниманием и удовольствием.

– Циала, я тебя очень уважаю. Ты хорошая девушка и хороший человек. У нас с тобой больше года назад начались те отношения, которые бывают у всех молодых людей. Но... вот что, уважая тебя, я не хочу тебя обманывать. Я считаю, что то, что возникло между нами, было просто детской любовью. И когда жизнь нас разлучила, все это медленно ушло. Я к тебе не чувствую тех чувств, которые испытывал в прошлом году. И не хочу от тебя это скрывать. Прости за правду.

У Циалы сперва взбунтовалось самолюбие, потом к нему присоединилось женское любопытство.

– У тебя кто-то появился?

– Никого, если не считать нового грузовика, – пошутил Денис – а у тебя?

– Нет у меня никого. Спасибо, Денис, ты хороший человек. Я бы не желала для себя лучшего спутника в жизни. И ты снял с моей души очень тяжелую ношу. Она меня давила и беспокоила еще с зимы. То, что ты сказал мне, я хотела при встрече сказать тебе. Ты просто опередил меня.

Помолчали. Потом глянули друг на друга с облегчением.

– Так бывает, – сказал Денис, – приходит любовь в первый раз, смотрит, что мы еще дети и уходит. Говорят, что так бывает даже у взрослых, опытных в жизни людей, если они не готовы встретить любовь. Я часто вспоминаю наши былые встречи, наши поцелуи и объятия. И если раньше это были для меня очень волнующие воспоминания, то сейчас я думаю об этом спокойно.

– Я тоже, Денис, – сказала Циала и опустила голову.

– Но все-таки, как я считаю, хорошо, что это было. Спасибо тебе за это, Циала.

– И тебе спасибо, Денис, – сказала Циала и у нее потекли слезы.

– А плачешь зачем? Все ведь прошло.

– Я женщина, а мы все тоньше чувствуем, чем вы, мужчины. Мне грустно оттого, что ушло от нас то хорошее, что у нас было. Поэтому и плачу.

– Ну, не нужно слез. Все будет еще у тебя, только намного серьезней и прекрасней. Только будь осторожна, жизнь непростая штука.

– Ты рассуждаешь, как старик.

– Нет, я просто беспокоюсь о тебе. Мне будет очень жаль, если у тебя случится что-то нехорошее.

– Спасибо, Денис. Я буду следовать твоим советам.

– И еще, Циала. Я думаю, что мы навсегда останемся хорошими друзьями. Что нам делить с тобой в жизни? Совершенно нечего. Я тебе буду хорошим и верным другом.

– И я тоже, Денис. Если будет беда у тебя, обращайся ко мне, по возможности моих сил я всегда помогу.

– Я тоже. И ты ко мне обращайся. Я тебе помогу так же, как сестре.

Они посидели еще немного. Совсем стемнело. Из-за гор показался яркий серп луны. Оба встали и пошли.

– Я тебя провожу домой, – сказал Денис.

Циала молча кивнула головой. Они дошли до дома Циалы, посмотрели друг другу в глаза и расстались. Расстались, но никогда не забудут друг друга и того, что было между ними. Всю жизнь они будут вспоминать друг друга со светлой памятью и грустью.

У дома на скамейке сидели Маринка и Хадизат. Хадизат блеснула глазами на Дениса. Маринка хихикнула.

– Чего ты хихикаешь?

– Хочу и хихикаю.

– Денис, а ты где был, у Циалы? – спросила Хадизат, – А чего так рано возвращаешься? Мы тебя раньше первых петухов не ждали.

– Зачем мне Циала, если ты есть на этом свете? – пошутил Денис, – Подрастай скорей, а то руки чешутся украсть тебя.

Маринка опять хихикнула.

– Ты абрек, самый настоящий. Только и мысли в голове – украсть, умыкнуть. А пригласить погулять так никогда не пригласишь.

– Подрастешь и сразу приглашу.

– Я и так подросла уже.

– Да какое там подросла! Маленькая еще.

Хадизат вскочила, снова сверкнула на Дениса глазами и быстро ушла. Ей шел пятнадцатый год и она считала себя взрослой. Выглядела она уже девушкой. Крепкие, налитые груди распирала ее майку, округлившиеся бедра привлекали своей прелестью.

– Денис, вот ты дурак! – сказала Маринка, – Зачем ты ее обидел?

– Да чем я ее обидел? Какие с вами, детьми, прогулки? Людям на смех? И сестра она мне, такая же, как и ты. Иди скажи ей, пусть выходит, посидим на скамейке вместе. Скажи, что если я ее обидел, то прошу у нее прощения.

Маринка ушла. Денис долго сидел еще на скамейке сам, но девочки не пришли. Вздохнув, он пошел в сад на свою раскладушку. Уже сквозь сон слышал звуки шагов Маринки, возвращавшейся от подруги.

* * *

Циала пробыла пять дней в родном селе, пришла пора ехать в Балта. Отец отвез ее прямо в лагерь на своей старенькой «копейке». Мадина Муратовна встретила Циалу как родную. Отвела в ее комнату, показала все и ушла. Комната была небольшая, в ней стояла кровать, застеленная чистой постелью и тумбочка. На стене была прибита вешалка для верхней одежды, на которой висел непромокаемый дождевик. Циала разобрала вещи и пошла искать директора лагеря. Хотела узнать, что ей нужно будет делать. Мадину Муратовну она нашла на тропинке к речке. Она говорила с мальчиком лет десяти. Циала, услышав строгий голос директора, поняла, что та распекает мальчика за какой-то проступок. Подошла ближе.

– Вот, Циала, смотри. Это Казик, из твоей группы. Сделал рогатку и стрелял по птицам.

– Не жалко птичек? – спросила Циала.

– Я их просто пугал, я же не убивал их.

– А им тоже страшно, они тоже переживают, живые же. А если бы случайно попал? Сейчас лето и у них маленькие птенчики. Убил бы взрослую птицу, птенчики бы погибли от голода. Кто их накормит? Они же и летать не умеют еще.

Мальчуган засопел носом, начал тереть глаза кулаками.

– Я выкинул рогатку и больше никогда не буду в них стрелять.

– Это другое дело. Хорошо, что ты понял все. А где твоя группа?

– На речке купается.

– Иди к ним. Потом соберем всю группу, и я познакомлюсь со всеми вами.

Мальчишка ушел.

– Магина Муратовна, что мне нужно будет делать здесь? Какие мои обязанности?

Директор перешла на «ты». Это даже больше нравилось Циале.

– Дел и обязанностей у тебя, Циала, много. Как у всякого педагога. А здесь ты будешь вести группу. Программа для всех групп одна: это походы в лес, в горы, изучение растений и деревьев, вечерние костры, рассказы о нашей маленькой Осетии, о ее людях. Весь материал найдешь в методичке и в книгах, они у тебя в тумбочке лежат. Ты деревенская, ты должна знать все травы и деревья. Это работа с каждым ребенком в отдельности и со всей группой. Вопросов они задают много, старайся правильно отвечать на них. Если что-то не знаешь, то не фальшивь, дети очень тонко чувствуют фальш. Лучше скажи, что не готова ответить на этот вопрос и ответишь позже. И помни, что это дети. Им и попрыгать хочется, поиграть, побаловаться. Но такое баловство, как у Казика, с рогаткой, пресекай сразу. Пойдем, я тебя с группой познакомлю, а их с тобой.

Они прошли по тропинке к речке, запруженной небольшой плотиной. Здесь была купальня, неглубокая, по грудь ребятам. Дети купались, ныряли, стоял крик и хохот. Магина Муратовна и Циала подошли к берегу.

– Ребята, все на берег. Всем подойти ко мне, – крикнула директор.

Дети неохотно покинули воду. Собрались возле взрослых. Циала смотрела на них. Открытые и ясные глаза, улыбки, мокрые волосы. Девочки уже все в купальниках, у некоторых наместились маленькие груди.

– Дети, тихо, – сказала Магина Муратовна, дети притихли, – я хочу познакомить вас с вожатой вашей группы. Она наша, из Предгорного, а учится в Ростове-на-Дону, в институте. Оттуда ее и направили к нам. Зовут вашу вожатую Циала Константиновна. Очень прошу вас – не огорчайте своими поступками ее. Если что нужно – спрашивайте.

– Мы хорошие, мы замечательные, – начал кривляться рыжий мальчишка, дети засмеялись. Сосед ткнул рыжего в бок кулаком, тот прыгнул на него, началась возня.

– Перестали, а то я подумаю еще, что вы плохие, – засмеялась Циала.

– А сколько времени, мы уже есть хотим? – крикнула белокурая девочка из стайки девочек.

– Вы знаете, что обед в половине первого. А сейчас, только одиннадцать. Но если кто хочет есть сильно, может пойти и перекусить, в столовой всегда бутерброды, и чай на столах. – сказала директор.

Циала начала говорить с детьми, расспрашивать их – откуда они, кто их родители. Старательно записывала все в прихваченный блокнотик.

– Я пошла по своим делам, – сказала директор, – а ты налаживай контакты. Одним словом, работай.

Циала принялась за эту работу. Через час, кое-что узнав о детях, она повела их к длинному зданию готовиться к обеду. Так началась практика у Циалы. Продлившаяся без малого полтора месяца. Работа захватила ее. Весь день и весь вечер был заполнен детьми. Кому-то нужно было помочь заплести косу, кому то объяснить фразу из книги, любившим пошалить мальчишкам нужно было объяснять, чтобы вели себя потише.

– Вы, дети, личности. Каждый из вас личность. А это значит, что вы должны уважать себя, а еще больше уважать другого. Никогда не давайте в обиду себя, но помните, что обидеть другого это самое некрасивое дело. Нельзя огорчать людей.

– А как быть с дураками? – задал вопрос рыжий мальчик, его звали Инал.

– С какими дураками? – опешила Циала.

– Ну которые дураки.

Группа покатила со смеху, Циала поняла, что Инал специально подначивает ее.

– А дурак тот, кто другого дураком считает, – нашлась Циала.

Группа снова захохотала, теперь уже с Инала. Маленький, верткий парень высунул язык и показал его Иналу.

– Запишем некоторых в дураки, – сказал он.

– Сам балбес и оболтус, – крикнул рыжий и они сцепились в шутовой схватке.

– Дети, хватит, – захлопала в ладоши Циала, – у нас дураков нет, все у нас хорошие и умные.

– И Карина тоже? – не унимался рыжий.

Карина была смугленькой девочкой с большими ореховыми глазами.

– И Карина тоже, я сказала, что все умненькие, хорошие и пушистые.

– А почему Карина пушистая? У нее и руки, и лицо без шерсти, – продолжал Инал.

– Все, хватит. Всем мыть руки и готовиться к обеду. Помыли руки и собрались здесь.

Дети пошли мыть руки. Помыв руки, снова подошли к Циале.

– Ну что, будем обедать?

– Да, будем. А то есть хочу, как волк. Если не наемся, то откушу у кого-нибудь ухо и съем, – сказал Инал.

– Людоед, каннибал, тебе в джунглях жить, а не с нами, – зашумели девчонки, – лучше поймай ту толстую змею, что живет возле купальни и съешь ее.

– Я живые веревки не ем. Хотя... можно попробовать. Спасибо за идею.

Циала повела свою группу в столовую, под смех и выкрики детей. Дети подходили с подносами к окошку, им подавали первое, второе, компот и они рассаживались за столом. Ели с аппетитом, забыв про все. После обеда тихий час. Он начался с боя подушками в комнате, где располагались мальчики и писком девчонок в их комнате, туда залетела огромная бабочка и девчонки ее ловили. Циала еле успокоила детей. Дети успокоились и потом заснули.

* * *

Георгий принял судно у подменного экипажа. До отхода судна в рейс оставалось дней семь-десять. Служба снабжения загружала судно тралами, деталями к оборудованию, расходными материалами. Начальники служб следили за выполнением заявки. Жил Георгий по-прежнему в межрейсовом доме отдыха. Вечерами встречался со знакомыми, друзьями. Многие хороших моряков перетянул на свое судно. Боцман уже наводил страх на матросов своим матом и криками. В доме отдыха встретил и супружескую пару, прилетевшую с отпуска. Он всегда был шеф-поваром, а она вторым поваром. Георгий знал их по прошлым рейсам. Готовили они так, что в никаком ресторане так не приготовят. А вкусно поесть в море не последняя радость. Георгий на следующий день пошел в отдел кадров вместе с Валентином Ивановичем и его женой, Светланой Матвеевной, и попросил направить их на его судно. Просьбу его удовлетворили. Как-то вечером, придя с работы, он нашел на столе комнаты, в которой жил, телеграмму, принесенную дежурной по этажу, и рядом бланк перевода на его имя. В телеграмме его просили выслать сапоги-валенки и подтверждали просьбу суммой денег. Подпись под телеграммой: Циала Кочиева. Григорий понял, что посланная отцу обувь понравилась и друзьям отца. Кочиевых он хорошо знал и помнил, но вот подписавшую телеграмму Циалу

помнил смутно. Вспоминалась темноволосая босоногая девочка-подросток, но это было давно. Сейчас этой девочке должно быть лет двадцать с лишним, она уже взрослая девушка. «Сколько невест в селе выросло. Все, нужно ехать после рейса и выбирать себе подругу жизни, так и жизнь пройдет, одному жить не годится». Он поехал в универмаг, благо ехать было три остановки на автобусе, купил две пары сапог-валенки сорок четвертый размер, пошел на почту и отправил их на адрес, указанный в телеграмме. На почте же попросил вернуть деньги тому, кто послал их. Невелика сумма, больше на всякие мелочи тратишь. «Нужно загрузить контейнер этих сапог и отправить его отцу, пусть всех соседей и друзей снабдит» – шутливо подумал он.

Прошло несколько дней. Как-то Григорий пришел на судно и сразу же раздался звонок берегового телефона. Звонил главный диспетчер Базы.

– Здравствуйте, Георгий Христофорович, это главный диспетчер.

– Здравствуйте, Семен Леонидович.

– Значит, что я звоню, хочу вам сообщить, что в пятницу, в 22 часа вы должны быть на рейде. У вас есть какие-либо претензии к береговым службам?

– Нет, претензий я не имею. Снабжение завезли полностью, согласно заявок, есть кое-какие мелочи, но о них не стоит говорить, это решим в рабочем порядке в течении сегодняшнего дня.

– Хорошо. Значит у вас с сегодняшним днем три дня до отхода. На четвертый день вы должны выйти на рейд, пройти проверку властями и таможней. Если будут какие-либо проблемы, обращайтесь прямо ко мне, минуя дежурных диспетчеров. Их я поставлю в известность сам, если появятся проблемы.

– Спасибо.

– Официальное распоряжение об отходе вам уже отправили на судно с дежурным береговым матросом. До свидания.

– До свидания.

Минут через пять принесли пакет с распоряжением об отходе. Георгий поднялся на мостик и по общесудовой трансляции объявил в микрофон:

– Всем начальникам служб собраться в кабинете капитана.

Минут через десять пришли все начальники служб. Георгий зачитал всем распоряжение об отходе.

– Очень прошу всех: закругляйте все береговые дела. Не позже, чем сегодня в обед подать всем рапорта, где отразить готовность службы к отходу. Не скрывать никаких проблем, сами знаете, в море что-то решать будет трудно. Поставьте в известность всех подчиненных, а вечером семьи. Вопросы есть?

Вопросов не было, и начальники служб разошлись. Перед обедом все принесли рапорта. Георгий внимательно прочел их. В рапортах проблемы не отражались. «Вот и прекрасно» – подумал он. В обеденный перерыв съездил на переговорный пункт и заказал переговоры с родителями. Переговоры дали на следующий день на шесть вечера, значит у родителей будет одиннадцать утра. На следующий день с утра на судно потянулись с вещами члены экипажа. А вечером Георгий пришел на переговорный пункт. Подождал немного, и телефонистка пригласила его в кабинку. Из трубки почти сразу раздался знакомый голос мамы.

– Георгий, здравствуй! Как ты? Все ли у тебя хорошо?

– Мама, все хорошо. Ты одна?

– Нет, я с Аляной и Костей, а отец уехал, его нет.

– Мама, в пятницу мы уходим в море.

– Что ж, счастливо. И когда мы теперь увидимся?

– На следующее лето обязательно. Обычно в Новой Зеландии судно работает год, вот и мне этот год придется пробыть на нем.

В трубке послышался голос Аляны.

– Георгий, здравствуй! Так хочу увидеть тебя, прямо совсем соскучилась. Ты когда приедешь?

– Аляна, через год. Это недолго.

– Ничего себе недолго! Приезжай, мама тут тебе такую невесту присмотрела! Женим тебя! Не вырывай, – сказала она кому-то и сразу пояснила, – этот несмышлениш, малявка который, Костя, трубку вырывает.

Георгий рассмеялся.

– А ты конечно взрослая?

– Да, взрослая, мама говорила, что я на пятнадцать минут старше. А он старших не почитает.

В трубке послышался голос Кости.

– Здравствуй, брат! Как ты? Все у тебя в порядке?

– Все в порядке, Костя, как ты?

– Замечательно. Побывали с Аляной, этой болтушей с ветерком в голове, в Москве, в Петербурге. Класс! Какие города, а впечатлений море.

– А какие планы у тебя?

– Планы? Закончу школу и к тебе на пароход приеду. Возьмешь?

– Возьму. Но сперва мореходное училище закончи.

– Закончу, это для меня раз плюнуть.

Трубку взяла Заретта.

– Сынок, там Циала Кочиева ко мне приходила и просила меня разрешения послать тебе деньги и телеграмму, чтобы ты выслал сапоги-валенки ее отцу. Я ей разрешила. А ее мама Тамара сегодня пришла ко мне расстроенная. Деньги вернулись, и они думают, что ты обиделся на их просьбу, поэтому и деньги вернул.

– Мама, ничего я не обиделся. Две пары сапог-валенок я выслал дяде Константину, его размер. А деньги вернул потому, что для меня эти деньги небольшие. Пусть это будет мой подарок ему.

– Спасибо, сынок, тебе за твой добрый поступок и твою добрую душу. А Циала Кочиева, их дочь, что тебе телеграмму давала и деньги посылала, выросла совсем. Таких красавиц поискать. И умница, в Ростове в институте учится. Сейчас практику в Балта проходит. Я прямо как увидела ее, так обомлела. Лучшей жены для тебя, сынок, я бы и не хотела. Я так прямо ей и сказала об этом. Так она покраснела, засмушалась.

Георгий рассмеялся.

– Спасибо, мама. Женюсь на следующем году. Не знаю на ком, но женюсь.

– Женись на Циале, сынок. Не прогадаешь. Пора тебе давно это сделать, а то младшие тебя уже догоняют.

– Скажи Циале, пусть письмо мне напишет, – пошутил Георгий.

– Скажу, обязательно скажу, – приняла всерьез все мать.

– Ладно, буду с вами прощаться, – сказал Георгий, – в пятницу мы уходим. Поднимите там рог с аракой за меня. До свидания.

Из трубки послышались голоса Аляны и Кости, они тоже кричали «До свидания».

Попрощавшись, Георгий положил трубку, поблагодарил телефонистку и пошел домой.

В пятницу, в ночь, пройдя все формальности властей и таможи, Георгий повел судно в Новую Зеландию. Впереди лежали далекие теплые моря, экватор, многочисленные острова. Впереди лежало год жизни на судне, много встреч, много знакомств. Георгий не впервой шел в Новую Зеландию, но впервой как капитан. Это налагало на него особую ответственность, но не в характере настоящего мужчины и джигита бояться трудностей и ответственности. Предстояла большая и ответственная работа. Советские рыбаки на своих судах работали в Новой Зеландии, добывая и обрабатывая рыбу для новозеландских компаний на договорных долях,

свою часть отправляли в СССР и заграничным партнерам. Рыба в южных морях была разная, много ценных пород, таких как нототения, клыкач, ледяная. Клыкач не уступал по вкусовым качествам осетровым породам, даже превосходил их.

До экватора шли около двух недель. Пересечение экватора всегда большой праздник для моряков. Обычно сами моряки разыгрывают спектакль, где главные лица это Нептун, русалки, Нечистый и черти. Моряков, первый раз пересекающих экватор обычно «крестят». «Крещение» это проходит так: Нептуном задается вопрос каждому моряку, пересекал ли он экватор. Если моряк говорит, что пересекал, Нептун требует показать диплом. После показа диплома русалки наливают чарку и подают моряку. А если моряк говорит, что не пересекал экватора, то Нептун поручают Нечистому разобраться и «окрестить» новичка. Никакие возражения не помогают. Черти, обычно это самые здоровые моряки, хватают новичка и протаскивают сквозь чистилище. Обычно это бочка, у которой отсутствуют оба дна, внутри обклеенная вымазанной в мазуте и саже паклей. Протаскивая новичка через чистилище, кидают его в купель, судовой бассейн, и подводят его к Нептуну. Нептун спрашивает, доволен ли он? Если «крестник» возмущается и выражает недовольство, то Нептун приказывает Нечистому повторить процедуру. И так до тех пор, пока крестник не заявит, что доволен. Тогда ему русалки вручают чарку, а после нее Нептун вручает ему диплом. Это традиция, вот и сейчас старпом с помполитом, зная о приближении к экватору, занялись организацией праздника. Боцман, матеря всех и вся, принялся за сооружение купели и чистилища. Набрал из выхлопной трубы сажи, смешал ее с мазутом и замочил в этой смеси паклю. Нужно сказать, что смесь такая отмывается с трудом. Нептуном выбрали рефрижераторного механика, здорового дядю под два метра, Владимира Даниловича. Нечистым назначили толстого, но шустрого матроса, набрали чертей, а в русалки назначили прачку, уборщицу и второго повара. Костюмы из грубого морского полотна белого цвета и брезента шил нитками, которыми латают трал, боцман. Костюм Нептуна получился неплохой, а вот Нечистый в своем костюме походил на какого-то нелюдя, пришельца что ли. Черти примерили костюмы с нашитыми кусками трала и распущенных швартовых концов, русалки тоже примеряли юбки из распущенных концов. Вид был изумительный у всех, можно бы упасть в обморок, если бы кого-либо из команды Нептуна встретить где-либо на берегу, в городе, да еще ночью. Все стали ждать праздника. Георгий выделил из капитанских запасов два ящика вина и немного водки для команды, но до праздника не отдавал их Нептуну. К экватору подошли утром, на вахте старпома. Старпом позвонил Георгию с мостика в четверть шестого утра и сказал, что через десять минут судно достигнет экватора. Георгий приказал на экваторе лечь в дрейф. Судно подошло к нулевому широтному градусу и легло в дрейф в ожидании праздника. После завтрака команда Нептуна была собрана в столовой команды. Пришел туда и Георгий.

– Так, праздник начинаем в одиннадцать. До часа должны управиться. Потом праздничный обед, – сказал Георгий.

– Георгий Христофорович, а вы через экватор капитаном первый раз идете? – спросил один из «чертей», третий механик.

– Капитаном да, первый раз. Но до этого я много раз пересекал экватор, дипломы у меня есть.

– А вот что написано в Высочайшем повелении Нептуна, издание 1864 года, эта книга у нас в семье хранилась с давних времен, весь наш род до седьмого колена моряки. Зачитываю. Он открыл темную от старости книгу и начал читать: «А ко всем, кто экватор проходил и диплом имеет, крещения не применять, а награждать чаркою напитка крепкого, не вином. Но если капитан экватор проходит экватор впервой капитаном, то крещение применять неукоснительно. А коли будет возмущаться, то линьками нужно и выпороть. Если будет откупаться, то откуп можно принять и не крестить».

– Это не я придумал, вот читайте, – и он протянул Георгию книгу.

- Я верю, но вот этого не знал. Предлагаю сразу откуп.
- Сколько? – взвизгнула уборщица, любительница по случаю «вмазать», то есть выпить.
- Предлагаю четыре бутылки водки.
- Ну-у-у! – разочарованно сказал боцман, это только мне на один зуб.

Нептун, Нечистый и черти о чем-то зашептались.

- Мало, – сказал Нептун.
- Шесть бутылок! – предложил Георгий.
- Не пойдет! Ящик и не меньше! – закричали черти.

– Да вы с ума сошли! После ящика ни один из вас на вахту не выйдет. Шесть бутылок и с условием, что пить их будут все участники праздника.

Нептун встал и спросил Нечистого и чертей:

- Что, как думает благородная команда?
- Надо принимать. Хватит, – сказал Нечистый.
- Принимается откуп!
- Нормально, пойдет.

Команда Нептуна пошла одеваться и готовиться к празднику. Праздник начался в одиннадцать. На кормовую палубу вышел Нептун в сопровождении Нечистого, чертей и русалок. Все были немного под градусом. Нечистый по списку вызывал членов команды по очереди и подводил к Нептуну.

– А как в моих владениях оказался? – вопрошал Нептун.

– Иду служить тебе на славном судне «Юпитер», служить буду верно, и нижайше прошу принять мою службу.

- А бывал ли ты, отрок, у меня ранее?
- Да бывал.
- Покажи диплом.

Член экипажа показывал диплом.

– Принять службу этого моряка, а дабы поощрить службу его, поднести ему чарку.

Русалки наливали вино в деревянный ковш, выточенный токарем, и подавали моряку. Моряк выпивал, низко кланялся и уходил. Так длилось долго, почти все моряки имели дипломы. Но вот привели моряка, молодого матроса, который через экватор ни разу не проходил. Черти радостно взвыли и потеряли руки.

- Желаешь ли ты креститься или желаешь откупиться от крещения?
- Желаю креститься, ваше морское Высочество.
- Окрестить его, после крещения в купель.

Черти, уже пропустившие по третьему стакану, с воем и криками схватили матроса и поволокли его к чистилищу. Сунули в бочку, протащили раз, потом протащили назад второй раз. Матрос стал матово черным, белели только зубы и белки. Его схватили и бросили в купель. Вода в купели было теплая, градусов тридцать пять. Бросив в купель матроса, черти тут же забыли о нем. Тот выбрался и подошел к Нептуну.

– Поздравляю тебя с крещением. Теперь я всегда буду рад видеть тебя в своих владениях.

Подать чарку крепкого моему новому подданному.

Тому, кто крестился в первый раз, была положена водка. Русалки налили в чарку водки и подали ее покрестившемуся. Тот взял чарку и заколебался.

- Чего ждешь? – взвыл один из чертей.
- Много мне, да и не пью я водку. Можно на вино заменить?

Тут же подскочил боцман с бутылкой вина, выхватил у матроса чарку с водкой и одним глотком выпил ее. А в чарку налил сухого вина. Матрос выпил, поклонился Нептуну и пошел мыться.

После окончания праздника все вымылись и пошли обедать. Обед был праздничный. Кок приготовил такие блюда, что просто пальцы проглотишь. Судно пролежало в дрейфе до вечера, на вахте третьего помощника запустили главный двигатель и легли на нужный курс. Георгий пробыл на мостике всю вахту третьего помощника и только с началом вахты второго помощника, в ноль часов, когда в рубку поднялся более опытный второй помощник, Георгий ушел в каюту спать. На судне работал кондиционер, в каюте было прохладно. Георгий не стал ложиться в кровать, а лег на диване в кабинете и мгновенно уснул. Снилось ему Предгорное, голубая снежная вершина Казбека, снилась ему красавица осетинка, он понял, что это Циала. Потом уже до самого утра ничего не снилось.

* * *

Батрадз и Денис и в этом году не стали поступать в институт. Отсрочки и освобождения службы в армии для студентов отменили, все равно придется служить. Они решили отслужить, а потом уж учиться. Оба они работали в совхозе. Лето выдалось сухое, что не часто бывает в Осетии, жаркое. Урожай на хлеба, на кукурузу, на овощи выдался хороший. Совхоз цвел, обеспечивая своих рабочих достатком. Директор был разворотливый и деловой. За хороший урожай, за досрочно законченную уборку «выбил» в Республиканском управлении аж пять новеньких «Жигулей», импортные товары, особенно для женщин. Кроме этого, отремонтировал за совхозные деньги школу, два детских сада. Народ был доволен, работали с охотой. Директор собрал общее собрание, чтобы распределить машины. Он мог сам сделать это, единоличным решением. Но у осетин все важные дела решались на ныхасе, то есть совместном собрании всех односельчан. Раньше ныхас принадлежал только мужчинам, но сейчас допускались и женщины. И директор не стал отходить от традиций. Выступление начал парторг. Это был толстый мужчина, ленивый и не очень умный. В селе его недолюбливали. Да и где их любили, этих представителей партии? Редко кто их уважал.

– Товарищи, – начал парторг, – под мудрым руководством нашей партии мы получили прекрасный урожай, вовремя убрали хлеба, продолжаем убирать остальное.

В зале раздались смешки.

– Наверное партия обеспечила нас погодой, – раздался выкрик из зала. Народ рассмеялся. Парторг продолжал, как ни в чем не бывало. Его слушали плохо, иногда откровенно смеясь. Директору надоело это. Он прервал парторга и встал сам.

– Дорогие односельчане. Этим летом выдалась замечательная погода и мы получили прекрасный урожай, быстро его собрали, не потеряв ничего. Государственные планы перевыполнены, но нам предстоит еще много работы. Еще нужно убрать кукурузу, совхозные сады ломятся от фруктов, их нужно будет собрать и засклалировать так, чтобы они не портились. Зимой они нам принесут хорошие деньги. Но уже за урожай хлеба мы получили неплохой доход. Мы первые в республике по урожаю и поэтому республиканское руководство пошло нам навстречу. Нам выделили пять новеньких «Жигулей» шестой модели, мы их распределим сейчас. Дали много импортных товаров, я старался обеспечить наших женщин в первую очередь. Продажу этих товаров мы организуем в ближайшие дни, сообщим вам дополнительно. Удалось получить несколько дополнительных телефонных номеров, это тоже для вас. Правда, начальство в городе посчитало меня чересчур настойчивым и вкатило мне выговор, за что, даже говорить не хочу. Но я считаю этот выговор наградой мне за мои старания для вас.

Зал зааплодировал. Лица людей приобрели довольное выражение. Директор продолжил.

– У меня есть список людей, которым я бы хотел дать машины. Но я этот список хочу согласовать с вами. Одна голова хорошо, а все собрание лучше. Итак, первая кандидатура наш лучший комбайнер Исаев Дмитрий. Есть возражения?

Зал молчал. Потом встал старый Бежан, местный лекарь-травник и почитаемый всеми односельчанами человек.

– Какие могут быть возражения? Дмитрия знаю с малых лет, всегда работником был хорошим. Всегда почитал старших и всегда помогал слабым. Никто не может сказать плохого слова о нем. Но если кто-то против, то пусть встанет и скажет.

Зал одобрительно загудел. Раздались одобрительные выкрики.

– Первая кандидатура принята. Вторая кандидатура это наш лучший бригадир овощеводов, сосед и друг Дмитрия, Ахсар Калоев. Этой семье нужно бы выделить две машины, потому что его жена Зара Калоева это лучший наш садовод. Кто что может сказать про этих людей?

Зал снова одобрительно загудел. Но тут встал сам Ахсар.

– Люди, огромное спасибо за вашу доброту. Но... я предлагаю сделать так: отдать машину кому-либо другому и тоже достойному. У меня есть старенькие «Жигули», а теперь новую «шестерку» будет иметь и Дмитрий. Наши семьи дружат уже не одно поколение, у нас много даже в наших хозяйствах общего, я думаю, что если нам понадобится новая машина, чтобы поехать куда-то, то семья Дмитрия всегда поможет нам в этом. Дайте лучше нам с Дмитрием телефон. А то иногда нужно куда-то позвонить, идешь на почту и ждешь сутками.

Зал притих, удивленный. Отказаться от машины? Какой молодец Ахсар! Настоящий осетин! Все одобрительно заговорили, кое-кто даже захлопал в ладоши. Надо же! Как в старину сделал, отказал себе ради другого.

– Ахсар, – сказал директор, – ты настоящий мужчина. Спасибо тебе. А телефон тебе будет, готовь место для него.

Зал взорвался от одобрительных выкриков.

– Кому отдадим тогда машину? – спросил директор?

Встал снова Бежан.

– Я думаю, что нужно отдать Василию Рукавенко.

– Молод еще, пусть поработает и покажет себя, – раздался выкрик из зала.

– Я его бригадир и хочу сказать, что он давно показал себя. А молодость не недостаток. Головой мудр и работник редкий, – выкрикнул из зала высокий худой мужчина, Закиев Аслан.

– И все же рановато ему!

– Ничего не рановато. Смотри, он две семьи на себе тянет и в совхозе успевает хорошо работать. Нужно отдать ему машину.

Бежан поднял руку.

– Односельчане, послушайте меня. У Василия тесть Сослан инвалид, вы все это знаете. Спросите Сослана, вон он сидит, испытывает ли он в чем недостаток? Нет, у него все в порядке и это благодаря Василию. Но вот поехать куда то, в тот же город, Сослану очень трудно. А Василий всегда его отвезет и поможет.

– Правильно, отдать эту машину Василию, он заслужил это, – всколыхнулся зал. Возражающие притихли.

– Значит машину отдаем Василию Рукавенко.

Василий сохранял достоинство и молча глядел перед собой, хотя в душе ликовал. И не столько оттого, что ему дали машину, а больше от слов, сказанных о нем односельчанами. Он никогда не задумывался, что думают о нем люди. Оказывается, люди его считают хорошим человеком. Он с достоинством принял слова людей о нем и выделенную машину.

– Третья кандидатура у меня Зугаев Инал, наш всем известный инженер – механизатор. Ездить ему много приходится: там комбайн сломался, там трактор встал, вот он и ездит, развозит детали, ремонтирует, в город мотается, в соседние хозяйства за деталями. И все на своем стареньком мотоцикле «Урале». Говорите, что можете сказать о нем.

Никто не мог возразить директору. Инал был замечательным человеком, он всегда помогал односельчанам, ремонтировал в их домах электропроводку, насосы, помогал с ремонтом мотоциклов, велосипедов. Иногда сам вытачивал на токарном станке нужные детали.

– Итак, возражений нет. Значит третью машину получает Инал.

– Есть возражения. Пусть сперва женится, а потом отдать ему машину. Не дело, мужчине за тридцать, а он не женат.

Зал засмеялся.

– С машиной и женится быстрее. А невесту мы ему подыщем, – принял шутку директор.

– Четвертую машину я хочу предложить отдать Тамаре Мугуевой, нашей доярке. У нее лучшие надои, коровы всегда ухожены, в чистоте. И живет она одна, без мужа, растит троих детей. Машина будет хорошим подспорьем ей.

– Женщине, машину?! – раздался удивленный крик из зала.

– А почему нет? Если женщина эта один из лучших работников совхоза, – сказал директор.

– А кто ей водить машину будет?

– Сама научится, да и сыну ее старшему скоро восемнадцать исполнится.

Зал гудел, сомневаясь. Такого еще не было, чтобы женщину так награждали. Но в то же время односельчане в зале, в основном мужчины, в душе понимали, что директор прав. Пошумели, поговорили между собой, потом решили, что машину Тамаре отдать можно. На этом и порешили.

– Осталась одна машина. Кому ее отдадим? Я предлагаю отдать ее Левану Кокоеву. Молод? Да, молод. Но вырос на наших глазах, за хорошую работу совхоз помогал ему учиться и после учебы он вернулся домой, в наше село. Вот уже пять лет после учебы работает он в совхозе зоотехником. Хороший специалист, руководство совхоза им довольно.

– Правильно, нужно отдать ему машину. Может тоже скорее женится. А то ездит на велосипеде, девушки и не смотрят на него, поэтому и жены нет. Это не дело! – съязвил кто-то из зала.

Зал захохотал. Зоотехник Леван, сидевший в первом ряду, покраснел. Он бы давно женился, да только вот его дурацкая стеснительность всегда ему мешала.

– Если это поможет ему, чтобы он женился, то машину ему отдать нужно обязательно. Но машину нужно отдавать только с невестой. А то он никогда не женится! – раздалось из зала.

Люди в зале снова засмеялись.

– Значит, возражений тоже нет. Отдаем машину нашему зоотехнику – сказал, улыбаясь, директор. А теперь еще одна приятная новость для получивших новые машины. Я не знаю, как у них с деньгами и мы, посоветовавшись с главным бухгалтером и финансистом совхоза, приняли такое решение: совхоз сразу оплатит машины. Получившие же машины платят совхозу тридцать процентов их стоимости сразу, остальное оплатят в рассрочку. Если будут хорошо идти дела в совхозе, постараемся их долги списать постепенно.

Люди приняли это сообщение с радостью. Начали расходиться. Были и недовольные таким распределением. Особенно возмущался Заур Тобоев, известный лентяй и пьяница, к удивлению односельчан, всегда имевший немалые деньги. Ходили про него разные темные слухи, но никто толком про него ничего не знал. Ни в одной из бригад совхоза он долго не задерживался, вечно ссорился с людьми. Но на его возмущения никто особо не обращал внимания. Один из стариков, Андыр, тот, что ездил с молодежью к ингушам, цыкнул на него и пристыдил. Заур замолчал.

Вася явился домой с сияющим лицом. Залина поняла, что случилось что-то хорошее.

– Рассказывай, что принес.

– Сейчас скажу. Только не падай. Нам дали от совхоза новую «шестерку».

– Какую шестерку? – не поняла Залина.

– Машину, «Жигули» шестой модели, их получили в совхоз пять штук и одну выделили нам.

– Машину? Нам? – ахнула Залина, – А за что это?

– За мою хорошую работу.

– О, Стыр Хуцау, спасибо тебе. Такого мужа ты мне дал. Его и люди уважают, и машину ему совхоз дал. Будем теперь жить, как американцы, со своей машиной.

Но не съехидничать она не могла.

– А все потому, что я его люблю, без моей любви он бы машину не получил.

– Правильно, моя красавица, куда бы я без тебя? – Василий погладил ее по голове, – Как Сосланчик?

– Растет он, Васенька. Растет и радуется. Наелся сейчас и спит. Скоро совсем большой будет.

У двора остановились двое «Жигулей».

– Бог не дает радость в одиночку. Вот и гостей нам послал. Кто бы это?

Из машин вылезли пять девушек и трое парней. Это были ингуши из Темурюрта.

– О! Так это же Аслам, Ахмет и Башир, – обрадовался Василий и открыл калитку, встречая гостей.

Гости вошли во двор, начали знакомиться с Залиной. Девушки, среди них была и Айшат, расцеловались с хозяйкой. Познакомившись, пошутили.

– Залина, мы к тебе приехали опыт перенимать, – сказала Айшат, смеясь, – нам о тебе много Зарема рассказывала, когда ваши приезжали к нам.

– Какой опыт? – не поняла Залина.

– А как замуж выходить так, чтобы и родители довольны были, и жених не убежал.

Все рассмеялись, Залина покраснела.

– Показывай сына. Вася сам приглашал нас на смотрины.

– Спит он сейчас, немного позже, хорошо?

– Хорошо.

Залина пошла готовить еду для гостей, девушки ей помогали. Вася принес баранину, картошку, овощи. Девушки принялись за готовку. Василий сел с гостями.

– Как ты, Василий? – спросил Башир, – Все в порядке? Как сын растет? Рад за тебя. Мы в городе ваших встречали, они и рассказали нам, что у тебя сын родился. Вот мы и приехали порадоваться вместе с тобой.

– Спасибо, друзья. Все у меня хорошо. Сын растет. А сегодня мне в совхозе «шестерку» выделили.

– О – о – о!!! Поздравляем! Теперь ты к нам и с Залиной можешь приехать. Приезжай, будем рады.

– Спасибо, конечно приеду.

Парни-ингуши подали Василию сверток.

– Это тебе от нас, прими, пожалуйста.

Василий развернул сверток. В нем была бурка прекрасной работы. Подарить бурку или кинжал мужчине на Кавказе значит назвать его братом. Раньше в ответ дарили оружие. Василий долго благодарил гостей. У двора остановился мотоцикл «Урал». Вездесущий Созрыко привез Сослана и Венеру. Венера несла узлы с едой. Сослан проковылял во двор, за ним зашла Венера.

– Мир дорогим гостям. А хлеба и мяса у нас для них хватит, – сказал Сослан. Пожимая руки парней и знакомясь с ними. По обычаю, общему для всех народов Кавказа, младшие встали.

– Садитесь, садитесь. Я очень рад вас видеть, – сказал Сослан.

Увидев бурку, он сразу понял все и оценил ситуацию.

– Я сейчас вернусь, – сказал он.

Своими трудными шагами вышел со двора и пошел через улицу к соседу напротив. Там жил его друг Батырбек, кузнец и искусный художник по металлу. Имел свои секретные методы нанесения рисунков на металл, работы его ценились и выставлялись даже в городе, на выставках. Вернулся он минут через двадцать, неся сверток в руках. Отозвал Василия в сторону.

– Вот здесь три кинжала, работа Батырбека. Подари каждому ингушскому парню. Этими кинжалами не стыдно отдарить их прекрасную бурку. Еле уговорил. За стол отказался сесть, но кинжалы дал.

– А за стол почему отказался сесть?

– Около восьми лет назад ингуши убили у него отца. На сенокосе не поделили межу. С тех пор он категорически отказывается иметь хоть какие-либо отношения с ними.

– Вот глупость какая!

– Не глупость. Он не дурак. Просто у каждого человека свой мир.

– Я схожу попозже к нему.

– Думаю, что не стоит. Не пойдет.

– Хорошо.

Залина с девушками приготовили мясо, овощи, сделала осетинские пироги. Накрыли стол и позвали за стол гостей. Все сели. Сослан налил всем араки.

– Аслам не будет пить, простите его, – сказал Башир, – он за рулем, а ехать нам через город. Могут быть неприятности.

– Хорошо – как старший сказал Сослан, – я понимаю это и принимаю.

Все взяли налитое, девушки тоже. И все смотрели на Сослана, ожидая от старшего слова. Сослан встал.

– Дорогие гости, мы очень рады видеть вас в доме моего сына и моей дочери. Для нас всех это прекрасный день. Что может быть лучше хороших гостей? Ничего. Я поднимаю этот стакан за то, что Бог дал им мысль посетить нас и за их приезд. Пусть у наших гостей будут впереди счастливые дни, пусть они в жизни знают только удачи. Пусть парни будут мужественные, а девушки цветут и украшают мир, как розы украшают цветники. За вас, гости.

Гости все встали, парни выпили. Девушки же смотрели на парней вопросительно. Башир разрядил обстановку.

– Выпейте, мы в гостях. А гости должны уважать обычаи хозяев.

Девушки выпили. В это время открылась калитка и вошли Клавдия с Алексеем.

– Наш дом полон гостей, а хозяйева где-то гуляют. Простите нас, мы только приехали.

Алексей начал пожимать руки, знакомиться. Клавдия нахваливала девушек.

– Спасибо тебе, Сослан, ты сделал за меня все как нужно. Продолжай, сегодня ты хозяин застолья.

Сослан согласно кивнул. Хотя Алексей и был старше него, но тот, кто начал застолье, должен был довести его до конца. Налили еще. После того, как налили в третий раз, встал Василий.

– Я еще раз благодарю наших гостей за то, что они приехали к нам. Они подарили мне бурку, значит они наши братья с этого времени. И я очень прошу парней принять мои подарки.

С этими словами Василий достал кинжалы и каждому парню поднес кинжал на двух руках. Парни приняли их. Кинжалы были редкой работы. На отполированные лезвия были рисунки, изображавшие барса в прыжке, у каждого кинжала разный. Парни в изумлении рассматривали рисунки. Древний кавказский обряд свершился. Теперь этих людей не посорит даже война между этими народами. Они стали кунаками. Таков обычай.

Клавдия потчевала девушек-ингушек. Они с Венерой подкладывали им все вкусное. Те ели, не отказывались.

– Замуж собираетесь? – спросила Венера, – Женихи то есть?

– Нету женихов. Мы поэтому и приехали к Залине, чтобы она с нами опытом поделилась. Как выйти замуж, чтобы и женихи довольные были и родители, – пошутила Айшат.

Клавдия махнула рукой.

– Ох, эта молодежь. Они совсем старших не слушают. Все делают по-своему. Уж я своему Василию говорила, предупреждала, а они... Ну, да ладно, хорошо, что все хорошо кончилось.

– Наш брат настоящий мужчина, джигит, – подал голос Ахмет, – он все сделал так, как надо.

Залина залилась краской и, найдя предлог, вышла из-за стола. Слишком уж вольные шутки у всех, даже ингушки разошлись. И все камушки в ее огород. Она подошла к кровати, сынок проснулся, уже кряхтел, просил есть. Взяв его на руки, Залина пошла в другую комнату кормить его. Покормив, вынесла к гостям. Девушки повскакивали, смотрели на маленького Сослана, ахали.

– И когда у меня такой будет? – не выдержала Гуни, маленькая, лет двадцати девушка, с красивой косой.

– Будет, не успеешь оглянуться. Как тебя замуж выдадим, так и будет, – сказала Азатхан, другая девушка, немного полная.

– За кого замуж? Никто не сватает.

– Не беспокойся, дочка, скоро сосватают. На свадьбу не забудь пригласить, – сказала Клавдия.

– Сразу приглашу. Сама, пешком через перевал приду.

– Молодец какая, ничего не боится.

Гости просидели до темноты, было много тостов, хороших слов. Уже поздно вечером, в темноте, сели в машины и уехали.

– Так тебе что, машину выделили? – спросил Алексей сына.

– Да, пап, выделили.

– Ну, так мы теперь заживем с машиной. Можно куда угодно съездить. Вон у Сослана брат больной, нужно съездить навестить его.

– Послезавтра сказали машины забирать.

– Очень хорошо.

– Ты посмотри ее, Вася, хорошенько, чтобы изъянов не было, – сказал Сослан.

– Конечно же проверю.

Посидели еще, поговорили. Венера, Клавдия и Залина убрали столы, перемыли посуду. Стемнело. Сослан и Венера остались ночевать у сватов. Люди жили обычной, хорошей жизнью. Той жизнью, которой и должен был жить человек...

На другой день, чуть забрезжила заря, осветив вершины гор, люди уже потянулись на работу. Шли на ферму доярки, шли рабочие в поля, сады, заводили трактора, автомобили, ухал в кузнице молот, пастух выгнал частных коров на пастбище. Денис, как всегда, был около своего автомобиля в семь часов. Пошел за путевкой. Ехать нужно было в Эльхотово за какими-то ножами для комбайна. Он взял путевку, взял письмо от инженера эльхотовскому инженеру, расспросил все подробно, чтобы ясно уяснить, что нужно было привезти. Выйдя из конторы, увидел Батрадза. Тот сейчас тоже работал шофером.

– Привет, Батрадз, как дела?

– Привет. Все хорошо. Как у тебя?

– Неплохо. Ты куда собрался?

– Я недалеко, в город. Отвезу на базу яблоки, сейчас поеду грузиться в сад, оттуда возьму какие-то ящики и привезу сюда. К обеду буду. А ты куда?

– Я в Эльхотово, поэтому буду только к вечеру. Ножи какие-то к комбайну должен взять там и привезти.

– Из-за этой уборочной мы с тобой последнее время мельком видимся. Ты Циалу то видел?

– Видел.

– Ну и что? – Батрадз был в курсе дел о том, что Денис охладел к Циале.

– Честно ей рассказал. Она все поняла. А самое интересное, что она мне хотела сказать то же самое. Хороший она человек. Расстались без всяких претензий друг к другу, договорились остаться друзьями.

– Вот и прекрасно. Она хорошая девушка. Но вот что я тебе хочу сказать. По тебе сохнет одна девушка. Притом очень сильно. Случайно подслушал ее разговор с подругой. Говорила так, как будто она взрослая, умудренная жизнью женщина. Сказала, что никому тебя не отдаст и себя никому другому, кроме тебя, не отдаст тоже.

– Ничего себе! Кто это, интересно? Я никаких поводов никому не давал.

– Не буду говорить. Придет время – узнаешь. Но девушку эту знаю давно, она слов на ветер не бросает.

– Красивая хоть?

– Красивая, даже очень, – засмеялся Батрадз.

– Да ну тебя, шутишь, наверное.

– Нет, брат мой, не шучу. И прямо тебе говорю, что она сделает все, чтобы было так, как она хочет.

Денис пожал плечами, хмыкнул. «Ладно, поживем – увидим» – подумал он.

– Батрадз, мне чтобы обернуться до вечера, нужно ехать.

– Езжай. Но вечером вряд ли увидимся. Вечером пойду к Лале.

Лала была очередной девушкой Батрадза. У него их было много, но ни с одной не ладилось всерьез.

– Пока.

– Пока.

Денис сел в машину и поехал. Из головы не шел разговор с Батрадзом. Кто же эта девушка, что хочет заполучить его? Да еще такие слова говорит. Денис перебрал в голове всех знакомых девушек, но ни одна не совпадала со словами Батрадза. Девушек много улыбалось Денису, парень он был видный, но он как-то не обращал на них внимания. Он не хотел никого обижать, а сердце его было закрыто для всех. Навстречу ветровому стеклу летела дорога, было уже жарко, окна в своем газике Денис держал открытым. Впереди показался пост ГАИ. Милиционер посмотрел на Дениса, но останавливать его не стал. К обеду Денис был в Эльхотово, старинном большом осетинском мусульманском селении. Нашел инженера, отдал ему письмо.

– Езжайте на склад, там вам погрузят ножи, – сказал инженер, седой крепкий мужчина. И объяснил, как проехать на склад. Денис проехал на склад, отдал завскладу накладную, рабочие погрузили два длинных деревянных ящика.

– А где у вас пообедать можно? – спросил Денис рабочих.

– В нашей сельской столовой, готовят хорошо и стоит недорого.

Когда Денис пообедал, было уже два часа пополудни. Отдохнув под деревом на траве минут пятнадцать, Денис тронулся в обратный путь.

* * *

Хадизат выросла. Она на глазах наливалась женскими достоинствами и выглядела взрослой девушкой. Маринка, ее подруга и ровесница, наперсница всех ее тайн, с удивлением отмечала, что Хадизат в физическом развитии намного опередила ее.

– И куда тебя прет? – говорила, смеясь, Маринка, – Хоть сейчас замуж выдавай! Такими грудями можно троих сразу кормить. Ты стала прямо взрослой и красавицей.

Хадизат смущенно отмалчивалась, но и сама чувствовала, что с ней происходит что-то новое, приятное. Стали казаться мелкими и ненужными чувства и дела, которые она ставила на первое место. Детские понятия стали уходить назад, появились взрослые взгляды. На удивление всем она стала рассуждать как взрослая девушка. Хадизат очень выделялась среди сверстников в классе, стала замечать, что даже молодые преподаватели начали на нее поглядывать по-особому. В ее классе никто так не выглядел. Она была невысокой девушкой с красивой фигурой. У нее было почти сформировавшееся тело взрослой девушки и детское, наивное и красивое лицо, на котором сияли большие умные глаза, придававшие лицу особое выражение и притягивающие собеседника. Многие парни из десятого и одиннадцатого классов старались завоевать ее внимание, но она держала их на расстоянии. Некоторые парни называли ее недоτροгой, а некоторые даже дурой. Но дурой Хизат никогда не была. Отец ее Ахсар, иногда глядя на нее, думал: «Не успеешь оглянуться, как сваты в дом нагрянут, эта не засидится в девушках». Маринка рядом с ней казалась года на три младше, хотя тоже превратилась в девушку-подростка. Но за пределы нормы этого возраста не выходила. Хадизат росла очень цельной и целеустремленной, с умом, который долго обдумывает, но принимает правильные решения. Если она задумывала что-то сделать, то долго обдумывала это, как бы разглядывая предстоящее дело со всех сторон. Но если она принимала решение, то никто и ничто этого решения изменить не мог. Самое удивительное, даже для нее самой, ее решения всегда оказывались правильными. Это ее и радовало, и пугало. «Ох, не дай Бог, нарвусь когда-нибудь и приму неправильное решение» – иногда думала она. Но такого не случалось. Все у нее как-то само собой претворялось в жизнь. С Маринкой они делили все. Они так привыкли. Они даже не понимали своим полудетским умом, где кончалась одна семья и начиналась другая. Детьми они думали, что все соседи так живут, но потом поняли, что у их семей отношения особые. Они запросто оставались ночевать друг у друга, хотя до дома было три шага. Если хотели есть, то брали еду в доме друг друга без всякого спроса и стеснения. Если пропадали на речке, то вместе, если работали в огороде, дома, в саду, то тоже вместе. Родители иногда смеялись между собой: «Интересно, чьи они дочери, ваши или наши?». Если Маринке покупали или шили обнову, то точно такая одежда покупалась или шилась для Хадизат. Девушки росли без плохих понятий внешнего мира, да в их время в селах Осетии этих понятий практически не было. Город уже поддавался чужим обычаям, взламывалась древняя культура, традиции, но в селах и горных аулах этому пока противостояли. Хадизат имела тайну, которую пока она не доверяла никому, даже Маринке. Эта тайна касалась ее будущего и она, как все важное, сейчас обдумывала это. Обдумывала уже год, но не спешила с решением. Она знала, что ошибиться нельзя. Ошибка будет стоить ей очень дорого. Но исподволь она все-таки двигалась к цели. Получалось это как-то само собой. Что же за такая важная цель у нее была? Мы увидим это позже, а пока сохраним и мы девичью тайну.

* * *

Хадизат с Маринкой сидели на скамейке у дома. Недавно Ахсар убрал старую, прогнившую скамейку и сделал новую, широкую и красивую, с изогнутой, немного откинутой спинкой, покрасил ее в голубой цвет. На такой скамейке было удобно сидеть и даже можно полежать.

– А нельзя над ней навес сделать? – спросила как-то Хадизат отца.

– Зачем тебе навес?

– Чтобы в дождь можно было книгу почитать.

– Попроси Батрадза и Дениса, они сделают. Мне не до этого, – отмахнулся Ахсар.

Маринка и Хадизат решили так и сделать. А сейчас сидели и обсуждали какие-то свои школьные дела, что-то весело рассказывая и прерывая друг друга. Из-за угла показался Денис. Шел он домой после поездки в Эльхотово, немного усталый, голодный. При виде Дениса Хадизат

зат как-то напряглась и почувствовала, что вся ее душа подалась к Денису. Так бы вскочила и побежала навстречу, но нельзя. Денис подошел, поздоровался и тоже сел на скамейку.

– Какая удобная скамейка. Кто сделал?

– Папа, – сказала Хадизат – я попросила его навес еще сделать, он сказал, что вы с Батрадзом сделаете.

– Навес? – удивился Денис, – Зачем он вам?

– В дождь можно кошму принести, посидеть, полежать, книгу почитать.

– Так это целый дом уж получится, ладно, сделаю. С одним условием.

– С каким?

– Поцелуете обе меня, а потом накормите.

– Нужен был, целовать его еще, – возмутилась Маринка.

– И ты, Хадизат, не будешь меня целовать?

– Я... я... не знаю. Марина не хочет...

– Ты же не Маринка, – смеясь подкалывал ее Денис.

– Я... боюсь...

– Ладно, не хотите, как хотите, насильно мил не будешь. Давайте поесть, а то я готов живого быка проглотить.

Хадизат сорвалась, забежала в дом, быстро нарезала сыр, хлеб. Налила в стакан молока. Высунула голову из окна и позвала.

– Денис, иди ешь. Я все тебе приготовила. Сыр, хлеб, молоко хватит? Или еще чего-нибудь хочешь?

– Хватит. Только устал, неохота идти. Неси сюда.

И эту просьбу Хадизат выполнила с удовольствием. Поставила на деревянный поднос еду и принесла Денису на скамейку.

– Спасибо, Хадизат. Ты у нас самый лучший человек на свете. Предупреждаю: вырастешь – заберу в жены. Выйдешь замуж за другого – украду из замужа.

И Денис весело расхохотался. Хадизат покраснела от похвалы и от слов Дениса.

– Не бойся, не выйду. Нужны они мне все были.

– А я? А, вспомнил. Ты мне говорила, что и я тебе не нужен, лучше найдешь. Поэтому я и украсть тебя обещал.

– У тебя злая память, все нехорошее помнишь.

– Все, Хадизат, забыл я это. Готовься.

– К чему готовиться то?

– Замуж за меня выходить.

Денис снова расхохотался. Маринка посмотрела на Хадизат и покрутила у виска пальцем: что, мол, с ненормального взять. Приобняла подругу и что-то шепнула ей на ухо. Хадизат кивнула головой в знак согласия.

– Батрадз был дома?

– Был, поел и ушел куда-то.

– Знаю куда, – выпалила Маринка, – к Лале ушел. Доходится.

Денис съел сыр с хлебом, выпил молоко. Встал, нагнулся к Хадизат и поцеловал ее в щеку.

– Спасибо, не дала умереть от голода. Тебе, Хадизат, цены нет.

Хадизат как будто молнией пробило от макушки до пяток. Она почувствовала, как ее тело обволокло поцелуем Дениса, стало приятно и хорошо на сердце. Но внешне она только вскинула глаза и потом опустила их. Денис пошел во двор, нужно было помыться. Хадизат и Маринка еще долго сидели, рассказывая что-то друг другу. Только Маринка заметила, что отвечает подруга ей часто невпопад.

Наступил день, когда нужно было ехать в город за новыми машинами. Собрались все, кому машины были выделены. Тамара Мугуева беспокоилась: кто перегонит ее машину из

города домой. Старший сын ее машину водить умел, но прав не имел, так как ему не было еще восемнадцати лет.

– Тетя Тамара, попросите бригадира механизаторов отпустить с вами Батрадза Калоева, он вам и перегонит машину, – посоветовал ей Денис.

Тамара ушла и минут через десять вернулась с Батрадзом. Василий, обычно сдержанный, не мог скрыть радости и тихо сиял. Подошел небольшой автобус, все погрузились в него. Свободных мест было много. Денис подошел к водителю и попросил его подъехать к его дому. Водитель исполнил просьбу и остановился рядом с домом Дениса. Денис выскочил из автобуса. Маринка с Хадизат сидели все на той же новой скамейке, собираясь идти в огород Исаевых.

– Хадизат, Марина, быстро в автобус. Поедем в город за машиной.

Те опешили.

– А переодеться можно? В город все-таки поедем – сказала Хадизат.

– И маму нужно предупредить.

Водитель автобуса Заур слышал разговор в открытую дверь. Заглушил мотор и крикнул:

– Даю вам десять минут, не больше.

Девчонки сорвались с места. Через минут шесть вышли в красивых платьях, легких босоножках и сели в автобус. Все мужчины, в том числе и Заур, залюбовались Хадизат. Автобус тронулся. В городе подъехали к автомагазину, на складе которого стояли машины. Директор магазина высокий широкоплечий осетин Бембулат Харитонович повел всех на склад.

– Вот это самое последнее поступление. Из горисполкома звонили, чтобы вашим «шестеркам» сделали предпродажное обслуживание. Мы все сделали. Обтянули все соединения, долили масла, залили понемногу бензина. До заправки доехать вам хватит с избытком. Проверили смазку в подшипниках, отрегулировали «развал-схождение», проверили давление в шинах. На мой взгляд все в порядке. Выбирайте машины, оформляйте документы и забирайте их. Помните, что профилактические ремонты и профилактическое обслуживание вы будете проходить у нас. В течении года мы будем наблюдать и вести ваши машины. Если обнаружится какая-либо неисправность, то ремонт в течении года за наш счет.

Дмитрий с Денисом выбрали машину вишневого цвета. Смотрелась она красиво. Вася выбрал машину голубого цвета, Тамаре Мугуевой досталась тоже вишневого цвета. Она радостно смотрела на нее, вся сияя.

– Ну какая прелесть! – ахала она, – Еще бы бантик сбоку, было бы просто загляденье.

Мужчины смеялись ее репликам. Пошли оформлять документы. После оформления разобрали машины и начали выруливать со двора склада. Дмитрий посадил за руль сына. Денис сел. Маринка попыталась сесть на переднее сидение.

– Потом сядешь. Вчера так и накормить не захотела. Я свою будущую жену посажу рядом с собой, если папа разрешит.

Дмитрий открыл переднюю дверь.

– Хадизат, садись. Ты никак снохой моей будешь?

Хадизат от смущения покраснела и закрыла руками лицо. Маринка взвилась, заступаясь за подругу.

– Что вы к человеку пристали? Один дурачок несет что попало и ты, папа, как маленький, повторяешь за ним.

– Правильно, я только повторил слова Дениса... Хадизат, не обижайся, дочка, мы шутим... Хотя... от такой снохи я и вправду бы не отказался. Иди, садись впереди.

Хадизат села рядом с Денисом, все еще смущенная, довольная и гордая. Маринка сзади нагнулась к ней и зашептала что-то. Хадизат согласно кивнула головой.

– Папа, Денис, давайте заедем в городской парк. Погуляем там, мы хоть мороженого поедем.

Денис повернул в центр, к городскому парку. Остановился недалеко от входа на стоянке. Все вышли из машины, пошли в парк. Дмитрий далеко не пошел, сел на скамейку у одного из каналов. «Пусть молодежь поразвлекается немного» – подумал он.

– На лодке будем кататься? – спросил Денис девушек.

Девчонки даже взвизгнули от восторга, обратив на себя внимание прохожих, потом смущенно засмеялись. Денис взял лодку, посадил в нее девушек, затем пошел и принес им по два мороженых, разного вида. Себе взял одно, он не очень любил это лакомство. Отвязал лодку и погреб вдоль канала. Девушки ели мороженное, тихо о чем-то говорили. Несколько раз Денис поймал на себе какой-то особенный, испытывающий и зовущий взгляд Хадизат. «Чего то она?» – не понимая ее взглядов, подумал Денис. Катались на лодке они два часа, пока не кончилось оплаченное время. Подъехали к причалу, привязали лодку. Дмитрий все также сидел на скамейке парка.

– Ну что, накатались? – спросил он.

– Да, папа, и мороженого наелись.

– Домой поедем?

– Папа, – приластившись к нему Маринка, – мы так редко в городе бываем. Давай сходим в кино?

– Нет, это не по мне. Вы идите в кино, а я на автобусе домой поеду.

– Ну нет, что же это, – возмутился Денис, – пусть идут в кино, я тебя отвезу домой, а потом приеду за ними.

– Хорошо.

– Тогда поехали к кинотеатру, купите билеты и к концу сеанса я приеду за вами.

– А ты не пойдешь с нами? – как то огорченно спросила Хадизат.

– Могу пойти, но сперва давайте отвезем папу.

Пошли к машине. Возле нее, увидев новую «шестерку» с транзитными номерами, крутились трое мужчин лет по сорок. По виду грузины.

– Эй, батано, кто хозяин машины?

– Я, – сказал Дмитрий.

– Не хочешь продать? Хорошие деньги дадим.

– Зачем продавать? Самому нужна. Только сегодня купил.

– Послушай, да? Мы тебе две цены дадим. Хочешь, да?

– Нет, не хочу.

– Эх, какой ты несговорчивый! Три цены! – воскликнул толстенький низенький грузин.

– Я же сказал – нет! – ответил Дмитрий.

Грузины отошли очень недовольные. Размахивали руками, что-то вскрикивали по-грузински. Дмитрий усадил Хадизат снова на переднее сидение и Денис поехал в направлении Предгорного. Возле завода повернул направо, отсюда до дома оставалось всего двенадцать километров. Хадизат цвела, бросая радостные взгляды вокруг, а Денису дарилась все те же непонятные зовущие взгляды. Через полчаса были дома. Встретили их Вера, мама Дениса, и Зара. Ахсар был на работе.

– Красивая машина, – сказала Вера, – прямо как вишневое вино, – замечательно смотрится.

– Не ехали, а плыли на ней. Как на пароходе – сказал Дмитрий.

– Девушки наши в кино собрались – сказал Денис, – на лодке я их уже накатаю в парке. Сейчас мы поедем и сходим в кино. Не хотите с нами?

– Нет, какое кино? В телевизоре посмотрим – сказала Зара, – машина очень красивая. Потом нас с Верой покатаешь, Денис.

– Хорошо, Конечно покатаю.

Денис тронулся снова в город. В городе заехали на автозаправку, залили полный бак бензина.

– Теперь хоть в Москву можно ехать, – сказал Денис.

– Поехали, а?! – воскликнула Маринка.

– Как только вырастишь, так и отвезу тебя в Москву, продам, как барана, – засмеялся Денис и тут же получил кулачком в спину.

– Я тебе давно, Марина, говорила, что твоего брата нужно воспитывать. Совсем совесть потерял.

– Я ему ночью в кровать воды налью, а потом будем смеяться.

– Жалко, потом что о нем думать будут? – хихикнула и вступилаась за Дениса Хадизат.

Подъехали к кинотеатру, машину оставили на стоянке. Девушки красовались в легких платьях и в босоножках, последний крик моды. На Хадизат посматривали довольно серьезно взрослые парни. Она, заметив это, хмыкнула и взяла под руку Дениса. Маринка удивленно посмотрела на нее.

– Ты чего это его под руку взяла? И так не убежит, а убежит – поймаем.

– Она правильно сделала. Она же замуж за меня готовится, – съязвил Денис.

Хадизат покраснела, но руку Дениса не отпустила. Наоборот, крепче прижалась к руке Дениса так, что он почувствовал упругость ее девичьей груди. Так они подошли к кассе, купили билеты и прошли в зал. Сели на свои места. Фильм сразу захватил их. Это была одна из новых комедий. Денис с девушками хохотали до упаду. Хадизат было так приятно сидеть рядом с Денисом, что она потеряла контроль над собой и совсем прижалась к нему. Он приобнял ее за плечи. Хадизат ахнула и отстранилась, одарив Дениса таким взглядом, что он его понял даже в темноте. Понял и был поражен. Это был уже не зовущий взгляд, который он видел днем, а взгляд любящей взрослой девушки.

– Спасибо, – сказал ей тихо на ухо Денис.

– Пожалуйста. Это только для тебя – сказала она, потупясь.

– Что вы там шепчетесь? – тихо спросила Маринка.

– Не детское это дело, смотри фильм, – парировал ей Денис. И снова почувствовал ее кулак. На это раз ткнувший его в бок.

После фильма вышли довольные.

– Хорошо с машиной, – сказала Маринка, – в город будем вырываться почаще.

– Если будешь себя хорошо вести, то так уж и быть, иногда буду возить. Маленькие дети должны хорошо себя вести.

– Нужен ты нам был, нас папа свозит.

Денис рассмеялся.

– Папам вашим делать больше нечего, как только вас в город возить.

Маринка погрозила ему кулаком.

– Поговори, еще получишь. Ты чего к нему прилипла, Хадизат? Да он не заслуживает того, чтобы ты его за руку держала. Меньше, чем за десяток мороженных я бы этого не сделала.

Денис покачал головой, засмеялся и подошел к мороженице.

– Что, брать вам десяток мороженных? А как хранить будете? Они же растают.

– Я вам упакую их в бумагу в несколько слоев, а дома вы положите их в холодильник, – сказала мороженица.

Денис купил десяток мороженных и отдал их Маринке.

– На, неси.

– Все равно под руку не возьму.

– Я за тебя уже взяла его, ты же не против? – шутя сказала Хадизат.

– Нет, не против, только он недостоин. А вообще то вместе, да под ручку, вы неплохо смотрите. Хадизат, может тебе и вправду за него замуж выйти?

– Может и вправду выйду, время покажет, – серьезно сказала Хадизат.

На стоянке у машины крутились те же грузины. «Они что, следили за нами?» – подумал Денис. Подошел к машине, отомкнул дверцы.

– Эй, батано, давай продавай нам машину! – начал свое один из них.

– Это не моя машина, а отца.

– Скажи ему четыре цены даем. Завтра в двенадцать дня ждем на стоянке у парка.

Денис посадил девушек и повел машину домой.

В этот вечер впервые Денис пошел гулять с Хадизат и Маринкой по улицам села. Пойти только с Хадизат он не решился. Это придет потом.

* * *

Циала проснулась от протяжного мяуканья. Где-то рядом орал не своим голосом котенок. Она встала и как была, в ночной рубашке, подошла к окну. Ее комната была на втором этаже, примерно на высоте окна на дереве был пристроен скворечник. Из входного отверстия скворечника выглядывал котенок, пытаясь слезть на землю. Он боялся слезать, было для него высоко, и он со страха орал благим матом. Вокруг кричали, летая, два скворца, у них в скворечнике были маленькие птенцы. «Это Инал его туда засунул, больше никому» – подумала Циала. Глянула вниз и увидела рыжего мальчишку, крутившегося у дерева.

– Инал, ты зачем котенка засунул в скворечник? Ну-ка сейчас же спусти его на землю.

– Я космонавта из него воспитываю, к высоте приучаю.

– Какой тебе космонавт? Там же скворчата, их родители кормят, вон они летают и кричат.

– Я не думаю, чтобы он скворчат тронул. Он трусливый. Я его из отряда космонавтов выгоню.

– Я тебе повторяю, немедленно спусти котенка вниз.

Инал неохотно полез на дерево, достал котенка из скворечника и положил за пазуху. Тот перестал кричать. Инал спустился вниз. Один из скворцов тут же нырнул в скворечник и оттуда раздалось его успокаивающее скворчат стрекотание. Циала умылась, оделась и спустилась вниз. Дети еще спали. Один этот неугомонный Инал уже давно развлекался. Циала понимала, что он не виноват в своей неумной энергии, что он таким родился. Вот только за проделками его нужен глаз да глаз, иначе он может и натворить что-либо нехорошее. Сам он мальчик был не злой, но он не мог физически сидеть без дела. При этом дела он делал только те, которые выдумывал сам. Всякое посягательство на его свободу он отвергал самым жестким образом. Но лагерные обязанности, хоть и с неохотой, выполнял. «Трудноватый характер, – подумала Циала – но если его направить в правильном направлении, то из него получится сильный человек. Такие люди незлопамятны и обычно уважают других. Нужно с его родителями познакомиться».

Циала нашла Инала за другим занятием. Он привязывал веревкой входную дверь в девчачью комнату. Если бы ему не помешали, то девочки после пробуждения не смогли бы выйти.

– Ну и что ты делаешь? – спросила рыжего Циала – Они же выйти не смогут.

– Странная вы, Циала Константиновна. Я воспитываю в них находчивость. Выйти через открытую дверь и дурак сможет. А вот пусть они выйдут через привязанную дверь. У человека только при определенном препятствии воспитывается находчивость. А если они так будут жить, как живут, то никакой находчивости у них не будет.

– Сейчас же развяжи двери. Это ты устраиваешь не находчивость, а глупость.

Инал с неохотой развязал двери. Отошел, подумал.

– А может им воду из шланга в окно направить? Сразу проснутся.

– Инал, не говори глупости.

Мальчик ушел. Когда Циала вышла на улицу, он сидел под навесом, о чем-то размышляя. Циала подошла к нему.

– Инал, ты уже большой мальчик, скоро мужчиной будешь. Ты должен уже понимать, что каждый человек это есть человек. И ничего нельзя делать во вред другому, даже если это не человек, а котенок. Ведь ты котенка так напугал, что он и сейчас, я думаю, никак в себя не придет.

Инал хмыкнул.

– Да вон он, ваш котенок, дрыхнет без задних ног. Забыл уже о том скворечнике.

– И все равно, Инал, так делать нельзя. И девочек завязывать в их комнате нельзя. А если кто-то из них сильно в туалет захочет?

Инад снова хмыкнул.

– Ну наделает в штаны, делов то... Потом постирает.

Циала не могла подобраться к нему ни с какой стороны. Он выбивал ее из колеи привычного поведения своей непонятной логикой, которая и рождала его необычное поведение.

– А кто у тебя мама с папой?

– Папа инженер, работает в конструкторском бюро на заводе, а мама библиотечаршей работает.

– А ты можешь меня познакомить с ними, когда они приедут?

– Что, жаловаться будете на меня?

– Нет, жаловаться не буду. Просто хочу встретиться и поговорить с ними. Определить, в кого ты – в маму или в папу.

– Они сами не знают, в кого я. Бабушка говорит, что ни в мать, ни в отца, в проезжего молодца.

– Не говори так, это нехорошо.

– И чего нехорошего? Как приедут, я вас познакомлю.

Из дома, где располагались дети, начали выходить проснувшиеся. Циала глянула на часы, было без пяти семь.

– Сегодня кто дежурный из вас? – спросила она Инала.

– Я.

– Через пять минут играй подъем и всех на зарядку.

Через пять минут Инал включил магнитофон и трансляцию, из динамиков раздался сигнал подъема. Дети начали выходить группами, зевая и потирая глаза. Выстроились на площадке. Циала подошла к ним.

– Доброе утро, ребята.

– Доброе утро, – хором ответили дети.

– Начинаем утреннюю гимнастику. Итак, первое это дыхательное упражнение. Подняли медленно руки от бедер вверх, ра-а-аз, два-а-а-!

Дети начали делать упражнения утренней гимнастики. Циала делала упражнения вместе с ними.

– И.-и-и два, и-и-и три!

Инал с хмурым лицом тоже делал упражнения, наблюдая за ребятами. Вдруг он закричал на девочку в синих трусиках.

– Эй, ты, лентяйка! Кто так делает упражнения? Может хочешь, чтобы я тебя из шланга окатил холодной водой? Вмиг завертись.

– Инал, нельзя так, некрасиво кричать, да еще на девочку, – прикрикнула на него Циала.

– Красиво. Она же сачкует.

– Что делает?

– Сачкует, значит ленится.

Циала только покачала головой.

– Я не выспалась, спать хочу, – сказала девочка в синих трусиках.

– Я тоже спать хочу.

Инал строго взглянул на них.

– Перетерпите. Нечего круглые сутки спать. Дождь, наверное, будет, поэтому вы и хотите спать.

«Все знает», – отметила Циала. После зарядки все умылись и пошли в столовую. Принялись за завтрак. Все было бы хорошо, если бы Инал в ответ на слово «дурак» не запустил бутербродом в ту же самую девочку. Здесь Циала уже рассердилась не на шутку и начала отчитывать обоих. Инал насупился.

– Простите, Циала Константиновна, я неправильно сделал... Нужно было надеть ей на голову тарелку с манной кашей.

Дети покатались со смеху. Циале оставалось только покачать головой. После завтрака дети пошли на прогулку. Маршрут прогулки обычно выбирался Циалой и проходил в нескольких направлениях. Выбирая маршрут, Циала всегда советовалась с детьми. И они ей говорили, куда хотят они пойти и что увидеть. Сегодня решили идти на гору, которая обрывалась скалой к Тереку. На вершине она была покрыта густым хвойным лесом. В предлесье росли разные виды трав, много было цветов – больших и малых. Аромат там всегда стоял такой, что голова кружилась. Одно было не по душе Циале: в каменистых россыпях, которые там попадались, было много змей, они иногда выползали на тропинку, где и грелись. Поэтому Циала ведя туда детей, заставляла обувать их сапожки, а шаровары и брюки заправлять в голенища сапожек. Все собрались, взяли с собой перекусить. Инал и его неразлучный дружок Витя Сорокин о чем-то шептались... У обоих в руках были палки, на конце которых были развилки в виде маленькой рогатки, такими палки были выбраны и вырезаны. Циала подозвала обоих к себе.

– Что это у вас?

– Палки.

– Зачем?

Инал смотрел на нее с таким видом, как будто перед ним стояла какая-то ну совершенно не понимающая ничего.

– Что тут неясного? – сказал он – Это же палки-змееловы. Вот этой рогаткой прижимаешь змею за шею к земле, потом берешь за хвост и кидаешь в мешок.

– Он показал небольшой холщовый мешок из-под сахара.

– А зачем вам змеи?

Оба молчали.

– Так зачем вам змеи? Они же вас укусить могут.

– Зачем? Просто так. Можно девчонок попугать. А укусить не укусят, они же в мешке будут сидеть.

– Вот что ребята. Палки вы можете взять с собой, а мешок оставьте. Змей ловить я вам не разрешаю.

Оба мальчика насупились и стояли, размышляя, что же им делать дальше. Потом бросили мешок и начали о чем-то шептаться. Все дети гуськом, вслед за Циалой, пошли по тропинке на вершину горы. Шли, весело о чем-то разговаривая, показывали на цветы, деревья кустарники, травы, спрашивая друг у друга, как они называются, теребили Циалу вопросами по этому поводу. Циала была довольна. Раз есть любопытство, значит будут и знания. Циала шла впереди группы, внимательно смотря под ноги. Но змей не было видно. Вдруг сзади раздался визг одной девочки, потом заверещали еще несколько девочек. Циала остановилась. Поворот и большой куст бузины закрывали кричащих. Но и так было ясно, что там не обошлось без Инала и Вити. Циала сказала ребятам, чтобы не ходили дальше и пошла назад по тропинке. Пройдя поворот, она увидела Инала с красноватой змеей в руках. Он пугал ею девчонок. Циала обомлела.

– Брось, брось сейчас же! Ты что, с ума сошел?

– Давно уже, еще до приезда в лагерь, – крикнула одна из девочек.

– Циала Константиновна, да это же горный уж, он не ядовитый. Он не кусается, может только ущипнуть чуточку, – сказал громко Витя.

– Откуда ты знаешь, что змея не ядовитая?

– Вот, смотрите, – и Инал показал хвост змеи, – видите, хвост острый, а голова овальная. У ядовитых змей голова как стрела, потому что на боках ядовитые железы, а хвост тупой, как обрубленный. Смотрите, мы же с ней друзья уже.

Инал повесил змею себе на шею, она медленно извиваясь и не показывая никакой агрессивности, заползла ему за пазуху.

– Все равно отпусти ее и не трогай – уже миролюбиво сказала Циала, а сама поразилась знаниям Инала. Он все знает больше, чем она. Краем глаза она заметила, как Витя что-то кинул за шиворот одной из девочек. Та так завизжала, что у всех заложил уши. Вытащила кофту из шаровар и на землю шлепнулась небольшая серая лягушка. «Господи, да что же с ними делать?» – мелькнуло у растерявшейся Циалы. Но дети сами решили все вопросы. Девочки кулаками поколотили по Витиной спине, весело хохоча, и все, вспоминая и разрисовывая случаи с лягушкой и со змеей, весело пошли дальше. Прошли по тропинке травы, потом через лес вышли на вершину. От открывшейся красоты захватывало дух. На север убегала вырвавшаяся из ущелья река, на юге, на востоке и на западе вздымались вершины гор. Горы были разных цветов и оттенков. Дальние горы были голубыми от лежащего на них снега, более ближние, где не было растительности, были черными, а ближние горы, покрытые лесами, стояли и переливались всеми цветами изумрудов. Все затихли, пораженные такой красотой. Вот она та страна, которую называют Малой Родиной. Пусть дети впитают ее в себя и пронесут через всю жизнь, где бы они ни были. Пусть они будут жить где-то далеко, даже в других странах. Они будут всегда помнить и эту тропинку, и запах трав, и цепи их родных гор, воспетых многими поэтами от Коста Хетагурова до Лермонтова и Пушкина. Полюбовались горами, сели на траву, перекусили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.